Сочиненія

Густава Эмара.

Ранчо

у моста ліанъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе П. П. Сойкина
12, Стремянная, 12.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 Августа 1899 г.

Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, 12.

I.

О томъ, чѣмъ можетъ окончиться любовное свиданіе въ нѣкоторыхъ частяхъ Мексики.

Война за независимость, которую Мексиканцы вели въ продолженіи одиннадцати лѣтъ, чтобы избавиться отъ ненавистнаго испанскаго ига, тяготѣвшаго надъ ними болѣе трехъ столѣтій, представляетъ собою славную эпопею, еще очень мало извѣстную у насъ, въ Европѣ, тогда какъ въ Америкѣ всѣ достопамятные эпизоды и геройскіе подвиги этой войны давно уже стали легендарными.

Насмѣшливой судьбѣ было угодно, чтобы духовенство, на которое испанское правительство возлагало такія надежды, избравъ его однимъ изъ главнѣйшихъ своихъ орудій для поддержанія невѣжества въ туземцахъ и пріученія ихъ къ рабской покорности испанцамъ, это самое духовенство, первое изъявило протестъ, провозгласило свободу, возстало противъ гнета и призвало несчастное населеніе страны къ оружію, поднявъ знамя возстанія.

Гидальго, скромный священникъ городка Долоресъ, первый во главѣ своихъ прихожанъ, со шпагою въ одной рукѣ и распятіемъ въ другой возсталъ на притѣснителей.

Въ первый моментъ съ нимъ было около пятисотъ человѣкъ, но по пути къ нему пристали жители всѣхъ селъ и деревень ближайшихъ окрестностей, а мѣсяцъ спустя армія его превышала громадное число 60,000 человѣкъ. Правда, все это были люди, не свѣдующіе въ военомъ дѣлѣ,

и весьма плохо вооруженные, но смѣлые, отважные, сильные духомъ и полные самой отчаянной рѣшимости или побѣдить, или умереть. Совершая чудеса храбрости, они шли прямо на столицу. Жители города Мексико трепетали при вѣсти о ихъ приближенiи.

Но Гидальго былъ разбитъ, схваченъ и разстрѣлянъ. Это было неизбѣжно; но главное было уже сдѣлано: народное сознанiе пробуждено, импульсъ данъ, словомъ, самый тяжелый камень сдвинутъ съ мѣста. Гидальго палъ, но кровь героевъ породила новыхъ героевъ и мстителей. Вся Новая Испанiя, изъ края въ край и изъ конца въ конецъ, была объята пламенемъ возстанiя и кровопролитной войны. Послѣ Гидальго подвизался на этомъ поприщѣ Морелосъ, священникъ Каракуаро и многiе другiе герои, которымъ не суждено было увидѣть торжества ихъ оружiя и ихъ святаго дѣла.

Война эта должна была окончиться только совершаннымъ изгнанiемъ Испанцевъ изъ Мексики и полной независимостью этой страны.

Замѣчательно то, что эта революцiя, начатая духовенствомъ, одной опорой Испанскаго владычества, была окончена въ пользу Мексиканцевъ другой его опорой, а именно, благодаря измѣнѣ одного испанскаго полковника своему правительству. Полковникъ этотъ, ярый врагъ и противникъ этой революцiи, сталъ впослѣдствiи ея сторонникомъ въ надеждѣ на конфискацiи въ свою пользу; мечтавъ о роли Наполеона, онъ съигралъ роль Мюрата и погибъ, подобно тому, разстрѣлянный на пустынномъ прибрежьѣ.

Тотъ незамѣтный, скромный эпизодъ, который мы собираемся разсказать въ этой книгѣ, является эпизодомъ совершенно частнаго характера, имѣющимъ лишь косвенное отношенiе къ войнѣ за независимость.

Все это было года два—три спустя послѣ того, какъ Гидальго, поднявъ знамя Мексиканской независимости, призвалъ народъ подъ это знамя и самъ сталъ душою этого народнаго движенiя. А мѣстомъ дѣйствiя являлась мѣст-

ность, совершенно еще неизслѣдованная и почти никому неизвѣстная; культура не успѣла еще коснуться ея не смотря на то, что лежитъ она между двумя большими городами, и что одинъ изъ нихъ былъ въ то время важнѣйшимъ торговымъ портомъ этого прибрежья.

Мы просимъ читателя послѣдовать за нами въ провинцію Халиско (Jalisco), или Гвадалахара (Guadalajara).

Провинція эта—одна изъ богатѣйшихъ, плодороднѣйшихъ и живописнѣйшихъ во всей Мексиканской конфедераціи; такъ какъ она лежитъ надъ очень высокій широтой, то была бы положительно нестерпимо знойной, если-бы ее не защищали съ одной стороны высокія вершины сіерры Мадре, а съ другой—не освѣжала близость Тихаго Океана съ его живительными вѣтрами и влажнымъ дыханіемъ. Съ томною граціей нѣжащейся креолки раскинулась она среди цвѣтовъ и темной зелени лѣсовъ на берегу Тихаго Океана, между Синалоа и территоріей Колизна.

Вся эта живописная, прекрасная страна, поросшая роскошнымъ дѣвственнымъ лѣсомъ латаній, пальмъ и другихъ тропическихъ деревьевъ, представляетъ изъ себя цѣлый океанъ зелени; вдыхая влажный воздухъ моря и вторя его шуму, безбрежный лѣсъ плавно раскачиваетъ стройныя, высокія вершины свои, въ точности подражая движенію волнъ въ моментъ отлива и прилива.

Странный людъ, о которомъ въ началѣ нашего столѣтія никто не зналъ и не имѣлъ понятія, живетъ и укрывается въ этихъ лѣсахъ, подъ ихъ непроницаемымъ шатромъ, живя охотой, контрабандой и нѣкоторыми другими промыслами, которымъ здѣсь никто не препятствуетъ.

Населеніе это состоитъ преимущественно изъ разныхъ ослушниковъ законовъ и требованій цивилизаціи, ищущихъ ничѣмъ не ограниченной свободы, или безнаказанности въ непроходимыхъ дебряхъ этихъ лѣсовъ. Кто рѣшается проникнуть въ глушь этихъ безконечныхъ, безпрерывныхъ зеленыхъ чащъ, населенныхъ только хищниками всякаго рода

и дикими звѣрями, въ числѣ которыхъ самыми опасными являются двуногіе?

Однако, этотъ людъ съ дикими своеобразными нравами, не терпящій никакого стѣсненія или ограниченія своей свободы, честенъ по своему, и не смотря на свою дикость и грубость, не лишенъ чувства прекраснаго и чувства добра,—и только въ крайнихъ случаяхъ сближается съ бандитами и другими отщепенцами человѣческаго общества, укрывающими подъ гостепріимнымъ кровомъ ихъ громаднаго зеленаго шатра.

Тутъ и тамъ, среди глухаго лѣса, на какой-нибудь красивой полянкѣ, можно видѣть пятнадцать, двадцать jacalѐs, т. е. шалашей или хиженокъ, причудливо разбросанныхъ по берегу рѣки или ручья. Это такъ называемая охотничья деревня или pueblo; единственныя власти которыхъ здѣсь признаютъ, это мѣстный священникъ и алькадъ. Человѣку невозможно жить одному, ему необходимо сообщество такихъже людей для обмѣна чувствъ, мыслей и для того, чтобы создать себѣ семью.

Жители этихъ пуэбло бѣдны, но гостепріимны и въ ихъ хижинахъ можно спокойно спать при открытыхъ дверяхъ, хотя бы при васъ были мѣшки, наполненные золотомъ.

Вслѣдствіе какого-то безмолвнаго соглашенія, бандиты, укрывающіеся въ этихъ лѣсахъ, никогда не подходятъ къ пуэбло, они знаютъ, что если только посмѣютъ нарушить это правило, то мѣткая пуля кого-нибудь изъ охотниковъ тотчасъ-же напомнитъ имъ о томъ, что здѣсь имъ дѣлать нечего. Зная это, охотники и бандиты живутъ въ мирѣ, или вѣрнѣе, рѣдко приходятъ въ столкновеніе между собой.

Санъ-Блазъ, построенный на островѣ, лежащемъ въ самомъ устьѣ Ріо-Гранде де Сантъ-Яго, былъ въ то время, о которомъ теперь идетъ рѣчь, самымъ оживленнымъ портовымъ городомъ Мексики со стороны Тихаго океана. Здѣсь собирались тогда испанскія галіоны для нагрузки золотомъ, другими цѣнными металлами и продуктами этой богатой страны, преимущественно провинцій, расположенныхъ по

прибрежью Тихаго океана. Отсюда эти суда слѣдовали со своимъ цѣннымъ грузомъ сперва въ Гваякиль, а оттуда въ Каллао. Въ то время Санъ-Блазъ былъ богатымъ и цвѣтущимъ городомъ, въ которомъ торговцы быстро богатѣли и наживали громадныя состоянія. Теперь уже совсѣмъ не то: благодаря открытію новаго порта Гваймасъ, свободной торговлѣ, установленной декретомъ либеральнаго мексиканскаго правительства, а такъ-же и, быть можетъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе крайне вреднаго для здоровья климата Санъ-Блазъ, городъ этотъ совершенно утратилъ все свое прежнее значеніе. Въ былое время, съ наступленіемъ дождливаго времени года, все зажиточное населеніе города переселялось въ Тепикъ, прелестный городокъ, утопавшій въ рощахъ апельсиновъ, гранатъ и флорипондіосовъ *) въ цвѣту.

Разстояніе между этими двумя городами не превышаетъ 18 или 20 миль, но наибольшая часть пути пролегаетъ лѣсомъ, это остатки громадныхъ дѣвственныхъ лѣсовъ, о которыхъ мы уже говорили; послѣдніе побѣги ихъ какъ будто намѣреваются запустить свои корни въ самые пески океанскаго прибрежья.

И вотъ, приблизительно на половинѣ пути между Тепикомъ и Санъ-Блазомъ, по правую сторону, если ѣхать изъ Тепика, находится, или-же находилась лѣтъ тридцать пять тому назадъ, большая группа скалъ, а на вершинѣ самой высокой скалы возвышался громадный чугунный крестъ, осѣненный двумя гигантскими латаніями, подъ тѣнью которыхъ могъ пріютиться и отдохнуть усталый путникъ.

У самаго подножія креста, послѣдняго памятника Испанскаго владычества въ этой странѣ, начиналась узенькая и почти незамѣтная тропинка, которая потомъ, впрочемъ, расширялась, такъ что по ней могли проѣхать два всадника рядомъ, и уходила въ глубь темной чащи лѣса, въ самые заповѣдные тайники зеленаго шатра.

Дѣлая безчисленные повороты и извиваясь во всѣ сто-

---

*) Флорипондіо (floripondio)—перуанскій дурманъ.

роны въ продолженіи болѣе часа пути, постепенно съуживаясь до того, что превращалась прямо въ звѣриную тропу, дорога эта, наконецъ, развѣтвлялась. Одна тропа уходила въ глубь лѣса и подъ конецъ совершенно терялась въ непроходимой чащѣ, тогда какъ другая вѣтвь вела къ широкой, свѣтлой рѣкѣ, черезъ которую былъ настланъ мостъ на перекинутыхъ съ одного берега на другой деревьяхъ, засыпанныхъ слоемъ битой земли и листвы.

По ту сторону рѣки, саженяхъ въ десяти отъ моста, среди лѣса, открывалась вдругъ, совершенно неожиданно, большая и широкая полянка, на которой въ живописномъ безпорядкѣ было разбросано до тридцати хижинъ, построенныхъ изъ древесныхъ пней и сучьевъ, переплетенныхъ между собою, но смазанныхъ жидкой глиной, смѣшанной съ рубленной соломой, и выбѣленныхъ известью, подъ кровлями изъ досокъ, крытыхъ густымъ слоемъ листвы.

Въ центрѣ этого живописнаго пуэбло виднѣлось строеніе лучшей постройки и болѣе внушительныхъ размѣровъ, чѣмъ всѣ остальныя, съ маленькой колокольней и двухстворчатой входною дверью, обѣ половинки которой были украшены изображеніемъ креста. То была церковь пуэбло, трогательная по своей простотѣ и скромности среди окружающей ее величественной природы.

Деревенька или селеніе это, названіе котораго не извѣстно даже самимъ мексиканцамъ, именуется pueblecito de Palo-Mulatos, т. е. поселокъ Пало-Мулатосъ. Въ то время когда происходитъ нашъ разсказъ, въ этомъ поселкѣ насчитывалось до 350 жителей, все охотниковъ или контрабандистовъ.

Въ эпоху испанскаго владычества торговля съ чужеземными странами была воспрещена подъ страхомъ ужасныхъ наказаній, и контрабанда процвѣтала тогда болѣе чѣмъ когда-либо, и приносила громадные доходы тѣмъ лицамъ, которыя рѣшались заниматься этимъ дѣломъ. Особенно развилась контрабанда на Тихоокеанскомъ прибрежьи въ продолженіи

тѣхъ одиннадцати лѣтъ, пока продолжалась война за независимость.

Смѣлые, неустрашимые крейсеры, французскіе и англійскіе, подвозили къ Санъ-Блазу, а не рѣдко ввозили даже въ самый Санъ-Блазъ въ весьма большомъ количествѣ оружіе и снаряды, въ которыхъ такъ нуждались инсургенты. Отсюда все это доставлялось во всѣ провинціи Мексики невидимымъ путемъ черезъ посредство мѣстныхъ контрабандистовъ.

Вслѣдствіе этого, жители Пало-Мулатосъ были богаты и отъ души желали продолженія войны, въ которой до того времени ни одинъ изъ нихъ даже не помышлялъ принять дѣятельнаго участія, хотя Мексиканцы уже болѣе четырехъ лѣтъ дрались съ Испанцами за свою независимость.

Какое имъ было дѣло, этимъ жителямъ дѣвственныхъ лѣсовъ, до кровавой вражды Мексиканцевъ къ Испанцамъ? Имъ эта независимость не могла дать рѣшительно ничего, они и такъ были всегда свободны и вполнѣ независимы въ глуши своихъ лѣсовъ.

Пало-Мулатосъ, не имѣя средствъ содержать на свой счетъ священника, который-бы постоянно жилъ въ ихъ селеньѣ, только въ воскресные и празничные дни могли присутствовать при богослуженіи въ своей церкви, куда пріѣзжалъ каждый разъ священникъ изъ какого нибудь ближайшаго города.

Другія сосѣднія села и деревни, не имѣвшія даже церкви, собирались въ воскресные и праздничные дни слушать обѣдню и проповѣдь священника сюда-же, въ Пало-Мулатосъ, гдѣ затѣмъ проводили остальную часть дня въ разнаго рода увеселеніяхъ, а вечеромъ каждый садился на своего коня и возвращался домой, увозя съ собою все, закупленное имъ на базарѣ, съ незапамятныхъ временъ бывавшемъ на „пласа майоръ“, т. е. главной или большой площади Пало Мулатосъ, по воскресеньямъ. Въ эти дни населеніе деревеньки достигало до двухъ тысячъ душъ, считая въ томъ числѣ и женщинъ, и дѣтей. Отъѣзжающіе

отправлялись кто поодиночкѣ, кто маленькими группами, мирно обсуждая вопросы дня или сообщая другъ другу слышанныя новости.

Въ Американскихъ лѣсахъ встрѣчается множество ядовитыхъ растенiй, какъ напр., palo-mulato, родъ Манканица (Антильское дерево, весьма ядовитое) и yedra, родъ лiанъ; кромѣ того еще много другихъ. Изъ сока пало-мулато добываютъ страшный ядъ, такъ называемое „древесное молоко"; дѣйствiе его смертельно. Именно этотъ пало-мулато встрѣчается во множествѣ по всюду около той деревни, о которой мы говорили, вслѣдствiе чего она и получила это знаменательное названiе.

На разстоянiи какихъ-нибудь трехъ ружейныхъ выстрѣловъ отъ Пало-Мулатосъ, на самомъ берегу рѣки, въ чрезвычайно живописной мѣстности стоитъ ранчо, прекрасно построенное изъ древесныхъ стволовъ на прочномъ каменномъ фундаментѣ, поднятомъ на значительную высоту надъ уровнемъ почвы. Ко входной двери этого ранчо вели шесть каменныхъ ступеней, грубо отесанныхъ и прочно соединенныхъ между собой. Къ этому зданiю прилегалъ большой сарай, служившiй одновременно и клѣтью для зимнихъ запасовъ, и закромомъ для зерна и фуража, а также и кухней, а позади ранчо виднѣлась конюшня на 7 или 8 лошадей.

Тутъ-же былъ и прекрасно распланированный, убранный цвѣтами обширный садъ, часть котораго была отведена подъ огородъ, что было весьма необыкновеннымъ явленiемъ въ этой странѣ, гдѣ никто рѣшительно не хочетъ воздѣлывать земли.

Внутреннiй видъ этого ранчо представлялъ собою пять или шесть просторныхъ горницъ, раздѣленныхъ одна отъ другой перегородками изъ кольевъ и прутьевъ, и обставленныхъ простой и грубой мебелью, но отличавшихся чрезвычайной чистотой, прiятно поражавшей всякаго, кто туда входилъ. Владѣлецъ этого ранчо слылъ богатымъ человѣкомъ, да и на самомъ дѣлѣ онъ былъ сравнительно богатъ

Шагахъ въ ста, не доходя ранчо, гигантская латанія, поваленная грозой, упала поперекъ рѣки и, повиснувъ на крѣпкихъ ліанахъ, оплетавшихъ ее. осталась висѣть на высотѣ приблизительно двухъ футъ надъ водою, образовавъ природный висячій мостъ.

Съ теченіемъ времени ліаны все разростались, другія прицѣплялись и сплетались съ ними, и соткали непроницаемый покровъ, легкій и прозрачный, какъ тончайшее кружево. Гигантскій стволъ покачивало вѣтромъ изъ стороны въ стороны на этихъ ліанахъ, но въ сущности онъ былъ на столько же проченъ, какъ и самые прочные современные мосты. Черезъ этотъ естественный висячій мостъ постоянно переправлялись пѣшіе и даже конные, пробираясь между двумя причудливыми зелеными стѣнами, сходившимися въ вверху красивымъ сводомъ, представляя собою фантастическую висячую галлерею.

Жители окрестныхъ мѣстъ постоянно пользовались этимъ висячимъ мостомъ для сокращенія пути и точно также наносили сюда опавшіе листья, мелкія прутья и землю.

Всякій, проходившій по этому мосту, отлично могъ видѣть все происходившее сквозь просвѣты листвы и тонкихъ стеблей ліанъ, но самъ онъ оставался совершенно не видимъ для всѣхъ окружающихъ.

Однажды въ первыхъ числахъ мая 1814 г. около четырехъ часовъ утра, когда луна освѣщала своимъ холоднымъ голубовато бѣлымъ свѣтомъ всю окрестность, и кругомъ было свѣтло, какъ днемъ, свѣжій вѣтерокъ пробѣжалъ поверхушкамъ деревьевъ, шелестя съ какимъ то таинственнымъ шопотомъ по могучимъ вѣтвямъ зеленыхъ гигантовъ.

Повсюду царила невозмутимая, торжественная тишина. Вдругъ со стороны рѣки послышался бѣшенный топотъ коня, мостъ ліанъ заколыхался, — и въ слѣдующій за симъ моментъ на берегъ выскочилъ человѣкъ. Ему могло быть лѣтъ двадцать семь; высокаго роста и прекрасно сложенный, онъ былъ-бы даже очень красивъ, если-бы выраженіе злобы и жестокости не придавало его лицу нѣчто почти отталкивающее.

На немъ былъ костюмъ, мало отличавшійся отъ обыкновеннаго костюма ранчеро, но только болѣе скромный и порванный во многихъ мѣстахъ шипами колючихъ кустовъ и деревьевъ во время, очевидно, довольно дальняго пути по глухимъ тропамъ, а, быть можетъ, и цѣликомъ на прямикъ.

На поясѣ у него висѣлъ просто продѣтый въ желѣзное кольцо „мачете", громадный охотничій ножъ безъ ноженъ и длинный ножъ, на половину скрытый въ его пунцовомъ faja изъ китайскаго крепа; за плечами висѣло прекрасное англійское ружье; высокія, заходящія за колѣни гетры или штиблеты изъ шкуры ягуара, плотно облегали его сильныя мускулистыя ноги, а на головѣ была надѣта широколая поярковая шляпа съ низкой тульей, обвитой golilla изъ черныхъ и розовыхъ бусъ; изъ подъ шляпы, низко надвинутой на глаза и скрывавшей на половину лицо молодого человѣка, выбивались густыя пряди вьющихся кольцами шелковистыхъ черныхъ кудрей, ниспадавшихъ красивой волной на плечи незнакомца.

Остановившись на минуту, онъ какъ будто прислушивался къ чему то, и даже пригнулся къ самой землѣ, затѣмъ вдругъ выпрямился во весь ростъ и, завернувшись по самыя уши въ свой зарапе (плащъ), пробормоталъ:

— Нѣтъ, вѣрно, я ошибся, нигдѣ ничего нѣтъ!—и окинувъ еще разъ глазомъ всю мѣстность, пошелъ по берегу рѣки, пока не добрался до густой рощицы лимонныхъ деревьевъ, случайно выросшихъ на самомъ краю, воды. Здѣсь, забившись въ кусты, какъ хищный звѣрь въ засаду, онъ обождалъ съ минуту и затѣмъ, приложивъ два пальца къ губамъ, свистнулъ такъ, что даже самый опытный слухъ могъ принять этотъ звукъ за звукъ, который издаетъ гремучая змѣя.

Находясь въ кустахъ маленькой лимонной рощицы, незнакомецъ былъ не далеко отъ ранчо, но его самаго никакъ нельзя было видѣть, хотя ему все было видно, какъ нельзя лучше. Ранчо былъ погруженъ во мракъ, нигдѣ не было ни огонька, — но едва только раздался слабый

свистъ незнакомца, какъ дверь тихонько отворилась и на порогѣ показалась молодая дѣвушка лѣтъ семнадцати съ граціозно установленномъ на правомъ плечѣ cantaro, которое она поддерживала обнаженной прелестной формы рукой.

Съ минуту дѣвушка простояла въ нерѣшимости, вопрошая взглядомъ своихъ прелестныхъ черныхъ глазъ сонные берега рѣки. Затѣмъ она тихонько притворила дверь и стала осторожно спускаться съ лѣстницы, медленно направляясь къ берегу рѣки прямо къ той лимонной рощѣ, въ которой притаился молодой человѣкъ.

Когда молодая дѣвушка была уже всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него радостный крикъ вырвался изъ устъ молодого человѣка и самъ онъ кинулся къ ногамъ дѣвушки и воскликнулъ:

— О, Ассунта! дорога моя Ассунта, вы здѣсь! Вы согласились придти на это свиданіе, первое, на которое вы, наконецъ, рѣшились!

— Да, и послѣднее, Торрибіо!—отозвалась молодая дѣвушка голосомъ мелодичнымъ, но грустнымъ, какъ звукъ печальной свирѣли.

— Боже мой! Что вы говорите! Я вѣрно не такъ разслышалъ ваши слова.

— Нѣтъ, вы слышали именно то, что я сказала, Торрибіо! Это свиданіе наше первое и послѣднее, на которое я когда либо рѣшусь!

— О Боже!—прошепталъ онъ, закрывая лицо руками.

Дѣвушка эта была дѣйствительно прелестна, полна граціи и чистой дѣвственной красоты. Эта очаровательная оболочка скрывала рѣдкую душу, ангельскую доброту, твердую волю и чувство благородства, не поступавшееся ни въ чемъ и не позволявшее кривить душою. Выросшая и воспитанная среди этой грандіозной и дѣвственной природы, она привыкла быть честной, правдивой и откровенной, не знала никакихъ стѣсненій и пользовалась всегда не ограниченной свободой; она была чужда страховъ и смѣлости европейскихъ женщинъ, но, несмотря на свой юный возрастъ, умѣла

заставить уважать себя, даже и этихъ полу-дикикъ людей, среди которыхъ прошла вся ея жизнь съ самаго дня ея рожденія. Словомъ, это была натура еще не тронутая, дѣвственная, какъ эти лѣса, но сильная и вмѣстѣ нѣжная и любящая.

— Къ чему прикидываться и выражать печаль, которой нѣтъ въ вашемъ сердцѣ, Торрибіо?—холодно замѣтила она, глядя на молодого человѣка.

— Такъ вы меня не любите?—воскликнулъ онъ, поднявъ голову.

— Нѣтъ, — сказала она твердо и спокойно, — и ужъ во всякомъ случаѣ не такъ, какъ вы предполагаете.

— Почему же, Ассунта, вы не любите меня, чѣмъ я хуже другихъ молодыхъ людей, моихъ сверстниковъ?

— Самъ не знаешь, Торрибіо, почему любишь, или не любишь человѣка; вопросъ этотъ совсѣмъ напрасенъ.

— А если вы меня не любите, то почему же вы явились на это свиданіе, которое я назначилъ вамъ?

— Почему?—потому что я дѣвушка честная, и не хочу, чтобы вы питали надежды, которыя никогда не осуществятся.

— Ассунта!

— Я не умѣю говорить иначе, Торрибіо, я не умѣю скрывать своихъ мыслей подъ красивыми, пріятными словами! Что же мнѣ дѣлать?

— Пусть такъ! говорите, я буду слушать васъ!

— Вчера, пользуясь минутой, когда тетка моя отлучилась изъ комнаты, вы кинули мнѣ въ окно букетъ цвѣтовъ, перевязанный вѣткой душистаго шинтуля; я, конечно, легко могла-бы прикинуться, что не понимаю смысла этого посланія, — но я не захотѣла этого, а предпочла прямо и открыто сказать вамъ съ глаза на глазъ, Торрибіо, что я не люблю васъ и любить не стану, что вы мнѣ не кортехо (cantejo) и никогда имъ не будете. Забудьте же обо мнѣ; въ нашихъ лѣсахъ, да и въ сосѣднихъ городахъ, говорятъ, не мало прекрасныхъ дѣвушекъ, которыя быть, можетъ, бу-

дутъ рады вашей любви; меня-же вы совсѣмъ не знаете. Вы сегодня въ первый разъ говорите со мной. Если даже я и понравилась вамъ, то чуство ваше еще не успѣло пустить глубокіе корни. — Разстанемся друзьями, — я не хочу вамъ зла, Торрибіо, и буду очень рада, если узнаю, что другая женщина отвѣчаетъ вамъ взаимностью на вашу любовь. Ну, а теперь прощайте! Я сказала вамъ все, что нужно! — И съ этими словами молодая дѣвушка собиралась уйти.

— Нѣтъ, подождите!—гнѣвно воскликнулъ молодой человѣкъ.

— Что вамъ надо?—спросила дѣвушка, обернувшись въ полъ-оборота.

— Я молча выслушалъ васъ до конца, чего мнѣ это ни стоило, Ассунта, а теперь я желаю вамъ отвѣчать!

— Зачѣмъ? Вѣдь ваши слова не измѣнятъ моего рѣшенія!

— Точно также, какъ не измѣнятъ и моего!

— Что вы хотите сказать?

— Я васъ люблю, Ассунта, и ничто въ мірѣ не заставитъ меня отречься отъ этой любви и отказаться отъ васъ!

— Какъ вамъ угодно! сказала она,—пожавъ плечами.

— И я вамъ говорю: вы будете моей!

— Никогда!

— Ну, это мы увидимъ!—угрожающе воскликнулъ молодой человѣкъ.

— Если такъ, — сказала дѣвушка, — то я не только не могу дать вамъ любви, но даже не могу сохранить уваженія. Господь накажетъ васъ за ваше дурное намѣреніе по отношенію ко мнѣ.

— Богу нѣтъ до этого никакого дѣла! Но скажите мнѣ, почему вы не любите меня, я хочу, я долженъ это знать!

— Я не люблю васъ, Торрибіо, и никогда не буду любить за то, что вы дурной, не добрый человѣкъ, что вы водитесь и дружите съ самыми скверными людьми, что промышляете такимъ ремесломъ, котораго никто не знаетъ, что обманули уже

нѣсколькихъ дѣвушекъ, которыя повѣрили вамъ; за то, что вы пьянствуете, да и все ваше поведеніе такъ дурно, такъ предосудительно, что даже ваши лучшіе друзья прозвали васъ Calaveras.

— Аа! все это вамъ извѣстно! Тѣмъ не менѣе вы явились на свиданіе со мной!

— Да, потому что мнѣ было жаль васъ и не хочу, чтобы изъ за меня случилось съ вами несчастіе.

— Со мной?—насмѣшливо засмѣялся онъ.

— Да, съ вами! Мой дядя и его сыновья не долюбливаютъ васъ, вы это знаете они запретили вамъ бродить около нашего ранчо, и если застанутъ васъ здѣсь, то кровь прольется навѣрное...

— Чья? Ихъ или моя?—насмѣшливо спросилъ молодой человѣкъ.

— Я вижу, что вы, дѣйствительно, злой и дурной человѣкъ!—сказала дѣвушка,—прощайте!

— Нѣтъ, вы такъ не уйдете отъ меня! — прошепталъ онъ, наложивъ ей руку на плечо!

Но дѣвушка оттолкнула его.

— Ужъ не осмѣливаетесь-ли вы удерживать меня силой?

— А почему-бы нѣтъ?—отвѣтилъ онъ.

— Прочь!—крикнула она,—вы забываетесь, сеньоръ! Пустите и не мѣшайте мнѣ исполнить мой contaro водой у рѣки;—я ужъ и такъ слишкомъ долго промѣшкала здѣсь съ вами.

— Нѣтъ, вы не уйдете! Я имѣю еще сказать вамъ кое что! — съ угрозой въ голосѣ произнесъ онъ, преграждая дорогу.

— Я не хочу болѣе слушать васъ, — прощайте!

— А я вамъ говорю, что вы останетесь и не уйдете отсюда!

— Нѣтъ, не останусь!

— А если я этого хочу?

— А я не хочу!! Смотрите, Торрибіо, очень возможно, что я здѣсь не совсѣмъ одна, какъ вы думаете.

— Мнѣ все равно, но я вамъ говорю, что не пущу васъ отсюда.

— Ну, это мы еще увидимъ,—произнесъ за его спиной чей-то грубой голосъ, — и въ тоже время чья то тяжелая рука грузно опустилась на его плечо.

Молодой человѣкъ вздрогнулъ отъ неожиданности и, поблѣднѣвъ, оглянулся назадъ.

За его спиной стояло трое мужчинъ, держа у ноги ружья. Старшій изъ нихъ уже почти старикъ, рослый и плечистый, какъ Геркулесъ, стоялъ ближе другихъ и опирался рукою на плечо Торрибіо.

Но Торрибіо не даромъ заслужилъ свое прозвище Calaveras; онъ былъ безумно смѣлъ; тотчасъ же оправился и скрестивъ на груди руки, гордо и надменно откинулъ назадъ голову.

— Ага! прекрасная Ассунта имѣетъ своихъ тѣлохранителей.

— Молчать! ни слова болѣе!—строго сказалъ старикъ,— объ этомъ мы поговоримъ сейчасъ, — и обращаясь къ молодой дѣвушкѣ, прибавивъ ласково:—Иди, нинья, домой, тебѣ здѣсь больше дѣлать нечего!

— Дядя, милый!—умоляющимъ голосомъ прошептала она.

— Я приказалъ тебѣ идти домой, Ассунта,—сказалъ старикъ, указывая рукой на тропинку, ведущую къ ранчо.

Дѣвушка на этотъ разъ молча повиновалась, а все четверо мужчинъ безмолвно провожали ее глазами. Когда дверь дома затворились за ней, старикъ выпрямился и, обращаясь къ Торрибіо, сказалъ:

— Ну, теперь, мы вдвоемъ посчитаемся съ вами, молодой человѣкъ!

— То есть не вдвоемъ а вчетверомъ; вѣдь, васъ-же трое на одного!—насмѣшливо замѣтилъ Торрибіо.

— Ну, если хочешь, такъ вчетверомъ, потому что мы пришли сюда, чтобы воздать тебѣ должную справедливость.

— Справедливость! ха, ха! — засмѣялся Торрибіо, — да развѣ это такое преступленіе, любить прекрасную Ассунту?

— Да, это преступленіе, когда человѣкъ уже связанъ съ другою женщиной, которую подло бросилъ, обманувъ и опозоривъ ее!

— Все это ложь!—гнѣвно крикнулъ Торрибіо,—ложь: я люблю Ассунту!

— Ради твоей-же пользы, парень, совѣтую тебѣ не произносить болѣе при мнѣ имени моей пріемной дочери, тѣмъ болѣе, что какъ мнѣ извѣстно, и она не любитъ тебя!

— А почему вы это можете знать? — нахально и вызывающе воскликнулъ онъ.

— Нѣтъ, парень, ты не проведешь насъ! мы уже болѣе часа слѣдимъ за тобой и слышали каждое слово вашего разговора! — замѣтилъ одинъ изъ двухъ молодыхъ людей, стоявшихъ позади.

— Молчи, Рафаель, я одинъ хочу говорить съ нимъ,— строго произнесъ старикъ,—я уже говорилъ тебѣ разъ,—продолжалъ онъ, обращаясь къ Торрибіо, — чтобы ты не смѣлъ бродить около моего ранчо, но ты преступилъ этотъ запретъ: тѣмъ хуже для тебя!

— Смотрите, берегитесь и вы, — смѣло воскликнулъ молодой человѣкъ,—когда на меня нападаютъ, я защищаюсь!— и сдѣлавъ скачекъ назадъ, онъ проворно вскинулъ свое ружье.

— Ого! ну, не такъ прытко, парень! — Ты больно ужъ проворенъ защищаться!—Что ты этимъ сдѣлаешь? Отдайка лучше мнѣ твое ружье.

— Попробуй взять его у меня!—но едва успѣлъ онъ вымолвить эти слова, какъ ружье его, разбитое мѣткою пулей выпало у него изъ рукъ: это выстрѣлилъ старшій сынъ старика, Рафаель.

— Ловко намѣтилъ, хвалю, — обратился къ нему старикъ,—ну, что-же, сдаешься ты теперь?—спросилъ онъ Торрибіо.

— Что вы хотите меня прирѣзать, какъ барана?—рѣзко спросилъ онъ.

— Тутъ не можетъ быть и рѣчи объ убійствѣ и какъ ты ни виновенъ, не мнѣ жизнь твоя не нужна!

— Чего же вы отъ меня хотите?

— Сдайся!

— Ни за что!

— А, если такъ...

Въ этотъ моментъ сыновья старика оба разомъ накинулись на Торрибіо, но смѣлый молодой человѣкъ, невыждавъ ихъ нападенія, предупредилъ ихъ, набросившись на двоихъ сразу съ мачете въ одной рукѣ и длинной навахой въ другой.

— А, вы вотъ чего хотите!—воскликнулъ онъ, смѣло скрещивая съ ними оружіе.

Но бой былъ слишкомъ не равенъ: несмотря на всю свою необычайную силу, ловкость и проворство, онъ былъ одинъ противъ двоихъ и эти двое не уступали ему ни въ силѣ, ни въ ловкости, ни въ умѣньи владѣть оружіемъ. Кромѣ того, они держались на готовѣ и окутанная плотнымъ зарапе лѣвая рука служила имъ прекраснѣйшимъ щитомъ, которымъ они съ успѣхомъ могли парировать удары, наносимые имъ ихъ врагомъ, тогда какъ у Торрибіо обѣ руки были заняты и съ однимъ изъ двухъ непріятелей ему приходилось сражаться лѣвой рукой. Несмотря на то, борьба продолжалась долго; сыновья старика старались только обезоружить Торрибіо, не желая наносить ему ранъ.

Но вотъ, наконецъ, смѣлый отважный пришелецъ испустилъ пронзительный, яростный крикъ и сдѣлалъ прыжокъ къ водѣ.

— Ну, не такъ скоро! Погоди, къ чему торопиться!?—насмѣшливо остановилъ его старикъ, удержавъ за платье.

Ловкіе молодые люди ухитрились такъ запутать оружіе Торрибіо въ складкахъ своихъ плащей (зарапе), что тотъ поневолѣ принужденъ былъ выпустить его изъ рукъ.

— Сдаешься ты теперь?—спросилъ старикъ.

— Я безоруженъ!—угрюмо отвѣтилъ молодой человѣкъ.

Старикъ пожалъ плечами.

— На что ты жалуешься, смотри, вѣдь, на тебѣ нѣтъ ни царапины, Dios me libre!

— Убейте же меня скорѣе, донъ Сальваторъ Кастильо! — сказалъ онъ глухимъ голосомъ, — къ чему мѣшкать?

— Зачѣмъ? ты хотѣлъ соблазнить мою племянницу, но она не поддалась твоимъ словамъ, не повѣрила твоимъ медовымъ рѣчамъ, тогда ты сталъ угрожать ей, а я подоспѣлъ къ ней на помощь. Мы застали тебя на мѣстѣ преступленія и я имѣю право убить тебя, какъ собаку!

— Такъ убивайте-же!

— Да полно, къ чему такъ торопиться? За кого ты принимаешь меня?!—Наказать тебя, я примѣрно накажу, но убивать не стану.

— Напрасно! Вамъ не слѣдуетъ щадить меня!

— А почему?

— Потому что, если я останусь живъ, то буду мстить вамъ! Такъ и знайте!

— Полно! Что ты говоришь?

— Клянусь, что отомщу вамъ и сыновьямъ вашимъ!

— Ну, это твое дѣло. Только смотри, не попадись еще разъ въ наши руки! Тогда ужъ мы не помилуемъ тебя!

— Я не хочу, чтобы вы миловали меня, — скрежеща зубами, воскликнулъ молодой чоловѣкъ,—я ненавижу и презираю васъ и повторяю, что если вы отпустите меня живымъ, я отомщу всей вашей семьѣ!.

— Ну, тамъ увидимъ, а пока ты получишь заслуженное тобою наказаніе!

Въ этотъ моментъ оба сына старика неожиданно набросились на молодого человѣка и, завернувъ его въ его-же зарапе, понесли къ рѣкѣ.

Торрибіо не произнесъ ни слова, не шевельнулся, но лицо его было блѣдно, какъ у мертвеца, черты его искажала безсильная ярость.

— Куда вы несете меня?—спросилъ онъ, когда они очутились на мостѣ ліанъ.

— Вотъ сейчасъ увидишь!— отвѣтилъ старикъ, раскуривая свою сигару.

На серединѣ моста шествіе остановилось.

— Здѣсь, здѣсь!—сказалъ старикъ, раздвигая ліаны.

— Что вы собираетесь дѣлать?—спросилъ еще разъ Торрибіо.

— Сбросимъ тебя въ рѣку,—и больше ничего!

— Меня? бросить въ рѣку?! Зачѣмъ?

— Затѣмъ, что ты съумасшедшій и холодный душъ для тебя весьма полезенъ!—насмѣшливо сказалъ донъ Сальваторъ.

— О, вы не сдѣлаете этого, это было-бы слишкомъ ужасно!

— Почему это такъ пугаетъ тебя? Вѣдь, ты же плаваешь, какъ рыба, я это знаю,—берегись только, не попадись аллигаторамъ, ихъ теперь очень много здѣсь!

— Лучше убейте меня изъ ружья или кинжалами!

— Нѣтъ, я уже разъ сказалъ, что не стану марать рукъ въ твоей крови,—продолжалъ безжалостный старикъ,—тѣмъ хуже для тебя, если ты попадешься имъ въ пасть. А если тебѣ удастся выбраться на берегъ, то смотри, чтобъ это не случилось на моей землѣ, потому что на этотъ разъ мы встрѣтимъ тебя ружейнымъ огнемъ. Ну, а пока пріятнаго пути! Да смотри, не попадайся мнѣ еще разъ!—Затѣмъ, обращаясь къ своимъ сыновьямъ, старикъ прибавилъ:—я пойду наблюдать за рѣкой и когда подамъ вамъ сигналъ, тогда вы и кидайте его въ рѣку!

— Ладно, отецъ!—отвѣтили разомъ молодые люди.

— До свиданія, другъ Торрибіо!—насмѣшливо крикнулъ старикъ и крупными шагами зашагалъ къ берегу.

Когда братья остались одни съ приговореннымъ къ смерти несчастнымъ юношей, они молча обмѣнялись выразительнымъ взглядомъ.

Торрибіо молчалъ. Страшная смерть, грозившая ему, совершенно лишала его силъ, онъ даже не просилъ пощады.

Между тѣмъ братья обмѣнялись шопотомъ нѣсколькими словами.

— Послушай, — сказалъ послѣ того Рафаель сдержаннымъ голосомъ, наклоняясь къ несчастному, — братъ мой Лопъ и я, мы только противъ воли повинуемся отцу, но не смѣемъ его ослушаться!—Скажи, вѣдь, ты хорошо умѣешь плавать?

— Да, но это не можетъ меня спасти,—разъ у меня нѣтъ даже никакого оружія, что-бы защищаться!

— Ну, а если-бы у тебя былъ ножъ?—спросилъ Рафаель.

— О, если-бы у меня былъ ножъ, я былъ-бы спасенъ: эти аллигаторы—трусы!

— Ну, такъ возьми свой ножъ! Вотъ онъ!—сказалъ Лопъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Неужели вы мнѣ отдаете мой ножъ?—радостно воскликнулъ молодой человѣкъ.

— Такъ бери-же скорѣй!

Торрибіо съ радостью схватилъ ножъ.

— Я не забуду, что обязанъ вамъ жизнью! — воскликнулъ онъ.

— А главное, не приходи больше бродить здѣсь, около нашего ранчо!—сказалъ донъ Рафаель.—Да, въ другой разъ намъ не удастся тебя спасти!

— Благодарю! у васъ доброе сердце! — благодарю! благодарю!

— Кидайте!—раздался громкій голосъ старика.

— Возьми ножъ въ зубы и не мѣшай намъ!—шепнулъ несчастному донъ Рафаель.

— Да, да, благодарю васъ за совѣтъ! —съ благодарностью произнесъ Торрибіо.

— Ну, Господи благослови!—прошепталъ Лопъ.

Торрибіо взялъ въ зубы ножъ, какъ ему совѣтовалъ донъ Рафаель.

— Съ Богомъ! смѣлѣе! — прошептали въ напутствіе оба брата и, поднявъ Торрибіо на руки, пропустили его сквозь отверстіе, продѣланное въ сѣти ліанъ, сбросивъ въ воду такимъ образомъ, что тотъ всталъ прямо на ноги.

Послышался плескъ воды отъ грузнаго паденія тѣла. Молодые люди поспѣшили къ отцу. Тотъ стоялъ, наклонясь надъ рѣкой и тревожно слѣдя за поверхностью воды зоркимъ пытливымъ глазомъ.

— А вотъ онъ, наконецъ! — воскликнулъ старикъ, — посмотримъ, что онъ будетъ дѣлать?

Молодые люди обмѣнялись между собой насмѣшливымъ взглядомъ.

Дѣйствительно, донъ Торрибіо показался надъ поверхностью и сильно плылъ противъ теченія. Вдругъ послышался плескъ, вода заволновалась,—и два громадные аллигатора появились надъ водой, подплывая одинъ справа, другой слѣва къ несчастному плавцу.

— Вотъ, теперь становится интересно! — прошепталъ старикъ.

Донъ Торрибіо нырнулъ съ удивительнымъ проворствомъ.

— Ну, кончено! — продолжалъ старикъ, выждавъ нѣсколько секундъ,—недолго позабавился!

Но вотъ, донъ Торрибіо снова появился надъ поверхностью рѣки и плылъ, что было силъ.

Когда онъ нырнулъ, аллигаторы послѣдовали его примѣру и тоже нырнули, но, всего лишь нѣсколько секундъ спустя послѣ него, всплыли брюхомъ кверху, оба мертвые.

— Что это значитъ?—воскликнулъ старикъ, недовѣрчиво и даже подозрительно поглядывая на своихъ сыновей, но ѣ имѣли такой-же удивительный и разочарованный видъ, какъ и онъ самъ.

— Вернемтесь домой! Намъ теперъ дѣлать нечего здѣсь!— упрямо и ворчливо сказалъ старикъ, взбираясь на крутой берегъ,—теперь ясно, что этотъ соколъ уйдетъ отъ бѣды!

II. Въ которой читатель знакомится съ дономъ Хуаномъ де Діосъ Педрозо, ранчеро безъ предразсудковъ.

Первые лучи утренней зари окрасили блѣднымъ опаловымъ цвѣтомъ гигантскія латавіи и пальмы лѣса. Прозрач-

ный туманъ, точно легкій паръ, колыхался отъ дыханія слабаго утренняго вѣтерка надъ сонной еще рѣкой, почти темной отъ тѣни густыхъ склонившихся надъ ней деревьевъ. На каждой травкѣ, на каждомъ листкѣ дрожали свѣтлыя капли росы; въ вѣткахъ слышался шорохъ пробуждавшихся пташекъ,—и какая-то смутная, едва внятная гармонія еще робкихъ звуковъ носилась въ воздухѣ. Еще минута, другая,—и эта смутная мелодія превратится въ громкій, радостный и ликующій концертъ сотенъ голосовъ, привѣтствовавшихъ появленіе солнца, этого царственнаго свѣтила, золотые лучи котораго разливали повсюду живительную силу.

Изъ-за поворота одного изъ многочисленныхъ изгибовъ рѣки показалась громоздкая телѣга съ большими и тяжелыми колесами изъ цѣльнаго куска дерева, запряженная парой крупныхъ воловъ подъ ярмомъ. Животныя протяжно мычали, почуявъ ароматъ свѣжей травы, пріятно щекотавшій ихъ обоняніе. Подлѣ телѣги медленно шелъ мужчина лѣтъ пятидесяти или пятидесяти пяти, атлетическаго сложенія, но съ мрачнымъ, угрюмымъ лицомъ, производившимъ съ перваго взгляда не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе.

Вдругъ, онъ вздрогнулъ и разомъ остановилъ свою повозку: въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него вылѣзъ изъ рѣки человѣкъ и, выбравшись на берегъ, машинально отряхивался, какъ мокрая собака, только что вылѣзшая изъ воды. Платье на немъ промокло до нитки, въ рукахъ былъ громадный ножъ.

Онъ не видалъ и не замѣтилъ приближавшейся телѣги, машинально окинувъ глазами мѣстность и не видя ничего передъ собою, такъ какъ намокшіе длинные кудри свисали ему на глаза и мѣшали видѣть.

Человѣкъ этотъ былъ никто иной, какъ донъ Торрибіо или Калаберасъ. Воткнувъ ножъ свой раза три по самую рукоятку въ землю, вѣроятно, для того, чтобы обтереть его, онъ засунулъ за поясъ, который предварительно выкрутилъ до суха. Сдѣлавъ это, онъ готовился, повидимому, растянуться на травѣ, но въ этотъ моментъ раздался рѣзкій,

отрывистый свистъ, заставившій его поднять голову и оглянуться.

Изъ-за ближайшихъ кустовъ появился со своимъ длипнымъ бичемъ въ рукѣ, человѣкъ, шедшій за телѣгой и оставившій ее на этотъ разъ въ кустахъ.

— Аа!—воскликнулъ молодой человѣкъ,—донъ Хуанъ Педрозо!

— Онъ самый, мучачо (парень)!—сказалъ донъ Хуанъ,—я видѣлъ, какъ ты сейчасъ вылѣзалъ изъ воды, точно ламантинъ, бродящій по прибрежью близь Санъ-Блаза, — и спрашивалъ себя, не помѣшался-ли ужъ ты, что вздумалъ купаться до разсвѣта, и въ такомъ мѣстѣ, гдѣ никто не можетъ даже придти на помощь, въ рѣкѣ, которая такъ и кишитъ аллигаторами?!

Донъ Торрибіо молча улыбнулся.

— А можетъ быть, — продолжалъ насмѣшливо допъ Хуанъ Педрозо,—это случилось изъ-за пари, если только кто-либо изъ твоихъ враговъ, а у тебя ихъ,—слава Богу,—не мало, не подкараулилъ тебя и не бросилъ въ рѣку на ужинъ аллигаторамъ! Хмъ, что ты на это скажешь?

— Скажу, что вы жестоко ошибаетесь, сеньоръ донъ Хуанъ, и что оба ваши предположенія одинаково ошибочны!

— Ба, ба, ба! такъ-ли, сударь?!—засмѣялся старикъ.

— Къ чему мнѣ лгать, а тѣмъ болѣе вамъ сеньоръ Педрозо?! Вѣдь, на васъ, насколько мнѣ извѣстно, не лежитъ обязанность контролировать мое поведеніе!

— Правда, правда, мучачо, но вѣдь я тебѣ другъ, а потому и интересуюсь тобой, какъ тебѣ извѣстно, и если только я не ошибаюсь, здѣсь кроется какая-нибудь любовная исторія съ красоткой, и, можетъ быть, я съумѣлъ-бы даже назвать ее по имени, если-бы захотѣлъ.

— Вы дальше, чѣмъ когда-либо отъ истины, сеньоръ!—возразилъ молодой человѣкъ, подавляя нервную дрожь.

— Хмъ, а мнѣ казалось, что ты волочишся за племянницей дона Сальваторъ Кастильо, и весьма возможно..

— Что, по вашему, весьма возможно?

— Что донъ Сальваторъ и его сыновья, которые, какъ мнѣ извѣстно, недолюбливаютъ тебя, заставъ тебя во время свиданія съ прекрасною Ассунтой...

— Свиданіе съ Ассунтой! Да полно, въ умѣ-ли вы?

— Въ полномъ моемъ разсудкѣ, могу тебя увѣрить, другъ Торрибіо. А тебѣ совѣтую не забывать, что здѣсь, въ лѣсу, деревья слышатъ, а листья видятъ и какъ-бы хорошо мы не скрывались, всегда кто-нибудь увидитъ и услышитъ насъ!

— Весьма возможно, я противъ этого не спорю, но тѣ, кто сообщилъ вамъ все это, какъ видно, плохо видѣли и плохо слышали на этотъ разъ. Донна Ассунта дѣйствительно очень красива, но я видѣлъ ее всего два раза у обѣдни и совсѣмъ не знаю ее, да и къ тому-же въ нашихъ лѣсахъ нѣтъ недостатка въ красивыхъ дѣвушкахъ!

— Это правда, но я не знаю ни одной, которая была-бы такъ-же хороша, какъ эта Ассунта Маркэзъ!

— Vive Cristo! а Леона?

— Хмъ! что это ты сказалъ? Леона? почему ты упоминаешь о моей дочери?... ужъ не ухаживаешь-ли ты за ней?

— Нѣтъ, нисколько, я просто желаю только напомнить вамъ, что и прекрасная Ассунта имѣетъ соперницъ!

— Хмъ, хмъ! это что-то не ясно... а, впрочемъ, Леона не такая дѣвушка, чтобы забыть о своихъ обязанностяхъ и...

— Baya pues! Какія странныя мысли приходятъ вамъ въ голову, донъ Хуанъ! Я лучше, чѣмъ кто-либо, знаю вашу дочь: вѣдь мы почти что выросли вмѣстѣ.

— Вотъ потому-то именно... ну, да помни, что я зѣвать не стану!

— Знайте одно, донъ Хуанъ, что если я стану ухаживать за вашей дочерью, то только съ намѣреніемъ жениться на ней!

— Ну, это еще отчасти миритъ меня съ тобою, мучачо! Я знаю, что несмотря на всѣ твои недостатки, за тобою есть еще кое-какія качества и что ты не захочешь соблаз-

нить дочь человѣка, который былъ тебѣ почти отцомъ! Но тѣмъ не менѣе для меня не понятно, какимъ образомъ ты попалъ въ рѣку, если только тебя не окунули твои враги, желая полакомить тобою аллигаторовъ.

— Если-бы ваше предположеніе было вѣрно, какъ вы полагаете, имѣлъ-ли бы я при себѣ этотъ ножъ?—Развѣ это похоже на меня, чтобы я дался кому въ руки, пока могу защищаться.—Нѣтъ, конечно, я былъ-бы раненъ, одежда на мнѣ была-бы порвана въ борьбѣ, и вмѣсто того, чтобы плыть вверхъ, противъ теченія, что я исполнилъ съ большимъ трудомъ я, конечно, поплылъ-бы внизъ,—если допустить, что мои враги не догадались связать меня, бросая въ рѣку.

— Все это такъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-то не вѣроятно!

— Сагаї! Этакій Ѳома невѣрный!—смѣясь замѣтилъ молодой человѣкъ,—если хотите, я разскажу вамъ въ двухъ словахъ все дѣло.

— Вы знаете, конечно, какъ и всѣ, что у меня странный характеръ и что я охотно уступаю всякимъ своимъ причудамъ. И вотъ, пожалуй съ мѣсяцъ, какъ меня все преслѣдуетъ одна мысль помѣряться силой, ловкостью и проворствомъ съ аллигаторами. Вы знаете, что я плаваю какъ рыба, и страстно люблю купаться во всякое время! И вотъ, мнѣ вздумалось посмотрѣть, могутъ-ли аллигаторы помѣшать мнѣ выкупаться въ этой рѣкѣ! Я былъ убѣжденъ, что человѣкъ смѣлый и рѣшительный всегда съумѣетъ справиться съ этими чудовищами. Сегодня ночью, возвращаясь изъ Санъ-Блаза, я ѣхалъ вдоль берега рѣки и невольно смотрѣлъ на воду, въ которой плескались и играли аллигаторы. И вотъ, я самъ не знаю, какъ это случилось, но только я разостлалъ свой зарапе на берегу, положилъ на него свое ружье, свой ташетъ и остальное и, раскрывъ ножъ который взялъ въ зубы, я кинулся въ рѣку.

— Ну, а аллигаторы?

— Они не замедлили подоспѣть. Ихъ было двое, но я поджидалъ ихъ и, какъ только они достаточно приблизились ко мнѣ, нырнулъ и, поднявшись какъ разъ подъ однимъ изъ нихъ, распоролъ ему брюхо своимъ ножемъ, затѣмъ поступилъ точно также и съ другимъ. Такъ я управился съ пятерыми, одинаково удачно! Ну, а остальные, видя, вѣроятно, что со мной не совсѣмъ удобно имѣть дѣло, оставили меня въ покоѣ. Да вотъ, смотрите вонъ одинъ изъ нихъ выползъ околѣвать на берегу!

— И въ самомъ дѣлѣ!—воскликнулъ старикъ, поглядѣвъ въ томъ направленіи, куда ему указывалъ донъ Торрибіо, — я отвезу его на своей телегѣ домой! Вѣдь, мясо аллигатора чрезвычайно вкусно!

— Знаю!

— Послушай, мучачо, пойдемъ со мной въ мою хижину, жена мастерски изжаритъ намъ по хорошому ломтю!

— Благодарю, я бы охотно послѣдовалъ вашему приглашенію, но теперь это невозможно, такъ какъ я не желаю потерять своего коня и оружіе, которое оставилъ въ томъ мѣстѣ, откуда пошелъ купаться.

— Да, правда, я объ этомъ не подумалъ! Что-же ты теперь намѣренъ дѣлать?

— Отдохнувъ немного, я снова переплыву рѣку и отыщу свою лошадь и оружіе.

— Хмъ, парень, вѣдь, это, право, значитъ испытывать долготерпѣніе Бога! Ну, да ужъ если ты рѣшилъ, такъ тебя вѣдь, не отговорить! Такъ отдыхай, а я пока займусь распластываніемъ аллигатора. Но ты заходи вечеркомъ въ мой jacal: мы будемъ ждать тебя къ ужину!

— Ладно, буду непремѣнно, сеньоръ Педрозо!

Мужчины простились,—донъ Торрибіо, свернувшись улегся на травѣ и тотчасъ-же заснулъ подъ сѣнью развѣсистаго дерева, такъ какъ теперь солнце уже взошло и начинало становиться жарко.

Донъ Хуанъ Педрозо, разрубивъ топоромъ гигантскаго аллигатора, взвалилъ его на свою телѣгу и поѣхалъ своей

дорогой, предварительно повторивъ еще разъ свое приглашеніе молодому человѣку, но тотъ крѣпко спалъ и нечего не слыхалъ.

Аллигаторы задали таки ему работы, такъ что онъ утомился не на шутку,. Эти громадныя земноводныя, живущія въ рѣкахъ и лагунахъ до крайности опасны и свирѣпы. На человѣка онѣ тоже иногда нападаютъ, если онъ даже не въ водѣ.

Донъ Торрибіо спалъ уже часа три, когда его пробудилъ конскій топотъ, раздавшійся совсѣмъ близко около того мѣста, гдѣ онъ лежалъ. Въ первый моментъ онъ не могъ даже припомнить, какъ онъ очутился здѣсь, подъ этимъ деревомъ, но затѣмъ все ему припомнилось разомъ, и брови его невольно сдвинулись, когда поднявъ голову онъ увидѣлъ передъ собою дона Рафаеля Кастилло, державшаго въ поводу двухъ коней.

Однимъ прыжкомъ донъ Торрибіо очутился на ногахъ и, отвѣтивъ безмолвнымъ наклоненіемъ головы на такой-же молчаливый поклонъ дона Рафаеля, сложилъ руки на груди и ждалъ объясненія.

Молодые люди были почти однихъ лѣтъ; донъ Рафаель былъ красивый, статный юноша съ прямымъ, открытымъ взглядомъ глубокихъ черныхъ глазъ, подъ природной граціей и изяществомъ его формъ, очевидно, скрывалось не дюженная сила.

— Ужъ съ самаго разсвѣта я ищу васъ повсюду, донъ Торрибіо! — сказалъ самымъ дружественнымъ тономъ новоприбывшій,—я очень безпокоился о васъ и радъ, что вижу васъ бодрымъ и здоровымъ!

— Очень благодаренъ, сеньоръ донъ Рафаель! Мнѣ удалось на этотъ разъ благодаря вамъ и вашему брату уйти отъ вѣрной смерти и я этого никогда не забуду! —Но могу я узнать, почему вы такъ старательно разыскивали меня теперь?

— Да, конечно, — отвѣтилъ молодой человѣкъ, немного расхоложенный оффиціальнымъ тономъ своего собесѣдника,—

какъ я уже сказалъ вамъ, я безпокоился о васъ, не зная, живы-ли вы еще, и затѣмъ, вы оставили въ нашихъ рукахъ вашъ зарапе и ваше сомбрэро (шляпу), которыя я желалъ вамъ возвратить. Кромѣ того, бродя около моста ліанъ мой братъ случайно нашелъ вашу лошадь,—это прекраснѣйшее, благородное животное, — и я думалъ, что вы будете весьма рады вновь увидѣть его, я и привелъ его вамъ, какъ видите!

— О, благодарю! Благодарю васъ, донъ Рафаель! — воскликнулъ донъ Торрибіо взволнованнымъ голосомъ, — простите мнѣ мою холодность въ первый моментъ: я самъ не знаю, какія глупыя мысли пришли мнѣ на умъ при видѣ васъ; я, какъ видно, находился еще подъ впечатлѣніемъ событій этой ночи! Простите еще разъ, я вижу, вы и вашъ братъ добры и великодушны, и я, право, не знаю, чѣмъ и когда я могу отблагодарить васъ, но надѣюсь, что Господь поможетъ мнѣ въ этомъ и когда нибудь мнѣ представится случай оказать вамъ услугу!

— Простите, я не кончилъ, — сказалъ улыбаясь донъ Рафаель,—во время нашей борьбы я разбилъ ваше ружье, а огнестрѣльное оружіе здѣсь рѣдко и дорого особенно теперь, когда даже за деньги трудно получить ружье. Мнѣ извѣстно, что у насъ здѣсь въ лѣсу охотникъ, а вы вѣдь, сколько мнѣ извѣстно, охотникъ, положительно долженъ пропасть съ голода, если у него нѣтъ ружья.

— Да, это правда, и я слишкомъ бѣденъ, чтобы имѣть возможность пріобрѣсти другое раньше нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Но вы могли меня убить, если-бы захотѣли, а предпочли только обезоружить меня, да ктому-же я сознаюсь, что заслужилъ тотъ жестокій урокъ... Но не будемъ болѣе говорить объ этомъ!

— Нѣтъ, напротивъ, поговоримъ еще немного.

— Какъ угодно, но къ чему? — съ печальной улыбкой сказалъ онъ.

— Не думайте, пожалуйста донъ Торрибіо, что я настаиваю на этомъ разговорѣ съ намѣреніемъ растравить

еще болѣе чувство сожалѣнія, вызванное въ васъ этой потерей—о, нѣтъ!

— Не оправдывайтесь, — перебилъ донъ Террибіо, -- за эти нѣсколько часовъ я успѣлъ узнать васъ настолько, что повторяю, считаю васъ не только моимъ спасителямъ, но еще кромѣ того человѣкомъ съ благороднымъ сердцемъ и высокой душой!

— А если такъ,—улыбаясь подхватилъ донъ Рафаель, — то вы позволите мнѣ замѣнить вамъ разбитое мною ружье— хоть этимъ!

— Сеньоръ!... воскликнулъ донъ Торрибіо.

— О, не отказывайтѣ мнѣ въ этомъ, прошу васъ, у меня нѣсколько такихъ ружей и могу увѣрить васъ, это прекраснѣйшее оружіе.—Къ тому-же, вѣдь, это вовсе не подарокъ—это только замѣна! Вѣдь, я разбилъ ваше ружье! Но не станемъ болѣе спорить объ этомъ; я счастливъ, что вы согласились принять это ружье!—Съ этими словами донъ Рафаель вручилъ дону Торрибіо совершенно новое прекрасное ружье. Послѣдній принялся внимательно разглядывать его.

— Это ружье дорогое! — Мало того, это цѣнное ружье!— радостно воскликнулъ онъ, но затѣмъ лицо его вдругъ опечалилось и онъ, сказалъ, возвращая его своему великодушному врагу:

— Извините донъ Рафаель, я не могу принять его!

— Почему такъ?

— Потому, что оно слишкомъ цѣнное! Мое было простое, старое ружье, я купилъ его за одинъ унцъ по случаю у одного англійскаго капитана!

— Выслушайте меня прежде, чѣмъ отказаться окончательно,—живо возразилъ донъ Рафаель.—Одно французское судно гибло у нашихъ береговъ во время ужаснѣйшаго cordonazo; (буря, ураганъ). Братъ мой и я находились тогда случайно въ окрестностяхъ Санъ-Блаза. Не думая о страшной опасности, которая могла грозить намъ, мы сѣливъ лодку, доплыли до гибнувшаго судна и затѣмъ съ Божіей помощью

провели его благополучно до входа въ портъ Санъ-Блазъ. Такимъ путемъ намъ посчастливилось спасти не только самое судно и его цѣнный грузъ, но и также и капитана, и весь его экипажъ. Конечно, это не болѣе, какъ счастливый случай. Желая отблагодарить насъ, и видя, что мы не соглашаемся принять никакого денежнаго вознагражденія, капитанъ принудилъ насъ принять каждаго по ящику ружей и по ящику пистолетовъ Версальскаго завода, какъ говорятъ, перваго въ Европѣ. Онъ насильно приказалъ свезти на берегъ эти четыре ящика, увѣряя насъ, что мы не въ правѣ отказатся отъ оружія теперь, когда вся наша страна находится въ возстаніи и такъ нуждается въ оружіи. Конечно, мысль капитана при этомъ была та, чтобы мы раздали это оружіе тѣмъ изъ нашихъ друзей, которые будутъ въ немъ нуждаться, такъ что вы видите, что, предлагая вамъ одно изъ этихъ ружей, я только сообразуюсь съ желаніемъ капитана. Еще разъ прошу васъ принять отъ меня это ружье, а эту пару пистолетовъ отъ брата моего, Лопа. Послѣ того, что я вамъ сейчасъ разсказалъ, вы даже не въ правѣ отказываться отъ этого оружія!—Съ этими словами онъ вручилъ вторично дону Торрибіо ружье и пару пистолетовъ, которые вынулъ изъ за пояса.

— Что дѣлать, надо вамъ повиноваться!—полу-шутливо, полу-радостно сказалъ молодой человѣкъ.

— Ну, а теперь, надѣюсь, что мы разстанемся съ вами друзьями!—сказалъ донъ Рафаель, протягивая руку.

— Да, сеньоръ, вы и вашъ братъ, были очень великодушны ко мнѣ!—произнесъ Торрибіо самымъ сердечнымъ, задушевнымъ тономъ.

— А нашъ отецъ?

— Вашъ отецъ,—повторилъ, весь поблѣднѣвъ молодой человѣкъ,—былъ жестокъ ко мнѣ, онъ выказалъ себя неумолимымъ по отношенію къ моей винѣ, или вѣрнѣе, даже легкомысленности, за которую я и такъ уже жестоко былъ наказанъ тѣмъ, что вы слышали изъ устъ вашей прекрасной сестры, донны Ассунты.

— Да, это правда,—честно согласился донъ Рафаель, — но отецъ нашъ человѣкъ старый, добрый и хорошій, но только неумолимый и непреклонный, какъ большинство людей въ его лѣта,—неужели вы такъ сильно возненавидите его за его горячность, о которой онъ и самъ теперь, быть можетъ, сожалѣетъ,—я въ томъ увѣренъ?!

— Донъ Сальваторъ Кастилло — вашъ отецъ, донъ Рафаель, — я не считаю себя въ правѣ ненавидѣть его. Я постараюсь забыть то, что онъ хотѣлъ сдѣлать со мною, вспоминая какъ вы съ вашимъ братомъ отнеслись ко мнѣ. Къ тому-же это будемъ тѣмъ легче для него, что не позднѣе, какъ черезъ двое сутокъ, меня уже не будетъ въ этихъ лѣсахъ; я покину ихъ, быть можетъ, на всегда! — добавилъ онъ съ сердечнымъ сокрушеніемъ.

— Какъ?! вы хотите покинуть наши лѣса, гдѣ вы родились и жили счастливымъ и свободнымъ?

— Да, такъ надо, — со вздохомъ сказалъ Торрибіо, — я хочу забыть и пусть и меня забудутъ. До настоящаго времени моя жизнь была не тѣмъ, чѣмъ-бы ей слѣдовало быть. Я во многомъ могу упрекать себя, донна Ассунта сказала правду, я — мерзкій человѣкъ, но я хочу искупить свое прошлое; сегодняшній урокъ не пропалъ даромъ для меня!

— Но скажите, что станется съ вами въ чужихъ странахъ, которыхъ вы совсѣмъ не знаете?

— Этого я и самъ не могу сказать! Но Богъ, который видитъ мое раскаяніе, поможетъ мнѣ, я въ томъ увѣренъ, кромѣ того, человѣкъ смѣлый, на добромъ конѣ и хорошо вооруженный, нигдѣ не пропадетъ, а тѣмъ болѣе въ нашей странѣ. Весьма возможно, что я пристану либо къ Мексиканцамъ, либо къ Испанцамъ.

— Обдумайте хорошенько: это серьезный вопросъ!

— Я уже все обдумалъ, донъ Рафаель! — Я ѣду, быть можетъ сегодня же вечеромъ, а потому примите мой прощальный привѣтъ и сердечную благодарность и если позволите прибавить еще пару словъ....

— Сдѣлайте одолженіе!

— Даже если-бы эта касалось донны Ассунты?—съ горькой улыбкой освѣдомился Торрибіо.

— Почему-же нѣтъ? — Я повторяю ей слово въ слово ваши слова!

— Благодарю! Скажите ей, что ея упреки сдѣлали изъ меня другаго человѣка, что я покидаю свои родные лѣса съ сердцемъ, наполненнымъ невыразимой горечью, но съ надеждой, что горе и страданія возродятъ меня! Передайте, что мое самое горячее желаніе, это видѣть ее счастливой, и что я буду молиться о ея счастьѣ!

— Я скажу ей все это, донъ Торрибіо!

— Благодарю, сеньоръ! Прощайте, мы, вѣроятно, больше не увидимся!

— Какъ знать?! Быть можетъ, мы столкнемся гдѣ нибудь гораздо раньше, чѣмъ вы полагаете; говорятъ, что Испанцы приближаются сюда.

— Дай Богъ, чтобы они сюда и не заглядывали!

— Аминь! Отъ всего сердца! Прощайте и всего хорошаго!!

— Благодарю, храни васъ Богъ!

Молодые люди крѣпко пожали другъ други руки, обмѣнялись еще нѣсколькими словами, и затѣмъ донъ Рафаель вскочилъ на своего коня.

— До свиданія! — крикнулъ онъ, давъ шпоры своему мустангу.

— Прощайте!—грустно отозвался донъ Торрибіо, но тотъ уже не слышалъ.

Какъ только донъ Торрибіо остался одинъ, произошло нѣчто совсѣмъ не вѣроятное.

Этотъ гордый, сдержанный молодой человѣкъ, вдругъ сбросилъ съ себя маску стоицизма и, подойдя къ своему коню, обхватилъ его шею руками и сталъ какъ-то особенно страстно ласкать его, говоря съ нимъ, какъ съ человѣкомъ, какъ съ близкимъ задушевнымъ другомъ, и плакалъ, плакалъ навзрыдъ. Этотъ прекрасный конь былъ единственнымъ его другомъ и повѣреннымъ и ему онъ отдавался всей душей,

изливая на это благородное животное всю ту безмѣрную любовь, которой онъ не находилъ другого примѣненія.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ донъ Торрибіо во время своихъ продолжительныхъ странствій по Сонорѣ и таинственнымъ дебрямъ Аризоны случайно повстрѣчалъ большой табунъ степныхъ дикихъ коней. Погнавшись за ними, онъ изловилъ своимъ лассо (арканъ) превосходнѣйшую кобылицу, которую и назвалъ знаменательнымъ именемъ Линда.

Чистокровный степной мустангъ, Линда была одновременно и щегольской, и походной лошадью, неутомимой и выносливой, сухой, легкой и при томъ рѣдкой красоты. Донъ Торрибіо чуть не боготворилъ ее; онъ ходилъ за ней, какъ ходитъ мать за любимымъ ребенкомъ, и умное животное понимало каждое его слово и движеніе, повинуясь ему всегда съ особою готовностью.

Одинъ богатый, знатный испанецъ, прельстясь необычайной красотой Линды, предлагалъ за нее дону Торрибі полторы тысячи піастровъ, что составляетъ цѣлое состояніе для такого авантюриста, еле-еле сводящаго концы съ концами и живущаго со дня на день, чѣмъ Богъ послалъ. Однако, молодой человѣкъ наотрѣзъ отказался разстаться съ своей лошадью, не смотря даже на то, что его упорный покупщикъ все увеличивалъ предлагаемую имъ сумму до тѣхъ поръ, пока не утроилъ первоначальной цыфры. Но даже и эта неслыханная за коня цѣна не соблазнила дона Торрибіо. Мало того, изъ опасенія, чтобы знатный испанецъ не приказалъ похитить у него его неоцѣненную Линду, которую тому не удалось купить ни за какія деньги, донъ Торрибіо, не сказавъ никому ни слова, вскорѣ покинулъ ту мѣстность, гдѣ жилъ его упорный покупщикъ.

Судьбѣ было угодно, чтобы однажды, охотясь, донъ Торрибіо повстрѣчалъ одного вождя Команчей, обладателя превосходнѣйшаго жеребца, не уступавшаго по красотѣ статей и другимъ качествамъ даже и самой Линдѣ. Путемъ различныхъ, не особенно цѣнныхъ подарковъ, дону Торрибіо удалось добиться того, чего онъ желалъ, — и двѣнадцать

мѣсяцевъ спустя Линда подарила ему прекраснаго жеребенка, котораго онъ назвалъ Линдо. Донъ Торрибіо окружилъ этого жеребенка самыми нѣжными заботами и самымъ тщательнымъ уходомъ, и благодарное животное привязалось къ своему хозяину настолько, насколько и онъ къ нему. Линдо было уже пять лѣтъ, донъ Торрибіо уже съ годъ ѣздилъ на немъ, а Линда мѣсяцевъ шесть тому назадъ пала внезапно отъ прилива крови. Донъ Торрибіо сильно горевалъ и тосковалъ по своей любимой лошади и долго оплакивалъ ее, затѣмъ зарылъ ее глубоко въ землю и завалилъ то мѣсто тяжелыми камнями, чтобы хищные звѣри не могли отрыть ее.

Надо пожить въ степной и лѣсной глуши американскихъ саваннъ, чтобы понять, какъ дорогъ можетъ быть всаднику его конь, какъ онъ можетъ сродниться съ нимъ, какъ это благородное животное можетъ стать самымъ близкимъ, дорогимъ другомъ одинокаго, среди безлюдья степей и дремучихъ дѣвственныхъ лѣсовъ, человѣка. Здѣсь человѣкъ, потерявшій коня, почти неизбѣжно обреченъ на неминуемую гибель. Кто укажетъ ему безъ этого вѣрнаго спутника и проводника невѣдомый бродъ на рѣкѣ? Кто угадаетъ заметенный песками слѣдъ? Кто съумѣетъ найти путь и провести его черезъ непроходимыя топи и болота? Кто, какъ ни вѣрный конь! Донъ Торрибіо такъ любилъ своего коня и былъ въ немъ увѣренъ, что не только никогда не привязывалъ его, но даже и не треножилъ, но въ ту ночь, когда онъ отправился на свиданіе съ донной Ассунтой, онъ принужденъ былъ привязать его къ дереву, потому что иначе Линдо послѣдовалъ-бы за нимъ. Въ продолженіи всей этой ночи участь его вѣрнаго коня чрезвычайно тревожила его, когда-же донъ Рафаель привелъ его возлюбленнаго Линдо, донъ Торрибіо былъ до того обрадованъ, что едва могъ сдержать свое волненіе и въ душѣ поклялся сохранить вѣчную благодарность тому человѣку, который вернулъ ему его коня.

Немного успокоившись послѣ первой безумной радости

свиданія съ Линдо, донъ Торрибіо оправилъ на себѣ давно уже высушенное солнцемъ платье, привелъ себя, насколько возможно, въ порядокъ и накинувъ на плечи свой зарапе, весело вскочилъ въ сѣдло и легкимъ охотничьимъ аллюромъ поскакалъ по направленію къ хижинѣ дона Хуана Педрозо, отстоявшей не болѣе пяти, шести миль отъ того мѣста, гдѣ находился теперь донъ Торрибіо.

Отъѣхавъ немного, донъ Торрибіо поразмыслилъ, что такъ какъ спѣшить ему нечего, а время уже не раннее, т. е. около трехъ часовъ по полудни, а онъ со вчерашняго вечера не имѣлъ ни крохи во рту,—то не худо было-бы сдѣлать привалъ у ручья, въ тѣни высокихъ пальмъ, и поискать въ альфорхасъ, т. е. переметныхъ сумахъ, и посмотрѣть, не найдется-ли въ нихъ чего нибудь.

На провѣрку оказалось, что изъ съѣстнаго въ нихъ нашлись всего два или три морскихъ сухаря, немного queso, т. е. козьяго сыра и красивая большихъ размѣровъ фляга, къ сожалѣнію, почти пустая, но табаку и маисовыхъ листьевъ былъ большой запасъ.

Американцы вообще народъ очень умѣренный въ пищѣ и винѣ, имъ нужна самая малость для поддержанія жизни, а потому, имѣя въ виду сытный ужинъ, нашъ молодой человѣкъ счелъ свой завтракъ вполнѣ достаточнымъ и весело принялся уничтожать имѣвшіеся у него запасы, не забывъ при этомъ подѣлиться по братски своими сухарями съ Линдо. Запивъ свой завтракъ водой съ примѣсью нѣсколькихъ капель водки, донъ Торрибіо свернувъ сигаретту и сталъ курить.

Надо сказать, что прежде даже, чѣмъ подумать о себѣ, молодой человѣкъ разнуздалъ своего коня и предоставилъ ему вволю наслаждаться сочной зеленой травой.

Часу въ седьмомъ вечера, т. е. вскорѣ послѣ заката, донъ Торрибіо остановилъ своего коня у хижины дона Хуана Педрозо. Тамъ уже ожидали его; въ моментъ когда онъ соскочилъ съ коня, дверь хижины отворилась и на порогѣ появился привѣтливо улыбающійся донъ Хуанъ.

— Добро пожаловать, мучачо, я уже давно поджидаю тебя, и даже начиналъ побаиваться, что ты сегодня не пріѣдешь, caraï!

На этотъ разъ, старый охотникъ разговаривалъ со своимъ гостемъ совершенно инымъ тономъ, чѣмъ по утру. Теперешній добродушный, сердечный тонъ былъ отнюдь не свойственен ему и донъ Торрибіо зналъ это лучше, чѣмъ кто-либо, а потому это непривычное, ласковое и любезное обхожденіе старика казалось молодому человѣку подозрительнымъ и возбуждало его недовѣріе. Онъ зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло и рѣшилъ мысленно быть насторожѣ, но, конечно, не показалъ и вида, что замѣтилъ въ поведеніи старика что-нибудь особенное.

Проводивъ въ конюшню своего коня, онъ занялся имъ, разсѣдлалъ, почистилъ на ночь и задалъ корма, дѣлая все это не спѣша и отвѣчая лишь односложными словами на рѣчи старика, стоявшаго тутъ же въ дверяхъ конюшни.

— Ну, вотъ, теперь готовъ! Я весь къ вашимъ услугамъ, дорогой хозяинъ!—сказалъ донъ Торрибіо,—простите меня, что я такъ долго провозился съ моимъ Линдо, но, вѣдь, вы знаете, какъ мы любимъ другъ друга!

— Да конечно, мучачо, я въ этомъ не вижу ничего дурного; каждый всадникъ долженъ заботиться о своемъ конѣ!

— Я радъ, что вы того-же мнѣнія, какъ и я на этотъ счетъ,—сказалъ молодой человѣкъ, входя въ главную залу жакаля,—а гдѣ-же донна Леона, почему я не вижу ея?

— Не безпокойтесь о ней, мучачо!—возвращаясь къ своей прежней привычки говорить саркастически, прогорилъ старикъ, — она присматриваетъ тамъ, на кухнѣ, и сейчасъ явится сюда. Ты видишь, столъ уже накрытъ, мы тебя ждали!

— Vive Dios! развѣ я не зналъ этого?! — воскликнулъ смѣясь донъ Торрибіо.

Здѣсь слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ въ поясненіе только что произнесенной дономъ Хуаномъ фразы: „ты видишь, столъ уже накрытъ“.

Въ этихъ отдаленныхъ отъ столичнаго центра, полудикихъ провинціяхъ Мексики, лѣтъ тридцать, тридцать пять тому назадъ подъ этими словами подразумѣвалось нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ то, что мы привыкли подразумѣвать подъ этимъ. Даже и въ самомъ Мексико, лѣтъ двадцать пять—тридцать тому назадъ самыя богатыя женщины, принадлежащія къ высшему кругу общества, охотно кушали на кухнѣ вмѣстѣ съ прислугой, присѣвъ на матикѣ или сѣнничкѣ, изъ общей чашки или миски, выбирая руками лучшіе куски и не прибѣгая къ помощи ни ножей, ни вилокъ.

А у Хуана Педрозо и подавно было такъ. Столомъ служилъ просто матикъ или сѣнничекъ, разостланный на полу, а три маисовыхъ тортилласъ замѣняли тарелки и обозначали мѣста хозяевъ и гостя. — Ни чарокъ, ни кружекъ, ни какихъ-бы то ни было напитковъ не было видно! Дѣло въ томъ, что мексиканцы не пьютъ за столомъ рѣшительно ничего, а только по окончаніи ужина или обѣда. Противъ каждой изъ трехъ маисовыхъ тортилла—сухая лепешка изъ маиса—предназначенныхъ служить и тарелками, и блюдами во время трапезы, а затѣмъ быть съѣденными на закуску, были поставлены три низенькихъ скамеечки.

Эта странная манера кушать, завѣщанная мексиканцамъ испанцами, къ этимъ послѣднимъ она перешла отъ арабовъ, такъ долго владычествовавшихъ въ южной Испаніи. Даже и по настоящее время на востокѣ всюду еще сохранился этотъ обычай; въ Египтѣ, въ Турціи, въ Персіи, въ Греціи и даже въ Индіи. Но на востокѣ принято тщательно умывать руки передъ ѣдой, тогда какъ мексиканцы совершенно пренебрегаютъ этимъ гигіеническимъ пріемомъ.

При послѣднихъ словахъ старика одна изъ внутреннихъ дверей комнаты отворилась и въ нее вошла молодая дѣвушка лѣтъ 18-ти не болѣе, чрезвычайно красивая. Но красота ея гордая и надменная, энергичная и даже немного суровая, имѣла нѣчто властное, невольно импонирующее. Ея огневой взглядъ дышалъ порою какою-то неизъяснимой томной нѣгой;—манящая чарующая улыбка сулила наслаж-

денія; но этотъ самый улыбающійся, пышный, алый ротикъ въ иной данный моментъ выражалъ нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ нѣжность и ласку.

Поступь ея горделивая и величественная имѣла то неподражаемое Jalero, присущее, повидимому, всѣмъ Андалузкамъ; ея милый и мелодичный голосъ звучалъ порою твердо и рѣшительно, переходя въ торжественныя контральтовыя ноты. Эта прелестнѣйшая дѣвушка и привлекала, и отталкивала въ одно и то же время; про нее дѣйствительно можно было сказать, что она и ангелъ, и демонъ прекрасный: такъ сильно владѣли ея молодою душой кипучія бурныя страсти.

— А,—сказала она, весело обращаясь къ дону Торрибіо,—необходима была случайная встрѣча съ моимъ отцомъ, чтобы напомнить вамъ о нашемъ существованіи!

— Не говорите такъ, Леона,—сказалъ любезно молодой человѣкъ,—всѣ, кто когда либо имѣлъ случай видѣть васъ хоть разъ, желали бы постоянно видѣть васъ передъ собою!

— Изволите-ли слышать?! да кто-же это учитъ васъ говорить такъ сладко и такъ красно? Ужъ не донна-ли Ассунта? Но предупреждаю, со мной это напрасный трудъ, сеньоръ!

— Злая вы,—такимъ-же шутливымъ тономъ продолжалъ молодой человѣкъ,—не даромъ васъ назвали Леона („львица") вамъ надобно почему то кусать всѣхъ тѣхъ, кто васъ любитъ!

— Такъ, такъ, мучачо,—поддержалъ его старикъ,—однако, пора-бы ужинать, становится поздненько!

— Сейчасъ, татито!—отозвалась молодая дѣвушка все такъ-же весело,—вѣдь я ожидала только пріѣзда этого buen mozo, si cortesante,—сказала она и скрылась за дверью.

— Что за милый характеръ у этой дѣвушки!—сказалъ ей во слѣдъ старикъ ранчеро,—какой я въ самомъ дѣлѣ счастливый отецъ!

— Хмъ!—подумалъ донъ Торрибіо,—что-бы это могло быть? несомнѣнно, однако, что здѣсь происходитъ что-то

особенное: я положительно не узнаю сегодня этого стараго лукавца! Во всякомъ случаѣ буду на сторожѣ: какъ видно, онъ затѣялъ съиграть со мной какую-то скверную шутку! Однако я не имѣлъ еще удовольствія видѣть донну Мартину,— сказалъ онъ вслухъ,—ужъ не больна-ли она?

— Нѣтъ, жена моя стряпаетъ на кухнѣ, ты сейчасъ ее увидишь! Она будетъ прислуживать намъ у стола! Да вотъ и она!

Дѣйствительно въ комнату вошла женщина, неся обѣими руками громадное дымящееся блюдо. Ей было уже не мало лѣтъ, а исхудалое, желтое лицо дѣлало ее еще старѣе, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ. Это была донна Мартина Педрозо, супруга мѣстнаго ранчеро; въ молодости своей она, очевидно, была очень красивой женщиной, но теперь, вслѣдствіе-ли дурного обращенія, или отъ нужды и бѣдности, или иныхъ какихъ нибудь причинъ, о которыхъ она не говорила никому, женщина эта была теперь по истинѣ страшна и безобразна.

Впрочемъ, такова участь всѣхъ женщинъ въ этихъ знойныхъ, солнечныхъ странахъ юга: чѣмъ съ молоду она была красивѣе и прелестнѣе, тѣмъ безобразнѣе она дѣлается съ годами.

Донна Мартина, повидимому была рада молодому человѣку, съ которымъ обмѣнялась нѣсколькими словами, и затѣмъ, воспользовавшись моментомъ, когда мужъ ее былъ занятъ чѣмъ-то постороннимъ, проворно наклонилась къ дону Торрибіо и шепнула чуть слышно:

— Берегись, мучачо!

Потомъ поставивъ блюдо на столъ, т. е. на средину сѣнника она крикнула:

— Можете садиться за столъ!

— Да, какъ видно, я не ошибся и противъ меня здѣсь что-то замышляютъ!—прошепталъ донъ Торрибіо.

III. Какъ донъ Хуанъ де Діосъ Педрозо отказалъ въ рукѣ своей дочери дону Торрибіо и какъ этотъ послѣдній похитилъ ее, чтобы спасти ей жизнь.

Сѣли за ужинъ.

Каждый взялъ свою сухую тоненькую и еще совершенно горячую торшилла и, протянувъ руку, наложилъ на нее тотъ кусокъ изъ блюда, который ему приглянулся.

Первымъ блюдомъ были, конечно, неизбѣжные frijoles con aji, которые можно встрѣтить вездѣ и повсюду въ Мексикѣ. Это ничто иное, какъ бобы съ индѣйскимъ перцемъ. Затѣмъ донна Мартина подала на столъ ломоть жаренаго аллигатора, также посыпаннаго перцемъ, потомъ былъ еще козій сыръ и мѣстные плоды, бананы, крупные ароматные и душистые, какъ ананасъ, гуявы, лимоны, душистые коричневые плоды курмы, гранаты и друг. плоды лѣса, цѣлой грудой наваленные на средину матика замѣнявшаго столъ. Все это, кромѣ овощей, давалъ лѣсъ, а овощи приходилось покупать въ Санъ-Блазѣ на базарѣ, потому что жители этой страны пренебрегаютъ огородничествомъ и поддерживаютъ съ горожанами исключительно только такого рода сношенія, какія необходимы для обмѣна лѣсной дичи на овощи.

Начало ужина прошло въ молчаніи; всѣ были голодны и ѣли съ большимъ аппетитомъ. Но затѣмъ, послѣ утоленія перваго голода, когда уже принесли postre, т. е. сыръ и плоды, разговоръ оживился. Но и самый разговоръ шутливый и ѣдкій со стороны молодой дѣвушки и всегда неизмѣнно сдержанный и любезный со стороны молодого человѣка убѣдилъ послѣдняго еще болѣе въ томъ, что приключенія минувшей ночи были извѣстны не только дону Хуану, но и Леонѣ. Донъ Торрибіо отнѣкивался, насколько могъ отшучивался и упорно настаивалъ на той версіи, какую избралъ для объясненія своего несвоевременнаго купанія старику дону Хуану. Послѣдній принималъ мало участія въ

разговорѣ молодыхъ людей; а только одобрялъ ихъ остроты и ловкіе мѣткіе словца подмигиваніемъ и смѣхомъ, и усердно попивалъ свой мецуель, не переставая курить сигаретку за сигареттой и пытаясь поминутно наполнять чарку гостя, но тотъ упорно отказывался пить.

Донъ Торрибіо вообще былъ воздержанъ, а теперь донна Мартина, предупредивъ его о возможной опасности, сдѣлала его еще болѣе осторожнымъ. Разговаривая съ донной Леоной, онъ не переставалъ думать о томъ, какъ-бы ему поскорѣе вырваться изъ этого дома.

Наконецъ, около девяти часовъ вечера молодая дѣвушка встала и насмѣшливымъ тономъ простилась съ дономъ Торрибіо, говоря, что хочетъ идти спать. Донна Мартина давно ужъ удалилась въ свою комнату, но уходя, бросила молодому человѣку многозначительный взглядъ и, незамѣтно для остальныхъ, приложила палецъ къ губамъ.

Мужчины остались вдвоемъ.

Донъ Торрибіо, обождавъ съ минуту послѣ ухода Леоны, тоже всталъ.

— Какъ, и ты тоже встаешь изъ-за стола, мучачо?— спросилъ донъ Хуанъ.

— Да,— отвѣтилъ донъ Торрибіо,— я чувствую потребность размять ноги!

— Прекрасно, но надѣюсь, что это не помѣшаетъ тебѣ выпить со мной стаканъ — другой мецуеля или рефино? (refino)

— Благодарю,—произнесъ донъ Торрибіо,—вы знаете, что я не пью.

— Да, правда, ты сталъ совершенной мокрой курицей нынче, а, вѣдь, раньше ты, право, былъ лихой собутыльникъ и не боялся стакана добраго вина.

— Не спорю, но тѣ времена прошли, вино и настойки— дурныя совѣтники, и я имъ не довѣряю. Дай Богъ никогда не знать и не пробовать ни того, ни другого!

— Пустяки! вино веселитъ сердце человѣка, а настойки

заставляютъ все видѣть въ розовомъ цвѣтѣ. — Итакъ, хватимъ стаканчикъ, мучачо!

— Ни капли!—Я уже сказалъ, что не стану пить!

— Ну, какъ хочешь! За твое здоровье!—И старикъ осушилъ свой стаканъ. Это былъ, не первый, а потому, согласно своему собственному выраженію, донъ Хуанъ Педрозо начиналъ все видѣть въ розовомъ цвѣтѣ.

— Послушай, сядь-ка ты лучше! — сказалъ онъ, обращаясь къ молодому человѣку.

— Зачѣмъ?

— Затѣмъ, что нужно намъ побесѣдовать и выпить!

— Да я не пью!

-- Ну, все равно!—Ты будешь пить ключевую воду!

— Да я и воды не хочу, къ тому-же становится поздно!

— Не все-ли намъ равно, что теперь поздно?

— Вамъ это, можетъ быть, и все-равно, но мнѣ—нѣтъ! Я чувствую себя усталымъ, а мнѣ еще три добрыхъ мили до дома!

— Да что ты тамъ разсказываешь, мучачо? — перебилъ его старикъ уже заплетающимъ языкомъ,—ты воображаешь что я такъ и отпущу тебя?

— Эхъ, чортъ возьми! да вѣдь пора ужъ и на боковую!

— Что изъ того? Ты можешь переночевать и здѣсь; мѣсто найдется!

— Благодарю, но я предпочитаю вернуться въ свой жакаль!

— Ну, это ты всегда еще успѣешь! — Вѣдь, тебя тамъ никто не ждетъ!

— Какъ знать?!.

— Да полно-же мучачо,—я хочу поговорить съ тобой о дѣлѣ.

— Поговорить со мной? о дѣлѣ?—повторилъ молодой человѣкъ, насторожив уши.

— Да, о серьезномъ дѣлѣ!

— Говорить о серіозномъ дѣлѣ, когда ужъ столько выпито, вы слишкомъ тертый калачъ для этого!

— Нѣтъ, дѣло превосходное! я знаю, что ты славный мучачо, и хочу взять тебя въ соучастники себѣ, чтобы мы могли съ тобой заработать четыре тысячи піастровъ, разомъ. Ну что ты на это скажешь, Хмъ!

— Я скажу, что это слишкомъ хорошо, чтобы быть правдой, и что, вѣроятно, у васъ теперь въ глазахъ двоится!

— Ты думаешь? — засмѣялся старикъ, — нѣтъ, ошибаешься;—мало того и дѣло - то вовсе не рискованное!

— Ну, пусть по вашему! Согласенъ, что все это такъ! Только позвольте мнѣ уѣхать, я вижу, что вы смѣетесь надо мною, донъ Хуанъ!

— Нѣтъ, подожди! Даю тебя слово, что ты потомъ не будешь каяться, если выслушаешь меня! — И старикъ удержалъ молодаго человѣка за его зарапе. При этомъ плащъ распахнулся и обнаружилъ два длинные пистолета, засунутые за поясомъ у дона Торрибіо.

Старикъ, замѣтивъ ихъ, невольно вздрогнулъ, затѣмъ установивъ на молодого человѣка насмѣшливый взглядъ, сказалъ.

— А, у тебя прекрасное оружіе! Ха, ха! Гдѣ это, чортъ возьми,—ты могъ украсть ихъ?

— Я не укралъ, — сухо отвѣтилъ молодой человѣкъ — а мнѣ подарили ихъ, правда, я виновенъ въ смерти нѣсколькихъ человѣкъ, но воромъ никогда не былъ! — съ горечью добавилъ онъ, — я никогда не бралъ ничего чужого!

— Да, да, я тебя и не обвиняю! Я знаю, что ты не воръ! Ну, теперь ты доволенъ?

— Нѣтъ, разъ вы сказали это, значитъ, вы думаете, что воръ и способенъ украсть!

— Да нѣтъ же, чортъ побери! Я этого совсѣмъ никогда не думалъ!--Однако, вернемся къ нашему дѣлу!

— Нѣтъ, мнѣ нѣтъ никакой надобности знать о немъ!

— Однако, долженъ-же я объяснить тебѣ въ чемъ суть!

— Нисколько! Я напередъ отказываюсь отъ него!

— Почему такъ?—спросилъ старикъ, сдвинувъ брови,—развѣ ты мнѣ не довѣряешь?

— Нѣтъ, не то, а просто потому, что не могу взяться ни за какое дѣло!

— Баа!—Странно! развѣ ты теперь сталъ богатъ?

— Я то? — засмѣялся молодой человѣкъ, — я имѣю въ настоящее время всего на всего два унца золота и шесть піастровъ.

— И при такихъ условіяхъ ты отказываешься отъ такого дѣла — отъ 2,000 піастровъ, которые пришлись-бы на твою долю?

— Да!

— Ну, ты или помѣшанъ, или смѣешься надо мной!

— Ни то, ни другое! — Но съ восходомъ солнца я уѣзжаю!

— Ты уѣзжаешь? на долго?

— На всегда!

— Какъ? ты хочешь на всегда покинуть наши лѣса, гдѣ ты родился, гдѣ ты выросъ?

— Да, такъ надо! Я рѣшилъ!

— Сагаї! Вѣрно, тебѣ сдѣланы очень замачивыя предложенія, если ты соглашаешься разстаться со своей родиной?

— Мнѣ никто ничего не предлагалъ и не обѣщалъ:—я удаляюсь отсюда просто только потому, что самъ того хочу, я не хочу болѣе оставаться въ этихъ мѣстахъ.

— Куда же ты ѣдешь?

— Я еще и самъ не знаю!

— Какъ, ты не знаешь?

— Вѣрьте чести, не знаю! Я поѣду все на прямикъ на удачу, куда глаза глядятъ.

— Да ты совсѣмъ обезумѣлъ, я вижу!

— Очень возможно, я не спорю!

— Что-же касается того дѣла, о которомъ я говорилъ тебѣ, то это была просто шутка! Я хотѣлъ испытать тебя и убѣдиться, что ты па самомъ дѣлѣ такъ честенъ, какъ ты говоришь. Ну, ты молодцомъ выдержалъ испытаніе

и я очень счастливъ и радъ за тебя! Признаюсь и я былъ-бы очень затрудненъ, если-бы ты поймалъ меня на словѣ и потребовалъ отъ меня подробностей и разъясненій.

— Я вамъ вѣрю, вѣдь я же съ перваго слова понялъ, что вы смѣетесь надо мной.

— Ну да! это была просто шутка, ни что болѣе! — настойчиво твердилъ старикъ, — и ты прекрасно сдѣлаешь, если никому нескажешь о ней.

— Я не имѣю привычки болтать и разсказывать...

— Нѣтъ, не-то, я это знаю,—съ живостью перебилъ его донъ Хуанъ,—но понимаешь иногда въ разговорѣ незамѣтно увлекаешься и скажешь больше, чѣмъ надо!

— Ну, меня вамъ нечего опасаться! Да если бы даже я и сказалъ что нибудь, то въ сущности это тоже была-бы не бѣда!

— Хмъ, какъ знать, есть столько злыхъ языковъ, что меня пожалуй сразу обвинятъ въ томъ, что я хотѣлъ кого нибудь зарѣзать и обокрасть.

— Да...—протянулъ молодой человѣкъ,—но вѣдь съ восходомъ солнца я уѣзжаю совсѣмъ отсюда, чтобы ужъ болѣе не возвращаться сюда!

— Да правда, вѣдь, ты уѣзжаешь!... Въ сущности, ты отлично дѣлаешь. Для такого молодого человѣка, какъ ты, который не имѣлъ здѣсь особеннаго дѣла, ничего нѣтъ лучше, какъ поискать гдѣ нибудь на сторонѣ разнообразія и настоящаго дѣла.

— И такъ, вы теперь находите, что я хорошо дѣлаю что уѣзжаю? — иронически освѣдомился молодой человѣкъ.

— Да, въ видахъ твоей же пользы; посмотрѣть свѣтъ и людей; это даетъ опытъ и полезныя знанія!

— Ну, въ такомъ случаѣ, я очень радъ и иду сѣдлать своего коня!

Иди, мучачо! Иди, — да, главное, не болтай лишняго!

— Будьте покойны!

— Да вотъ что, смотри, не уѣзжай, не простившись со мной.

— Ладно! — Торрибіо вышелъ изъ комнаты, оставивъ ранчеро въ компаніи бутылокъ, которые, судя по тому, какъ усердно онъ прибѣгалъ къ нимъ, скоро должны были осушиться до дна.

Донъ Торрибіо поспѣшилъ на конюшню, куда вошелъ, тихонько посвистывая; веселое ржаніе было отвѣтомъ, — и умное животное тотчасъ-же стало искать мордой плечо своего господина.

— Ну, ѣдемъ Линдо! ѣдемъ другъ мой! — сказалъ молодой человѣкъ, цѣлуя его прямо въ ноздри, и подавая своему любимцу кусокъ сахара. Затѣмъ онъ тщательно осѣдлалъ коня и, закинувъ поводья на луку сѣдла, вышелъ изъ конюшни, а Линдо послѣдовалъ за нимъ, какъ собака. Заперевъ конюшню, донъ Торрибіо направился къ дому, но не дойдя до него, замѣтилъ при блѣдномъ свѣтѣ мѣсяца какую-то бѣлую фигуру, неподвижно стоявшую подъ навѣсомъ, которую онъ тотчасъ-же призналъ за Леону. Брови его нахмурились; лицо приняло оттѣнокъ досадливости и видимаго неудовольствія.

— Что ей надо отъ меня? — подумалъ онъ,—а я ужъ было надѣялся, что не увижу ее больше.

Но тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ идти впередъ.

— Это вы Леона? — ласково спросилъ онъ, — ужъ не больны-ли вы? Я полагалъ, что вы давно легли и спите!

— Нѣтъ!—грустно сказала она,— я не ложилась и не спала, я не больна, а ждала васъ!

— Вы ждали меня, Леона? И для того, чтобы повидаться со мной, рискуете простудиться и заболѣть?! Войдите въ домъ, прошу васъ!

Дѣвушка отрицательно покачала головой.

— Нѣтъ!—сказала она самымъ рѣшительнымъ тономъ.

— Смотрите Леона, отецъ вашъ тутъ, онъ не спитъ, что если онъ услышитъ насъ?

— Онъ меня убьетъ. Что мнѣ жизнь, разъ вы не любите меня, Торрибіо!—сказала она скорбнымъ голосомъ.

— Леона!

— О, будьте покойны,—сказала она, широко распахнувъ дверь большой горницы,—онъ насъ не слышитъ; онъ спитъ пьяный и не проснется ранѣе, какъ черезъ нѣсколько часовъ! Видите?—насмѣшливо сказала она.

Дѣйствительно, донъ Хуанъ Педрозо спалъ, растянувшись на полу, подъ вліяніемъ изряднаго количества выпитаго имъ вина.

— А ваша мать?—замѣтилъ молодой человѣкъ.

— О, моя мать все знаетъ! Она угадала мою любовь—и я принуждена была во всемъ сознаться ей. Ее не бойтесь, донъ Торрибіо она жалѣетъ меня и плачетъ вмѣстѣ со мной, стараясь всячески утѣшать меня съ тѣхъ поръ, какъ ей стало извѣстно, что вы бросили меня.

Теперь эта дѣвушка была уже совсѣмъ не та; ничто не напоминало въ ней той гордой надменной дѣвушки, нервной и насмѣшливой. Это было кроткое, любящее существо, покинутая женщина, робко пытающаяся скрѣпить снова порванную, но дорогую для нее связь съ любимымъ человѣкомъ.

— Какъ бы то ни было во всякомъ случаѣ не прилично такъ, на самыхъ глазахъ у вашего отца...

— О, если только это стѣсняетъ васъ! — съ грустной улыбкой сказала она,—то пойдемте туда, подъ деревья, тамъ никто не услышитъ насъ и не помѣшаетъ!

— Нельзя отложить этотъ разговоръ до слѣдующаго раза?

— Нѣтъ, — съ живостью возразила она, — нѣтъ, надо разомъ покончить со всемъ этимъ! Я должна поговорить съ вами непремѣнно сегодня же теперь!

— Какъ угодно!—согласился донъ Торрибіо.

— Благодарю! — Подождите меня одну минуту!—съ этими словами она бѣгомъ вернулась въ домъ и затѣмъ возвратилась черезъ минуту съ ружьемъ дона Торрибіо.

— Возьмите, — сказала она, — теперь вамъ не надо будетъ возвращаться за нимъ въ ранчо!

Молодой человѣкъ молча взялъ изъ ея рукъ свое ружье и послѣдовалъ за нею.

Линдо шелъ за нимъ слѣдомъ.

Отойдя шаговъ на сто отъ дома, они остановились среди чащи небольшой рощицы ликидамбаровъ, густая тѣнь которыхъ окончательно скрыла ихъ отъ, посторонних глазъ.

Зубы молодой дѣвушки лихорадочно стучали она была очень блѣдна, а глаза горѣли какимъ-то мрачнымъ огнемъ.

— Право, вы пугаете меня, Леона,—сказалъ Торрибіо,— этотъ холодъ можетъ быть смертельнымъ для васъ!

— Ничего, внутренній жаръ грѣетъ меня!—сказала она какимъ-то загадочнымъ тономъ.

— Бѣдняжка!—Почему не подождать до завтра?

— До завтра! — съ горькой ироніей повторила она, — кто знаетъ, гдѣ вы будете завтра, не пытайтесь и теперь еще обманывать меня, Торрибіо! — Я слышала вашъ разговоръ съ отцомъ; я стояла за дверью и не проронила ни единаго слова. Я послѣдовала за вами до самой конюшни, Когда вы остаетесь одни съ вашимъ Линдо, вы говорите съ нимъ, какъ съ другомъ, вы не лжете ему и не обманываете его!—сказала дѣвушка, трепля своею крошечной ручкой шею вѣрнаго коня, который при ея прикосновеніи тихо заржалъ отъ удовольствія.

Молодой человѣкъ молча опустилъ голову, видимо смутившись.

— И такъ, вы уѣзжаете, Торрибіо?—съ грустью сказала она, — скажите, почему вы уѣзжаете?

— Я самъ не знаю, — съ замѣшательствомъ отвѣтилъ онъ, — лѣсъ этотъ сталъ мнѣ гадокъ, я его ненавижу! я хочу, во что-бы то ни стало покинуть, эти лѣса, хотя бы сердце мое разрывалось на части.

— Меня вы такъ ненавидите, Торрибіо, а не самый лѣсъ.

— Ахъ, Леона! Какъ можете вы говорить такія вещи?!— воскликнулъ онъ.

— Я часто слышала, что страшная любовь превращается въ ненависть, а вы меня раньше любили, Торрибіо!—Я это знаю, я чувствую это точно также, какъ чувствую теперь, что вы уже не любите меня!

— Вы ошибаетесь, Леона! Я все еще люблю васъ!

— Да, какъ сестру, вы уже говорили мнѣ это! — съ горечью продолжала она — Боже! неужели къ этому должна была привести насъ эта безумная любовь, какую вы прежде питали ко мнѣ, и о которой вы говорили, что она вѣчна и безсмертна!

— Леона, не говорите такъ!

— Или, быть можетъ, вы бѣжите отъ другой любви?— продолжала она, преслѣдуя ходъ своихъ мыслей и, повидимому, не слыхавъ его словъ,—вы бѣжите отъ другой женщины, которую любите, но которая пренебрегаетъ вами? Да, Ассунта очень хороша и очень кокетлива,—съ горечью продолжала она, — ей мало водить за собой на цѣпочкѣ двухъ своихъ двоюродныхъ братьевъ, которые всегда висятъ на ея юбкѣ, ей надо еще отбивать и чужихъ cortejos!

— Леона!—воскликнулъ молодой человѣкъ дрожавшимъ голосомъ,—какой злой демонъ учитъ васъ говорить такъ о дѣвушкѣ стыдливой, скромной и добродѣтельной, съ душой свѣтлой, какъ кристалъ?!

— Аа!—съ ѣдкой ироніей подхватила Леона, — вы защищаете ее противъ меня!—Прекрасно! Этого только и не доставало! — Я-то, конечно, не стыдлива и не скромна — и душа моя не свѣтла, какъ кристалъ! А кто тому виной? кто заставилъ меня забыть и эту женскую стыдливость, которая такъ краситъ дѣвушку?—Скажите, донъ Таррибіо, кто это сдѣлалъ? Какая несчастная роковая страсть заставила меня все позабыть и увлекла меня въ ту бездну, гдѣ я гибну? О, какими чарами эта дѣвушка съумѣла похитить у меня твою любовь?—Что она хороша,—да хороша,—но, вѣдь и я не хуже!—или ея любовь прельщаетъ васъ, — но вѣдь она не только отвергаетъ, но даже презираетъ васъ! Знаете-ли вы это!

— Леона!—воскликнулъ молодой человѣкъ, гнѣвно топнувъ ногою.

— О, сердитетесь сколько вамъ будетъ угодно, оскорбляйте меня!—что мнѣ до этого, теперь я все могу сказать вамъ, и вы должны выслушать меня! Меня-то вы не проведете той глупой басней, которую вы сочинили для моего отца, я знаю все, что произошло между вами и Ассунтой въ эту ночь: меня вы не обманете!

— Что?! — воскликнулъ онъ, — вы шпіонили, слѣдили за мной?

— А почему-бы нѣтъ?—гордо сказала она,—я стояла за свое чувство; вы бросили, покинули меня, Торрибіо, и я имѣла право слѣдить за вами и стараться узнать, почему вы дали мнѣ соперницу, кто она, та женщина, которая отняла у меня ваше сердце?

— Нѣтъ, это ужасно, Леона! Такое поведеніе гадко, очень гадко!

— Не гадко, а справедливо! Я хочу отомстить за себя,— и это мое право! Я хотѣла-бы знать, что я сдѣлала такого, что вы вдругъ перестали приходить къ обычному мѣсту нашихъ свиданій и я слѣдила за вами, вы за всѣ эти четыре мѣсяца не сдѣлали ни шагу, не сказали ни слова безъ того, чтобы меня тотчасъ-же не увѣдомили о томъ!

— О, это возмутительно! Это ужасно! И вы называете это любовью?

— Не любовью, а страстью, бредомъ, безуміемъ, всѣмъ, что хотите, а главное отчаяніемъ! — воскликнула она какъ-бы не помня себя.—Соблазнивъ меня, смутивъ на всегда мой покой, вамъ вздумалось ни съ того, ни съ сего, безъ всякой разумной причины, бросить меня безъ всякихъ дальнѣйшихъ разсужденій,—и это тогда, когда я все въ мірѣ забыла для васъ и всѣмъ пожертвовала! — Вы же послѣ этого ряда низкихъ и мерзкихъ поступковъ имѣете еще достаточно духа выражать мнѣ свое презрѣніе и вы хотите, чтобы за всѣ эти муки и оскорбленія я не отомстила вамъ! Нѣтъ, Торрибіо! Это уже слишкомъ!

Изъ какой только глины смѣсилъ васъ Господь! Вы — мужчины, даже не люди, вы хуже звѣрей; для того, чтобы удовлетворить свой капризъ свою омерзительную прихоть или даже просто тщеславіе, вамъ почему-то необходимо изобрать самыхъ честныхъ, самыхъ чистыхъ и невинныхъ дѣвушекъ! А когда онѣ, по своему невѣдѣнію, повѣрятъ вамъ и вашимъ лживымъ увѣреніямъ и отдадутъ вамъ все, чѣмъ онѣ богаты, счастливыя тѣмъ, что этимъ онѣ могутъ выказать вамъ свою любовь, вы, съ возмутительнымъ цинизмомъ, отталкиваете ихъ, бросая имъ въ лицо самыя ужасныя и унизительныя оскорбленія, и хвастаетесь, какъ трофеемъ, ихъ горемъ и безчестьемъ, чтобы предать ихъ на поруганіе и безчестіе толпѣ! Это грѣхъ, страшный, тяжкій грѣхъ. Торрибіо! Грѣхъ, который требуетъ искупленія и вопіетъ о мщеніи Вы, вѣдь, навсегда искалѣчили и разбили жизнь той дѣвушки, которую заклеймили несмываемымъ позоромъ.

— Леона,—холодно возразилъ молодой человѣкъ, — всѣ ваши обвиненія несправедливы,—и вы если знаете, почему...

— О, — перебила она его, — бѣдный невинный юноша, чистая душа! Отчего-бы не сказать вамъ прямо что я преслѣдовала васъ своей любовью и умоляла васъ любить меня и, наконецъ, путемъ различныхъ увѣреній и клятвъ соблазнила васъ?!

— Нѣтъ, Леона! Это становится невыносимо, я не хочу болѣе слушать!

— Вы ошибаетесь, Торрибіо! Вы выслушаете меня до конца: такъ надо, говорю вамъ,—и такъ оно будетъ!

— Леона!

— Нѣтъ, я этого хочу! я, наконецъ, требую, чтобы вы выслушали меня до конца! Не то вамъ придется смять меня подъ копытами вашего коня!

Молодой человѣкъ молча пожалъ плечми.

— Я знаю все, все, что вы дѣлали съ тѣхъ поръ, какъ бросили меня! Я знаю ваши интриги съ Мерседесъ, съ Карменъ и Педритой. Но эти мимолетныя увлеченія не безпокоили меня: я знала, что сердце ваше не причастно этимъ

увлеченіямъ и что эти женщины для меня не опасныя соперницы, но вотъ, ужъ почти мѣсяцъ, какъ вы повсюду преслѣдуете другую женщину,—и эта женщина явилась уже серьезной соперницей для меня, потому что помимо ея кокетства, она дѣйствительно чиста, стыдлива и скромна, какъ я была когда-то, прежде чѣмъ вы... Но къ чему вспоминать то время,—прервала она сама себя, — все равно, то время прошло безслѣдно и его не вернуть! И вотъ, обезумѣвъ отъ годя, стыда и позора, не помня себя, — побуждаемая одной слѣпою страстью, я пошла къ Ассунтѣ и все разсказала ей, все, все до мелочей!!...

— Ты это сдѣлала? — почти съ бѣшенствомъ воскликнулъ онъ.

— Да! — сказала она, выпрямившись во весь ростъ и смѣло глядя ему въ лицо, — и если бы было нужно, я сдѣлала-бы это и еще разъ! — Эта Ассунта добрая, хорошая дѣвушка, да къ тому-же сердце ея никогда не будетъ принадлежать вамъ; она уже отдала его другому!

— Что мнѣ за дѣло до этого! — воскликнулъ молодой человѣкъ,—я не люблю этой женщины, повторяю вамъ, не люблю ее, я ее едва знаю и только разъ говорилъ съ ней!

— Да, вчера ночью!—насмѣшливо подхватила Леона.

— Вы это знаете!

— Я знаю все, все рѣшительно!—воскликнула она пронзительнымъ, рѣзкимъ голосомъ, — знаю, что вчера утромъ вы составили символическій букетъ и, сѣвъ на коня, ловко бросили его въ комнату Ассунты черезъ открытое окно, но Ассунта была не одна въ комнатѣ, съ нею была еще другая дѣвушка. И эта дѣвушка была я!

— Вы? о, демонъ!

Да, я; и такъ какъ Ассунта по неопытности своей не знала значенія и смысла букета и приняла его за простую любезность, то я и объяснила ей смыслъ и значеніе его, которые мнѣ были хорошо извѣстны. Мало того, я притаилась тамъ, въ кустахъ, всего въ двухъ, трехъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ вы сошлися съ ней, а вы и не подоз-

рѣвали этого! Я слышала весь вашъ разговоръ съ Ассунтой и только, когда дядя ея и кузены появились на сценѣ, и у васъ завязалась борьба, я убѣжала, боясь быть накрытой.

— Ахъ!—сказалъ онъ со вздохомъ облегченія.

Леона поняла значеніе этого вздоха и насмѣшливо улыбнулась.

— Да, но это еще не все! Я бѣжала оттуда и притаилась въ другомъ мѣстѣ, откуда слѣдила за дальнѣйшимъ ходомъ дѣла и все видѣла и слышала вплоть до того момента, когда донъ Лопъ и донъ Рафаель по приказанію отца своего бросили васъ съ моста Ліанъ въ рѣку. Только тогда, услыхавъ паденіе вашего тѣла въ воду, я лишилась чувствъ отъ ужаса, наполнившаго мою душу въ этотъ моментъ: я полагала, что васъ уже нѣтъ въ живыхъ!

— И это, конечно, исполнило васъ радостью, не такъ-ли Леона? Но, какъ видите, я живъ и здоровъ; значитъ, ваша радость была преждевременной.

— Вы жестоки и несправедливы, Торрибіо! Вѣдь я же вамъ сказала, что къ великому горю моему и несчастію я не переставала любить васъ!

— Странная эта ваша любовь, — сказалъ онъ недовѣрчиво,—я предпочелъ-бы ненависть. Я постараюсь быть такъже откровененъ, какъ вы, — продолжалъ онъ ледянымъ голосомъ—Все, что вы сказали, сущая правда; да, я люблю Ассунту, и такъ какъ знаю, что она никогда не полюбитъ меня, то предпочитаю лучше покинуть эти лѣса на всегда, чѣмъ страдать здѣсь отъ безнадежной любви, которая мнѣ дороже самой жизни!

— Да, но я-то васъ люблю!—воскликнула она съ такой душевной мукой,—что станется, со мной, если вы покинете меня? Пока вы жили здѣсь, я все еще имѣла надежду вернуть васъ, вернуть вашу любовь...

— Вы ошибались, Леона!—сухо перебилъ онъ ее,—я не люблю васъ больше, и, быть можетъ, мнѣ слѣдовало-бы даже ненавидѣть васъ. Въ сердцѣ моемъ нѣтъ мѣста для двухъ чувствъ — и между нами давно все кончено! Я не стану

упрекать васъ за ваше ужасное поведеніе, но то, что вы мнѣ сейчасъ сказали, убило во мнѣ даже послѣднее чувство сожалѣнія, какое я уносилъ съ собой въ душѣ.

— О! — горестно воскликнула она, — вы меня убиваете этими страшными словами.

— Я не хочу вашей смерти! — Мало того, я убѣжденъ, что не только вы не умрете, но даже очень скоро, быть можетъ, черезъ нѣсколько дней послѣ моего отъѣзда, утѣшитесь съ другимъ.

— О, это низко! Подло, Торрибіо! Вы знаете, какъ горячо я васъ люблю!

— Я знаю только, что вы такая-же, какъ и всѣ женщины! — сказалъ онъ тономъ издѣвательства,—знаю, что новая любовь заставитъ васъ вскорѣ позабыть о старой.

— Но это невозможно! нѣтъ! вы не можете, не имѣете права бросить меня такъ!

— Что за глупости! Вотъ уже болѣе трехъ мѣсяцевъ, какъ всякаго рода отношенія между нами порваны. Развѣ мы теперь уже неравнодушны одинъ къ другому?

— Нѣтъ! я говорю вамъ, что вы не бросите меня, что это невозможно!

— Что было, то прошло! нельзя воскресить снова ту любовь, которую мы сами убили!

— Можетъ быть!—глухо сказала она, — но, наряду съ любовью, есть еще и долгъ!

— Долгъ! Что это значитъ?—засмѣялся онъ, — развѣ я обѣщалъ вамъ когда-нибудь жениться на васъ?

— Нѣтъ, этого вы никогда не обѣщали мнѣ! Мы любили другъ друга и вѣрили, что любовь наша должна быть безконечной,

— Такъ что-же?

— А то, что вы не сдѣлали-бы во имя любви, то ваша честь должна заставить сдѣлать васъ,—сказала она рѣзко и отчетливо.

— Я не понимаю васъ! — сказалъ онъ, невольно содрогнувшись.

— Аа... вы не понимаете!—съ горькой ироніей воскликнула она.

— Увѣряю васъ честью!—холодно подтвердилъ онъ.

— Ну, какъ-же мнѣ сказать вамъ это яснѣе?! Неужели вы не можете понять, что если вы уѣдете, то я погибла!

— Погибли?...—повторилъ онъ.

— Да, потому что мой отецъ убьетъ меня и будетъ правъ!

— Вы бредите, отецъ вашъ ничего не знаетъ о нашей любви!

— Да,—съ горечью сказала она,—онъ ничего не знаетъ о ней и, быть можетъ, еще нѣсколько дней не будетъ знать, но затѣмъ все станетъ ясно для всѣхъ.

— Что это значитъ?!—воскликнулъ онъ блѣднѣя.

— Аа! — почти крикнула она, доведенная до отчаянія и обезумѣвъ отъ горя,—аа, ты ничего не понимаешь сегодня негодяй, подлецъ!

— Леона!

— Такъ знай-же, подлый ты человѣкъ, что нашъ грѣхъ имѣлъ послѣдствія, которыхъ я не могу уже болѣе скрывать! Знай, что я скоро должна стать матерью!

— О!—воскликнулъ онъ, закрывъ лицо руками.

— А, наконецъ-то, ты понялъ, почему не вправѣ бросить меня теперь!

Донъ Торрибіо быстро поднялъ голову, нервная дрожь пробѣгала по всему его тѣлу, онъ былъ блѣденъ, точно мертвецъ, но черты его приняли выраженіе адской злобы и ненависти при совершенной неподвижности мрамора.

— Ты не въ своемъ умѣ! какое мнѣ въ сущности дѣло до того, беременны вы, или нѣтъ? Развѣ я знаю, что съ вами сталось въ эти четыре мѣсяца, какъ я васъ бросилъ. Если то, что вы говорите, правда, то обратитесь съ этой радостной вѣстью къ кому нибудь другому, меня-же это не касается!

При этомъ кровномъ оскорбленіи Леона вся задрожала

и нѣчто похожее на крикъ хищнаго звѣря вырвалась изъ ея груди.

— О,—простопала она, — нѣтъ, лучше умереть, умереть сейчасъ-же, чѣмъ терпѣть подобныя оскорбленія! О, негодяй!— и она упала на колѣни, такъ какъ ноги отказывались держать ее.—Отецъ! Отецъ, отчего тебя нѣтъ здѣсь, чтобы отомстить за твою дочь?

— Я здѣсь, — отвѣтилъ рѣзкій, грозный голосъ,—и въ тотъ-же моментъ раздался выстрѣлъ и изъ — за деревьевъ выскочилъ человѣкъ съ дымящимся еще ружьемъ въ рукѣ.

Это былъ донъ Хуанъ Педрозо.

Леона лишилась чувствъ и безъ всякихъ признаковъ жизни лежала на землѣ.

Донъ Торрибіо также какъ упалъ, такъ и остался на мѣстѣ безъ движенія. Ранчеро, казалось, находился въ неописанномъ волненіи; онъ прошелъ мимо дочери, даже не взглянувъ на нее, и подходилъ къ молодому человѣку.

— Что онъ, мертвъ?—бормоталъ онъ,— я цѣлилъ прямо въ сердце—ну, а теперь надо прикончить.

Разсуждая такимъ образомъ, онъ осторожно обходомъ подходилъ къ неподвижно лежащему донъ Торрибіо, волоча за собой по землѣ ружье, которое держалъ въ лѣвой рукѣ и затѣмъ, подойдя къ своему врагу, онъ наклонился надъ нимъ. Но въ тотъ-же моментъ донъ Торрибіо вскочилъ на ноги и, схвативъ старика за горло, вырвалъ у него изъ рукъ ружье, которое откинулъ далеко въ сторону. Не смотря на самое энергичное сопротивленіе со стороны дона Хуана, ловкій и сильный противникъ повалилъ его на землю и привычной рукой крѣпко связалъ его той reuta, т. е. веревкой, которую ранчеро имѣлъ у себя на поясѣ, вѣроятно, съ намѣреніемъ примѣнить ее для той-же цѣли по отношенію къ нему. По странной случайности пуля дона Хуана ударила въ желѣзную скобку ручки одного изъ длинныхъ пистолетовъ дона Торрибіо, засунутыхъ за поясъ, и сплющившись упала на землю, не причинивъ ни малѣйшаго вреда, но контузія, полученная молодымъ человѣкомъ, была тѣмъ не менѣе

такъ сильна, что опрокинула его навзначь и на нѣкоторое время онъ лишился сознанія. Къ счастію, онъ очнулся и пришелъ въ себя какъ разъ въ тотъ моментъ, когда старикъ подошелъ къ нему. Тогда сдѣлавъ невѣроятное усиліе и собравъ всѣ свои силы, онъ неожиданно накинулся на своего врага и послѣ нѣскольких минутъ упорной борьбы, наконецъ, справился съ нимъ.

— Аа!—сказалъ онъ, злобно смѣясь,—эта была ловушка, заранѣе подготовленная отцомъ и дочерью,—прекрасно!

— Подлый обольститель! — яростно воскликнулъ донъ Хуанъ Педрозо,— что-же ты думаешъ, что я былъ слѣпъ все это время? Что я не замѣчалъ позора и безчестья этой твари? Я заставилъ ея мать сознаться мнѣ во всемъ! Я знаю твое преступленіе и намѣревался сперва наказать тебя, мерзавецъ, а затѣмъ и ее!

— Такъ, значитъ, ваше утреннее приглашеніе было ничто иное, какъ западня?;

— Да, западня, которую я тебѣ подставилъ tunaute-maldifo! Но мнѣ нужно было несомнѣнное доказательство, явная улика твоей преступности, чтобы отомстить тебѣ! А, вѣдь, не дурно я пьяницу изобразилъ? Ты и на самомъ дѣлѣ вѣдь повѣрилъ! Ха! Ха!

— А, проклятый старикъ! Мнѣ слѣдовало убить тебя на мѣстѣ!—воскликнулъ молодой человѣкъ въ порывѣ гнѣва.

— Ну, такъ убей-же меня сейчасъ! иначе помни, что какъ-бы ты далеко не ушелъ, гдѣ-бы ты ни скрывался я всюду розыщу тебя и ты простишься съ жизнью, клянуся тебѣ Богомъ!

— Пусть такъ я вамъ не помѣшаю, но я всетаки не трону волоса съ головы вашей, вѣдь, вы мнѣ почти тесть; не такъ-ли?—иронически произнесъ молодой человѣкъ.

— Я имъ не долго буду! За это ручаюсь! — съ бѣшенствомъ крикнулъ старикъ, бросая разъяренный взглядъ въ сторону своей дочери, которая начинала приходить въ себя. Какъ только ты уберешься, я убью ее!

Донъ Торрибіо пожалъ плечами.

— Тѣ, кому грозятъ смертью, живутъ долгій вѣкъ, къ тому-же вы теперь не въ состояніи выполнить своей угрозы и стоитъ мнѣ только захотѣть...

— Такъ убивай меня, а то вы оба умрете отъ моей руки!

— Что вы на это скажете, Леона? — спросилъ молодой человѣкъ, обращаясь къ дѣвушкѣ.

— Это мой отецъ, — прошептала она покорно, — онъ вправѣ казнить меня, да и сама я предпочитаю умереть, чѣмъ жить опозоренной!

— Ага! ну, а теперь, что ты на это скажешь, прекрасный обольститель? — съ злобнымъ смѣхомъ спросилъ въ свою очередь старикъ — кровь смываетъ позоръ, — и она умретъ прощенной.

— Но пусть это будетъ скорѣе! — взмолилась молодая дѣвушка, простирая впередъ руки, — отецъ, благодарю за это послѣднее слово!

Наступило довольно продолжительноо молчаніе. Очевидно, въ душѣ молодого человѣка происходила жестокая борьба; въ немъ боролись его дурные инстинкты и добрыя начала, и долго ни тѣ, ни другіе не могли побѣдить.

Наконецъ, донъ Торрибіо гордо выпрямился и лицо его просвѣтлѣло, подвижныя, выразительныя черты приняли мягкое выраженіе, сочувствія и доброты.

— Вы не умрете, Леона, — сказалъ онъ мягкимъ успокаивающимъ голосомъ, — я этого не хочу и не допущу. Я васъ люблю и беру себѣ въ жены!

Взглядъ молодой дѣвушки остановился на немъ съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ, близкимъ къ безумію.

— Боже мой!—воскликнула она, сжимая обѣими руками грудь,—такое счастье, послѣ такихъ мученій! нѣтъ, это что-то даже не вѣрится!

— Онъ вретъ, дура! — крикнулъ ранчеро съ бѣшенствомъ, вѣдь онъ опять смѣется надъ тобой! — и старикъ сдѣлалъ отчаянное, но тщательное усиліе порвать свои путы.

— Нѣтъ, я не лгу, — сказалъ молодой человѣкъ, — не пройдетъ и двухъ, сутокъ, какъ мы будемъ обвѣнчаны!

— Торрибіо,—чуть слышно прошептала Леона,—неужели это въ самомъ дѣлѣ правда?

— Клянусь!—воскликнулъ онъ.

— Отецъ, простите насъ! Онъ на мнѣ женится, онъ любитъ меня. Чего же болѣе отъ него требовать?!—сказала Леона, опускаясь на колѣни подлѣ отца, — простите дѣтей вашихъ и благословите ихъ! теперь грѣхъ ихъ заглаженъ!

— Будь проклята, подлая дѣвка! И ты, и твой безсовѣстный соблазнитель! Никогда, никогда въ жизни я не прощу васъ! Богъ, который все видитъ и все слышитъ, Онъ отомститъ за меня!—въ бѣшепствѣ воскликнулъ старикъ.

— И такъ, вы не хотите простить вашу дочь, ваше единственное дитя?! Вы остаетесь глухи къ ея мольбамъ, къ ея слезамъ, и раскаянію и не хотите принять моего предложенія, когда я добровольно хочу загладить свою вину?

— Убери отъ меня эту потерянную дѣвку, негодяй! — Я васъ не знаю и не хочу болѣе знать ни того, ни другого!

— Пусть такъ! Мы уѣдемъ, но Господь, имя Котораго вы призываете противъ насъ, будетъ глухъ къ вашимъ проклятіямъ, и вопреки имъ будетъ хранить насъ!

— Поди! Ликуй себѣ, мерзавецъ, смѣйся надъ моей въ этотъ моментъ безсильной злобой, но придетъ день, — и я съ лихвою отомщу вамъ за все!

— Пусть Богъ разсудитъ насъ!—сказалъ сдержанно донъ Торрибіо.—Прощайте!

— Нѣтъ, до свиданія, и будьте прокляты!—крикнулъ старикъ, не помня себя отъ бѣшенства.

— Пойдемъ, Леона, — сказалъ молодой человѣкъ, обхвативъ рукой талью молодой женщины и быстро увлекая ее по направленію къ ранчо.

— Собери поскорѣе всѣ твои вещи, — сказалъ онъ, — и ожидай меня вотъ здѣсь. Намъ необходимо быть осторожными, чтобы онъ не могъ преслѣдовать насъ, по крайней

мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока мы не будемъ внѣ опасности отъ всякой погони.

Леона утвердительно кивнула головой и вошла въ домъ, а онъ направился въ конюшню, гдѣ стояли кони ранчеро.

Между тѣмъ донна Мартина проснулась. Зная о замыслахъ своего мужа, она страшно тревожилась и не могла спать, тѣмъ болѣе, что слышала выстрѣлъ.

Дочь объяснила ей въ нѣсколькихъ словахъ всю суть дѣла.

— Я знаю, онъ никогда не проститъ! — со вздохомъ сказала донна Мартина,—это демонъ, а не человѣкъ. Надо бѣжать, какъ можно скорѣе. Если онъ настигнетъ васъ, то убьетъ и того, и другого,—за это можно поручиться. Ничто на свѣтѣ не помѣшаетъ ему сдержать свою страшную клятву; ты сама это знаешь!

— Я знаю! — сказала дочь, и обѣ женщины долго плакали въ объятіяхъ другъ друга.

Но вотъ явился и донъ Торрибіо съ двумя осѣдланными лошадьми.

— Я васъ предупреждала, сынъ мой! — сказала донна Мартина.

— Благодарю, отъ всей души благодарю васъ, дорогая мать! —сердечно отвѣтилъ молодой человѣкъ.

Поспѣшно собранная кое-какая одежда и запасъ съѣстнаго,—все это было надежно прикручено къ сѣдламъ на крупѣ коней и затѣмъ молодой человѣкъ со своей невѣстой вскачили на коней.

— Ложитесь и спите, донна Мартина! Вы ничего не видали и не слыхали. Въ обычный часъ вы встанете и пойдете часъ спустя освободить отъ путъ этого негоднаго старика! Прощайте, храни васъ Богъ!

— Все будетъ исполнено, какъ вы хотите, донъ Торрибіо,— всхлипывая, отвѣчала бѣдная мать,—помните, что теперь у моей несчастной дочери не остается никого, кромѣ васъ, чтобы заботиться о ней и беречь ее.

— Я сдѣлаю ее счастливой, клянусь вамъ въ томъ!— отозвался молодой человѣкъ.

— Матушка, я вѣрю ему, — сказала улыбаясь сквозь слезы Леона.

— Съ Богомъ, дѣти мои! Храни васъ Господь и мое родительское благословеіе!

— Аминь!—отозвались въ одинъ голосъ молодые люди и пустили своихъ коней вскачь, а старуха мать кинулась на колѣни тутъ-же на землѣ и, возведя глаза къ изображенію Гваделупской Богоматери долго молилась, слезно рыдая до самаго восхода солнца.

А донъ Хуанъ Педрозо лишился чувствъ отъ прилива безсильной злобы и бѣшенства и теперь лежалъ неподвижно на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ его оставилъ донъ Торрибіо.

IV. Въ которой авторъ разсказываетъ исторію семьи Кастилло.

Донъ Сальваторъ Кастилло, ранчеро Пало - Мулатосъ или вѣрнѣе окрестностей Пало - Мулатосъ, такъ какъ отъ этой деревни до его ранчо было не менѣе одного лье по прямому пути, былъ человѣкъ далеко не жестокій, несмотря на то, что мы видѣли его именно такимъ въ первой главѣ нашего разсказа. Когда, быть можетъ, слишкомъ бурная кровь его не клокотала, и ничто не нарушало его обычнаго добродушнаго настроенія, донъ Сальваторъ былъ человѣкъ добрый и въ общемъ довольно спокойнаго характера. Но, какъ всѣ люди, привыкшіе къ свободной и независимой жизни въ лѣсахъ, не сносившіе ни малѣйшаго гнета или стѣсненія, онъ не признавалъ ничьей воли, кромѣ свой и не допускалъ ничьего контроля надъ своими дѣйствіями, а потому не терпѣлъ противорѣчій ни въ чемъ, и никогда не поступался своею властью въ семьѣ, управлялъ своимъ домомъ, какъ деспотъ, и не заботясь о томъ, что тѣмъ самымъ онъ попираетъ свободную волю и чувства тѣхъ, кто

находятся въ зависимости отъ него, а именно, его двое сыновей и племянница.

Но его дѣти, выросшіе въ полнѣйшемъ подчиненіи его волѣ и привыкшіе съ самаго ранняго дѣтства всегда безпрекословно повиноваться его приказаніямъ, довольно терпѣливо переносили этотъ тяжелый гнетъ отцовскаго самовластія, несмотря на то, что вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ сами они достигли совершеннолѣтняго возраста и, повидимому, казались вполнѣ самостоятельными и независимыми. Кромѣ того, это безпрекословное повиновеніе облегчала имъ ихъ прелестная кузина своими косвенными совѣтами, которые она тайкомъ давала имъ, остерегаясь при этомъ когда-либо явно порицать дѣйствія ихъ отца.

Донъ Сальваторъ имѣлъ брата, къ которому питалъ, пока тотъ былъ живъ, самую нѣжную привязанность и дружбу.

Братъ этотъ былъ женатъ по любви на бѣдной дѣвушкѣ, которая годъ спустя послѣ ихъ брака умерла отъ родовъ.

Звали этого брата донъ Эстебанъ; супруга его умирая подарила его дочерью, тою самою донною Ассунтой, которую уже знаетъ читатель.

Смерть жены повергла дона Эстебана въ такое отчаяніе, что онъ сталъ искать смерти. Но будучи добрымъ католикомъ, онъ не рѣшался наложить на себя руки, а избралъ такъ сказать косвенный путь къ этой цѣли.

Взявъ на руки свою осиротѣвшую малютку, онъ отнесъ ее къ своему брату, жена котораго еще была жива въ то время, и сказалъ:

— Мой ранчо опустѣлъ; ангелъ хранитель мой, дарованный мнѣ Богомъ, отлетѣлъ отъ меня, — и я остался одинъ, а потому не съумѣю выростить этого ребенка, за которымъ необходимъ теперь женскій уходъ. Воспитай ее вмѣстѣ съ твоими дѣтьми, я отдаю ее тебѣ и въ случаѣ если-бы со мной приключилось несчастіе, будь ей отцомъ!

— Хорошо, — просто согласился донъ Сальваторъ, Ас-

сунта будетъ мнѣ дочерью; не безпокойся о ея судьбѣ, братъ!

— Благодарю! — вымолвилъ лаконически донъ Эстебанъ.

Братья молча обняли другъ друга и съ этого момента у старшаго изъ нихъ вмѣсто двоихъ дѣтей стало трое.

Донъ Эстебанъ принялъ на себя обязанности тигреро, т.-е. профессіональнаго охотника на тигровъ,—занятіе весьма доходное, но при томъ столь опасное, что весьма немногіе соглашаются посвятить себя ему.

Донъ Сальваторъ не сказалъ ни слова брату, узнавъ о новой избранной имъ профессіи, а только грустно улыбнулся, понявъ, что братъ ищетъ смерти.

Кромѣ того, донъ Эстебанъ обладалъ такимъ-же непреклоннымъ характеромъ, какъ и его братъ, а потому всякаго рода возраженія были-бы безполезны.

Надо замѣтить, что донъ Эстебанъ, какъ будто охраняемый какою-то невидимой силой, съ удивительнымъ счастіемъ справлялся съ своимъ опаснымъ ремесломъ и выходилъ цѣлъ и невредимъ изъ опаснѣйшихъ схватокъ съ ягуарами. Каждую недѣлю онъ убивалъ ихъ два — три, а нерѣдко — даже четыре.

По воскресеньямъ, послѣ обѣдни, онъ аккуратно приходилъ въ ранчо брата, страстно ласкалъ и цѣловалъ свою маленькую дѣвочку, изливая въ этихъ ласкахъ и поцѣлуяхъ всю силу своей любви къ этому ребенку, затѣмъ вручалъ брату почти полностью весь свой недѣльный заработокъ, потому что самъ онъ жилъ такъ скудно, что могъ-бы пристыдить любаго отшельника.

— Для Ассунты! — кротко говорилъ онъ, вручая брату деньги.

— Это ей на приданое или тебѣ, если понадобятся деньги! — отвѣчалъ ему братъ.

На это донъ Эстэбанъ печально улыбался, пожималъ плечами и перемѣнялъ тему разговора.

Подъ вечеръ, расцѣловавъ еще и еще разъ свою дочь,

онъ задумчиво удалялся и, понуря голову, тихо брелъ лѣсомъ къ себѣ домой, въ свой опустѣлый ранчо.

Въ то время шкура ягуара въ продажѣ стоила отъ 20 до 25 піастровъ, что составляетъ отъ 100 до 125 франковъ (40—50 рублей), да и теперь еще за шкуру ягуара платятъ отъ 15 до 16 піастровъ, — хотя теперь ихъ стало уже не такъ много и они не причиняютъ столь громаднаго вреда въ плантаціяхъ, какъ раньше.

Изъ этого мы видимъ, что донъ Эстебанъ имѣлъ прекрасные доходы и если счастіе, съ какимъ онъ до сихъ поръ охотился на тигровъ, не измѣнитъ ему въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, то его дочь, смѣло можно сказать, будетъ со временемъ богатою невѣстой.

Такъ продолжалось нѣсколько лѣтъ съ ряду; дѣвочка подростала; ей было уже шесть лѣтъ; это былъ прелестнѣйшій ребенокъ, какого только можно себѣ вообразить.

— Ахъ, какъ она похожа на свою мать! — говаривалъ тигреро, пожирая ее поцѣлуями и заливаясь при этомъ горькими слезами.

Уже не разъ донъ Сальваторъ говорилъ брату во время его краткихъ воскресныхъ посѣщеній:

— Ну, теперь ты богатъ, братъ, и тебѣ слѣдовало-бы отказаться отъ твоего опаснаго ремесла и поселиться вмѣстѣ съ нами здѣсь, въ моемъ ранчо! Мы всѣ были-бы счастливы тогда!

— Нѣтъ,—отвѣчалъ на это каждый разъ донъ Эстебанъ, пожимая плечами, — счастье не про меня писано! Не мѣшай мнѣ жить такъ, какъ мнѣ хочется: я хочу, чтобы дочь моя была счастлива, а для этого необходимо, чтобы она была богата.

Въ одинъ прекрасный день, когда донъ Эстебанъ пришелъ послѣ недѣльнаго отсутствія къ брату, тотъ встрѣтилъ его съ глазами, полными слезъ, и сказалъ:

— Я потерялъ жену, братъ, останься со мной, вѣдь, мы любимъ другъ друга; теперь у насъ обоихъ одинаковое горе и мы, быть можетъ, съумѣемъ утѣшить другъ друга. Ассунта тоже подростаетъ; ей скоро минетъ восемь лѣтъ и

теперь ей твои заботы болѣе нужны, чѣмъ когда-либо. Къ тому-же, ты теперь богатъ и не имѣешь болѣе надобности продолжать свое ремесло, — подумай только, какъ будетъ счастлива Ассунта, если ты будешь жить съ нами!

Эти слова тронули дона Эстебана.

— Быть можетъ, ты и правъ, братъ, — сказалъ онъ, — я подумаю о томъ, что ты предлагаешь мнѣ.

— Къ чему-же думать, развѣ ты не воленъ въ своихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ?

— Къ несчастію, не совсѣмъ, — сказалъ тотъ, подавляя вздохъ,—я далъ слово дону Грегоріо дель Ріо, — ты вѣрно знаешь этого богатаго гаціендеро,—вотъ уже почти два мѣсяца семья ягуаровъ опустошаетъ его стада. Онъ уже уплатилъ мнѣ впередъ 200 піастровъ, чтобы я избавилъ его отъ этихъ хищниковъ.

— Но знаешь-ли ты, какъ велико уже теперь твое состояніе? — спросилъ брата донъ Сальваторъ.

— Ты хочешь сказать, состояніе моей дочери? — поправилъ его тигреро.

— Ну, пусть такъ. Какъ-же ты думаешь, сколько у нея можетъ-быть теперь денегъ?

— А, право, не знаю,—равнодушно отозвался донъ Эстебанъ,—тысячъ 20, быть можетъ,—30.

— Нѣтъ, много больше! — У нея сейчасъ уже свыше пятидесяти пяти тысячъ піастровъ!

— Неужели такъ много?

— Хм!.. Это не трудно сосчитать; ты мнѣ...

— Нѣтъ, ужъ избавь меня отъ счетовъ, братъ; я тебѣ вѣрю и такъ!

— Прекрасно! — Изъ этого ты видишь, что твоя дочь богата, даже слишкомъ богата для нашихъ мѣстъ, потому что даже я, состояніе котораго далеко не достигаетъ этой цифры, принужденъ, совершенно противъ своей воли, накоплять капиталъ, такъ какъ не имѣю возможности расходовать всего, что имѣю.

— Баа! никогда нельзя быть слишкомъ богатымъ, братъ! Но скажи, къ чему ты говоришь мнѣ это?

— Къ тому, чтобы дать тебѣ понять, что 200 піастровъ больше или меньше ничего не составляютъ для тебя, и что, быть можетъ, было бы лучше возвратить дону Грегорію эти деньги и теперь-же отказаться на всегда отъ этого ремесла.

Донъ Эстебанъ отрицательно покачалъ головой.

— Да, я желалъ-бы, этого! Право, я-бы желалъ такъ сдѣлать!

— Такъ въ чемъ-же дѣло? Стоитъ-ли рисковать жизнью изъ за такой пустячной суммы, въ которой ты вовсе не имѣешь нужды?

— Да, это правда, но, къ сожалѣнію, здѣсь дѣло не въ деньгахъ!

— Такъ въ чемъ-же?

— Это дѣло чести! Посуди самъ, я не хочу нарушить этой сдѣлки, потому что далъ слово дону Грегоріо и потому, что онъ разсчитываетъ на меня.

Донъ Сальваторъ опустилъ голову.

— Ну, такъ исполни это свое обѣщаніе, а затѣмъ брось это дѣло!

— Клянусь, что послѣ того я буду весь твой!

— Отлично, благодарю тебя, Эстебанъ!

— На, вотъ, возьми отъ меня эти 200 піастровъ, не знаю, почему, но они точно жгутъ меня!

Затѣмъ братья поговорили еще немного, и расцѣловавъ свою дочь нѣжнѣе обыкновеннаго, тигреро удалился. Донъ Сальваторъ долго задумчиво слѣдилъ за нимъ: какое-то грустное чувство сжимало ему грудь.

Отойдя нѣсколько шаговъ отъ ранчо, донъ Эстебанъ обернулся и сдѣлалъ правой рукой прощальный знакъ; братъ отвѣтилъ ему тѣмъ-же и потомъ тотчасъ-же вернулся въ домъ, стараясь побороть какое то тяжелое предчувствіе.

Предчувствіе это не обмануло его: братьямъ не суждено было увидаться еще разъ въ этой жизни. На слѣдующее

утро, вскорѣ послѣ обѣдни, охотники принесли на носилкахъ изъ переплетенныхъ между собой вѣтвей тѣло несчастнаго тигреро, покрытое ужаснѣйшими ранами.

Эти люди нашли дона Эстебана чуть дышущимъ среди прогалинки въ глухомъ лѣсу, а подлѣ него—двухъ убитыхъ имъ ягуаровъ, самца и самку и троихъ дѣтенышей, уже довольно рослыхъ и сильныхъ. Уложивъ выстрѣломъ изъ ружья самца, онъ, очевидно, только съ ножемъ въ рукѣ сражался съ освирѣпѣвшей самкой и ея тремя дѣтенышами, И вотъ, завязалась борьба не на жизнь, а на смерть, борьба одного человѣка противъ четырехъ хищныхъ звѣрей.

Донъ Эстебанъ остался побѣдителемъ и уложилъ ихъ всѣхъ на мѣстѣ, но и самъ поплатился жизнью, чтобы выполнить взятое на себя обязательство.

Когда привлеченные грознымъ ревомъ хищниковъ, охотники подоспѣли ему на помощь, было уже слишкомъ поздно, но донъ Эстебанъ еще дышалъ и у него хватило силъ попросить своихъ товарищей отнести его тѣло къ брату, передать ему и Ассунтѣ его послѣднѣе „прости“ и вручить дону Сальватору ладонку, которую онъ всегда носилъ на шеѣ на тонкой золотой цѣпочкѣ; особенно настоятельно завѣщалъ онъ не забыть этой ладонки, которую слѣдовало надѣть на шейку Ассунты, какъ только ей исполнится двадцать лѣтъ.

Затѣмъ, простившись съ охотниками, окружавшими его, и благодаривъ ихъ за участіе и всегдашнее доброе отношеніе къ нему, донъ Эстебанъ вдругъ смолкъ; блѣдное страдальческое лицо его вдругъ просвѣтлѣло и озарилось выраженіемъ неземнаго блаженства; странная улыбка едва замѣтно скользнула по его губамъ, — и, поднявъ глаза къ небу, онъ вскрикнулъ громкимъ, сильнымъ голосомъ:

— О, наконецъ-то мы свидимся съ тобой! — съ этими словами онъ испустилъ послѣдній вздохъ.

— Несчастный!—прошепталъ донъ Сальваторъ при видѣ трупа брата, — зная, что дочь его не нуждается болѣе въ

его трудахъ, онъ рѣшилъ умереть; онъ искалъ смерти и, наконецъ, нашелъ ее!

Донъ Сальваторъ одинъ остался при тѣлѣ своего брата и, согласно желанію покойнаго, разстегнулъ воротъ рубашки и снялъ съ шеи усопшаго ту ладонку, о которой тотъ говорилъ передъ своею смертью.

Долгое время онъ цѣловалъ эту ладонку, обливаясь слезами, а затѣмъ, когда волненіе его немного улеглось, раскрылъ эту черную ладонку, развязывавшуюся на манеръ кошелька или кисета и, къ немалому удивленію своему, увидѣлъ, что въ ней заключался піастръ 1790 г. На этой монетѣ было глубоко выцарапаны ножемъ или кинжаломъ два слова, связанныя между собой тире: „Эстебанъ - Долоресъ" и подъ этимъ еще одно слово luego (вскорѣ); на оборотной сторонѣ можно было прочесть: „Ассунта родилась 5-го Января 1797 г.", а ниже слова pobrecila (бѣдняжечка). Піастръ этотъ былъ пробитъ вверху, чтобы въ него можно было продѣть цѣпочку.

— Это его брачный документъ!—прошепталъ донъ Сальваторъ, и слезы навернулись ему на глаза, — бѣдный Эстебанъ, какъ онъ любилъ ее! — Онъ надѣлъ себѣ на шею эту ладонку и невольно содрогнулся, когда черный бархатный мѣшокъ коснулся его груди.

— Будь спокоенъ, дорогой мой—сказалъ онъ, обращаясь мысленно къ покойному брату,—это драгоцѣнная монета не разстанется со мной до самой моей смерти или согласно твоему желанію, когда Ассунтѣ минетъ двадцать лѣтъ.

На слѣдующій день родные и друзья семьи собрались въ ранчо съ восходомъ солнца и всѣ направились въ Пало-Мулатосъ.

Четверо охотниковъ, родственники покойнаго, несли на рукахъ его тѣло, а во главѣ провожающихъ шелъ донъ Сальваторъ, ведя за руку Ассунту и имѣя по правую и по лѣвую руку своихъ двухъ сыновей.

Стеченіе народа было громадное; всѣ оплакивали дона

Эстебана, который пользовался общею любовью за свою доброту, смѣлость и прямодушный характеръ.

На другой день послѣ похоронъ, около одиннадцати часовъ вечера, донъ Сальваторъ разбудилъ старшаго изъ своихъ сыновей, приказалъ ему одѣться и повелъ его съ собой въ сторону отъ ранчо. Въ это время сыновья ранчеро были уже почти взрослые молодые люди: старшему изъ нихъ, дону Рафаелю, минуло уже 17 лѣтъ, а брату его Лопу было пятнадцать.

Будучи очень строго воспитаны отцомъ и съ молоду привыкнувъ къ полной всякихъ случайностей простой и суровой жизни охотниковъ, они вполнѣ созрѣли; имъ не хватало только опыта, который пріобрѣтается съ годами; сильные, смѣлые, рѣшительные, привычные ко всякаго рода труду и усталости, они были готовы исполнить самое серьезное дѣло.

Отецъ, зная все это, рѣшился довѣрить старшему изъ своихъ сыновей весьма важную тайну и сдѣлать его своимъ повѣреннымъ.

Ранчеро самъ осѣдлалъ двухъ коней для себя и для сына, и оба пустились вскачь, направляясь въ самую глубь лѣса.

— Запомни хорошенько направленіе, по которому мы ѣдемъ, — сказалъ отецъ, — и удержи его въ своей памяти, чтобы ты могъ, не задумываясь, даже и черезъ двадцать лѣтъ найти эту дорогу!

— Слушаю, отецъ!—лаконически отвѣтилъ молодой человѣкъ.

Затѣмъ оба всадника молча помчались по горамъ, лугамъ и лѣсамъ, направляясь къ горному хребту. Миновавъ нѣсколько рѣкъ и ручьевъ и переправившись черезъ нѣсколько горъ и пригорковъ, становившихся постепенно все круче и круче, ранчеро, внимательно изучавшій взглядомъ теперь мѣстность насколько это было возможно при окружающей темнотѣ, вдругъ сдержалъ своего коня и произнесъ „стой“!

Донъ Рафаель молча повиновался; отецъ и сынъ, соскочили на землю и стреножили своихъ коней.

— Ну, какъ-ты думаешь, съумѣешь ты найти дорогу отсюда въ ранчо и не заблудившись вернуться домой одинъ?

— Думаю, что съумѣю! — увѣренно отвѣтилъ молодой человѣкъ.

— Прекрасно, мы это сейчасъ увидимъ, а теперь слѣдуй за мной!

Затѣмъ оба они удалились въ глубь лѣса, предоставивъ конямъ пастись на лужку. Они находились въ это время на вершинѣ высокаго холма, поросшаго густымъ, сплошнымъ лѣсомъ, чрезъ который не было никакой возможности пробраться иначе, какъ по узкой тропѣ, проложенной хищными звѣрями и едва примѣтной для глаза.

И вотъ, среди этой почти непроницаемой чащи вдругъ отрылась небольшая quemada (выжженное мѣсто), по срединѣ которой изъ группы скалъ, пѣнясь, выливался обильный студеный ключъ, зигзагомъ пересѣкавшій квемаду и затѣмъ спускавшійся каскадами по скату холма въ длину.

Донъ Сальваторъ присѣлъ на обломокъ скалы и знакомъ приказалъ сыну сѣсть подлѣ себя. Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ ни тотъ, ни другой не проронили ни слова; ранчеро, повидимому, размышлялъ о чемъ-то. Наконецъ, онъ поднялъ голову и, обращаясь къ сыну, сказалъ:

— Я знаю, что у тебя характеръ прямой, честный и серіозный; что, не смотря на твой юный возрастъ, я могу считать тебя способнымъ въ извѣстныхъ случаяхъ жизни выказать себя настоящимъ мужчиной и отнестись серьезно къ требованіямъ долга и чести. Поэтому-то я и привелъ тебя сюда, чтобы довѣрить тебѣ важную тайну, отъ которой зависитъ, до извѣстной степени, счастіе и благополучіе Ассунты.

— Отецъ, — не задумываясь, отвѣтилъ молодой человѣкъ, — правда, что я еще и молодъ, и неопытенъ, но надѣюсь, что, несмотря на это, успѣлъ уже достаточно усвоить всѣ ваши наставленія, чтобы оправдать ваше довѣріе. Къ тому-же, я такъ люблю нашу сестру Ассунту, бѣдную

сиротку, у которой теперь нѣтъ другой опоры и защиты кромѣ васъ, брата моего и меня!

— Ты отвѣчалъ разумно! Такъ слушай-же меня и старайся запомнить каждое мое слово!

— Постараюсь, отецъ!

— Родившись и выросши въ этихъ лѣсахъ, ты знаешь ихъ не хуже меня. А потому тебѣ извѣстно, что населеніе нашихъ лѣсовъ состоитъ отчасти изъ честныхъ, добродушныхъ людей, нашихъ лѣсныхъ охотниковъ, отчасти также и изъ бандитовъ безъ совѣсти и чести, помышляющихъ только объ убійствѣ и грабежѣ.

— Да, знаю!

— До настоящаго времени намъ всегда удавалось удерживать этихъ бандитовъ отъ вторженія въ наши владѣнія. Но кто можетъ знать, что случится въ будущемъ? Съ одной стороны, число этихъ maladitos (проклятыхъ) возрастаетъ съ каждымъ днемъ и начинаетъ становиться угрожающимъ, съ другой—какое-то броженіе умовъ замѣчается въ послѣднее время во всѣхъ провинціяхъ Новой Испаніи. Говорятъ о рабствѣ, о тираніи, о свободѣ, и Богъ знаетъ еще о чемъ. Но это все равно! Важно то, что это движеніе распространяется повсюду, и, быть можетъ, близокъ часъ всеобщаго, поголовнаго возстанія страны, противъ испанскаго правительства. Вы съ братомъ, бывая часто то въ Тепикѣ, то въ Санъ-Блазѣ, вѣроятно, ужъ слышали объ этомъ!

— Дѣйствительно, все населеніе туземцевъ и креоловъ выказываетъ крайнее неудовольствіе относительно существующихъ теперь порядковъ. Иностранныхъ судовъ, французскихъ и англійскихъ, въ настоящее время у нашихъ береговъ несравненно болѣе, чѣмъ раньше, а это, насколько я могу судить, не предвѣщаетъ ничего добраго.

— Да, это справедливо, сынъ мой, но скажи мнѣ еще, прислушивался-ли ты къ тому, что говорилось вчера во время похоронъ твоего дяди.

— Признаюсь, очень мало: я былъ ужасно огорченъ смертью дяди; къ тому же бѣдная маленькая Ассунта была

въ такомъ отчаяніи, что я заботился только о ней. Впрочемъ, припоминаю, что раза три я слышалъ за собою слова, которыя мнѣ показались странными и неумѣстными въ такой грустный и тяжелый моментъ; я обернулся и увидѣлъ, что говорившіе были люди, которыхъ я совсѣмъ не зналъ.

— Что они говорили? Ты, вѣрно, можешь это повторить!

— Да, конечно! Они говорили, что мой покойный дядя зарабатывалъ много денегъ и почти ничего изъ нихъ не расходывалъ, что, слѣдовательно, у него должны быть скоплены деньжонки, и что если только поискать хорошенько, то, навѣрное, найдется гдѣ нибудь порядочная сумма денегъ. Изъ этого они, конечно, приходили къ заключенію, что со временемъ Ассунта будетъ завидною невѣстой.

— Не говорили-ли они еще чего-нибудь?

— Да, какъ мнѣ помнится, они сообщали другъ другу, что это состояніе находится въ вашихъ рукахъ и что оно въ итогѣ достигаетъ 40,000 піастровъ; что сами вы богаты и у васъ лежатъ капиталы, не уступающіе капиталамъ вашего покойнаго брата: что вы накопляете сотню за сотней и что ужасно глупо оставлять такіе капиталы въ рукахъ человѣка, который не пользуется ими, не пускаетъ ихъ въ оборотъ; что было-бы лучше, если-бы они перешли къ человѣку, который съумѣлъ-бы съ честью тратить ихъ. Когда я обернулся, чтобы увидѣть того, кто осмѣливался говорить такимъ образомъ, онъ успѣлъ уже скрыться въ толпѣ. Вотъ все, что я слышалъ тогда, и самъ не знаю, почему эти слова встревожили меня; я хотѣлъ пересказать ихъ вамъ, но видя, что вы такъ огорчены и разстроены, отложилъ это до болѣе удобнаго времени.

— Ты разсудилъ прекрасно, но я долженъ тебѣ сказать, что все, что ты слышалъ, слышалъ и я. Эти люди, кто-бы они ни были, прекрасно знаютъ наши денежныя дѣла. Дѣйствительно, племянница моя богата: у нея не 40,000 піастровъ, какъ они полагаютъ, но болѣе 55,000; что-же касается лично меня, то хотя я богатъ, однако далеко не такъ, какъ

она: въ данный моментъ я имѣю свыше 35,000 піастровъ, что для нашей мѣстности, конечно, очень много. Слова, подобныя тѣмъ, какія ты слышалъ вчера, уже давно доходятъ до меня, и потому я рѣшилъ быть постоянно насторожѣ и оградить себя отъ возможности похищенія этихъ денегъ какими нибудь недоброжелательными людьми и отъ всякихъ могущихъ быть неожиданныхъ случайностей. Я принялъ всѣ зависящія отъ меня мѣры предосторожности и теперь привелъ тебя сюда, Рафаель, чтобы открыть тебѣ эту тайну.

— Клянусь вамъ, отецъ мой,—съ достоинствомъ произнесъ молодой человѣкъ,—что ваша тайна не выйдетъ изъ моихъ устъ иначе, какъ съ вашего разрѣшенія! Говорю это передъ лицомъ Господа Бога, Который видитъ и слышитъ меня и въ присутствіи вашемъ, отецъ мой, васъ, котораго я такъ люблю и уважаю!

— Поклянись мнѣ, сынъ мой, что въ случаѣ моей смерти, если-бы тебя не было при мнѣ въ мой послѣдній часъ, и я не имѣлъ возможности передать тебѣ мою послѣднюю волю, ты не откроешь этой тайны ни Ассунтѣ, ни даже твоему брату безъ крайней надобности и не иначе, какъ для того, чтобы обезпечить будущее счастье того или другого. Впрочемъ, когда вы послѣ моей смерти откроете тайникъ, въ которомъ хранятся и наши, и Ассунтины капиталы, то найдете въ томъ-же тайникѣ и мое завѣщаніе, въ которомъ я письменно изложилъ свою послѣднюю волю, подписанную моей рукой. Поклянись мнѣ, сынъ мой, что ты исполнишь въ точности эту волю!

— Клянусь! Тайна ваша схоронена во мнѣ,—и никто не вырветъ ее у меня!

— Хорошо, Богъ и я слышали твою клятву и приняли ее! Теперь иди за мною!

Они вышли и начали пробираться съ большимъ трудомъ въ самую темную чащу лѣса. Минутъ десять спустя ранчеро остановился и указалъ сыну на гигантскую латанію въ полномъ соку и силѣ, но обезглавленную молніей, которая про-

бѣжала вдоль всего ствола, любовно обвитаго дикой виноградной лозой.

— Видишь ты этого лѣсного великана, этого мощнаго гиганта, пострадавшаго отъ грозы?!—проговорилъ ранчеро,— замѣть его хорошенько! Посмотри на эти четыре стройныя пальмы, которыя обступили ее, какъ почетная стража и этотъ ликидамбръ, сучья котораго оплела та же дикая лоза, что обвиваетъ и латанію? Такъ вотъ, у подножія этого ликидамбра зарыто наше состояніе, мое и Ассунты, съ той стороны, которая обращена на югъ, т. е. тамъ, гдѣ кора на деревѣ суха и безъ малѣйшихъ признаковъ мха. Запомни это хорошенько и не забудь!

— Будьте спокойны, отецъ мой!

— Эта часть лѣса почти никому неизвѣстна, а менѣе всего мѣстнымъ бродягамъ, которые никогда не заглядываютъ сюда, потому что здѣсь не пролегаетъ никакой дороги; даже для охотниковъ эти мѣста совсѣмъ не подходящи и не заманчивы. Изъ этого ты видишь, что мѣсто выбрано мной какъ нельзя лучше. Теперь смотри!

И съ этими словами ранчеро разослалъ свой зарапе на землѣ и, отнявъ одинъ за другимъ нѣсколько камней различной величины, но въ общемъ довольно большихъ и увѣсистыхъ, громоздившихся у подножія ликидамбара, сталъ рыть своимъ мачете землю, которую принималъ въ свой плащъ, ссыпая ее съ большого жестянаго блюда, привезеннаго имъ въ альфорхасъ (т. е. переметныхъ сумахъ). Вырывъ яму около двухъ футъ глубины, онъ вытащилъ оттуда камень весьма тяжелый и большой, затѣмъ другой такой же и наконецъ, третій, а подъ нимъ оказалась шкура бизона, сложенная въ нѣсколько разъ въ видѣ двойнаго конверта или бумажника. Ранчеро досталъ ее, а изъ подъ нее вторую такую же шкуру, которую онъ только приподнялъ.

— Смотри!—сказалъ онъ сыну.

Молодой человѣкъ наклонился надъ самой ямой и заглянулъ въ нее. То была небольшая квадратная яма, выложенная со всѣхъ сторонъ сухимъ камнемъ, чтобы не давать

осыпаться землѣ; на днѣ ея стояли два небольшихъ боченочка въ родѣ тѣхъ, какіе обыкновенно употребляются китоловами для храненія китоваго жира; каждый изъ боченковъ снабженъ былъ крышкой, которую безъ труда можно было снять рукой; на одной изъ нихъ ясно выдѣлялась написанная кистью буква S, на другой буква А.

Ранчеро снялъ крышку, помѣченную буквой А, досталъ изъ-за своей фаха (мягкій широкій поясъ) увѣсистый кошелекъ, наполненный золотомъ и высыпалъ все содержимое его въ боченокъ со словами:

— Это дополнитъ сумму въ 55,000 піастровъ!—и затѣмъ снова накрылъ боченокъ крышкой.

Послѣ того онъ снова прикрылъ оба боченка бизоновыми шкурами, а поверхъ нихъ наложилъ три большіе камня. Когда пришла пора засыпать все это землей, оба мужчины проворно справились съ этимъ дѣломъ, утоптали и умяли землю и навалили кучей каменья на то мѣсто, гдѣ рыли землю. Когда все было сдѣлано и приведено въ надлежащій порядокъ, даже и краснокожій не заподозрѣлъ-бы, что въ этомъ мѣстѣ хозяйничали человѣческія руки.

— Ты не забудешь, Рафаель?—повторилъ ранчеро.

— Не забуду, отецъ!—лаконически отвѣтилъ юноша.

— Ну, въ такомъ случаѣ поѣдемъ скорѣе домой; намъ здѣсь нечего больше дѣлать, а уже поздно!—И они поспѣшно удалились.

У подножія того высокаго холма, гдѣ они оставили лошадей, которыя съ наслажденіемъ пощипывали вьюны и молодыя побѣги деревьевъ, отецъ сказалъ:

— Ну, Рафаель, на коней и поѣзжай ты впередъ! Будь мнѣ проводникомъ!

— Охотно!—отозвался молодой человѣкъ, весело улыбаясь. И они помчались галопомъ, несмотря на то, что имъ предстоялъ далекій и трудный путь. Однако, донъ Рафаель не разу не только не сбился, или не ошибся, но даже ни разу не призадумался о томъ, по какому направленію имъ слѣдуетъ ѣхать. Онъ ѣхалъ впереди отца съ такой увѣрен-

ностью, что эта памятливость сына приводила въ восторгъ стараго ранчеро, который гордился и любовался своимъ сыномъ.

Было около половины восьмого утра, когда они легкимъ охотничьимъ галопомъ подъѣхали къ ранчо, какъ будто возвратились съ утренней прогулки, бодрые, веселые и довольные.

Прошло нѣсколько лѣтъ.

Ассунта подростала и хорошѣла не по днямъ, а по часамъ. Всѣ любили ее и баловали въ ранчо,—и прелестный ребенокъ незамѣтно сталъ превращаться въ очаровательную дѣвушку! И вотъ, въ одинъ прекрасный день оба сына ранчеро поняли, не смѣя даже сами себѣ въ томъ сознаться, что ихъ дѣтская привязанность къ Ассунтѣ превратилась въ глубокую и страстную любовь.

Однако дружба братьевъ и ихъ нѣжная привязанность другъ къ другу ни мало не пострадали отъ этого открытія: они такъ искренно и такъ глубоко любили другъ друга, что, даже не высказываясь, пришли къ какому-то нѣмому соглашенію относительно того, что обоимъ имъ слѣдуетъ предоставить Ассунтѣ сдѣлать выборъ между ними, при чемъ каждый изъ нихъ заранѣе рѣшилъ принять безпрекословно свой приговоръ изъ ея устъ.

Что-же касается коварной Ассунты, то она, повидимому, любила одинаково обоихъ братьевъ; она не дѣлала между ними никакого различія и безпристрастно относилась къ обоимъ, надѣляя и того, и другого своими милыми улыбками и ласковыми словами.

Любила-ли она или же не любила ни того, ни другого, нельзя было сказать,—а если и любила, то котораго изъ двоихъ?

Этотъ вопросъ давно ужъ мучилъ обоихъ молодыхъ людей, но если ихъ любовь къ прелестной молодой дѣвушкѣ ясно читалась въ глазахъ двухъ братьевъ, то ни тотъ, ни другой не рѣшались-бы ни однимъ словомъ намекнуть Ассунтѣ на это чувство, таившееся у нихъ на душѣ.

Но съ той поры, какъ любовь сдѣлалась постоянной гостьей въ ранчо, веселье куда-то улетѣло изъ него, и прежней беззаботной рѣзвости и шутокъ не стало.

Только одна Ассунта еще пѣла иногда, но и ея пѣсни утратили прежнюю откровенную веселость, придававшую имъ такую необычайную прелесть.

Здѣсь слѣдуетъ сказать, что донъ Сальваторъ рѣшился ради своей племянницы на большую жертву; а именно, не смотря на глубокую скорбь объ утратѣ своей жены, онъ рѣшился жениться вторично только для того, чтобы его пріемная дочь не росла безъ материнскаго присмотра, тѣмъ болѣе, что онъ сознавалъ себя по справедливости совершенно неспособнымъ дать этой дѣвочкѣ необходимый для нея надзоръ и уходъ, на что могла быть способна только женщина, а никакъ не мужчина.

Оглядѣвшись кругомъ, вдовый ранчеро вспомнилъ вдругъ о своей дальней родственницѣ, по имени Бенита Мендезъ. Это было прелестное, милое и кроткое созданіе, женщина еще молодая и весьма красивая, овдовѣвшая послѣ трехъ лѣтняго брака и не имѣвшая дѣтей. Эта бездѣтная, красивая и милая вдова была настолько вѣрна памяти своего покойнаго мужа, что отказывала многимъ завиднымъ женихамъ, несмотря даже на то, что сама была бѣдна и терпѣла не мало лишеній. Донъ Сальваторъ всегда очень любилъ и уважалъ эту прекрасную молодую женщину и восхищался ея кроткимъ и милымъ нравомъ.

И вотъ, онъ безъ всякихъ дальнихъ околичностей, явился къ ней и вмѣсто любовнаго признанія сказалъ ей, что горюетъ объ утратѣ своей жены не меньше, чѣмъ она горюетъ о своемъ мужѣ, но что вслѣдствіе неожиданной смерти брата ему выпало на долю воспитаніе маленькой дочери покойнаго, а онъ не знаетъ, какъ за это дѣло и взяться, и чувствуетъ себя совершенно неспособнымъ выполнить, какъ слѣдуетъ, этотъ священный долгъ, тѣмъ болѣе, что домъ его остался теперь безъ хозяйки и все идетъ не такъ, какъ бы должно было идти. Въ силу всего этого онъ явился съ

просьбой слить ея горе съ его горемъ и ея сожалѣнія съ его сожалѣніями и помочь ему воспитать сироту. Онъ зналъ, что проситъ у нея жертвы, потому что не надѣялся на любовь ея къ нему, точно также какъ не смѣлъ обѣщать ей свою любовь, но зато обѣщалъ ей глубокую признательность и доставлялъ ей случай сдѣлать по истинѣ доброе дѣло.

Молодая женщина отвѣчала милой улыбкой на это странное признаніе и молча опустила свою руку въ его руку. Мѣсяцъ спустя состоялась свадьба молодой вдовы съ дономъ Сальваторомъ.

На этотъ разъ, однако, пословица оказалась невѣрной: мачиха страстно полюбила свою прелестную падчерицу такъ, что Ассунта дѣйствительно нашла въ ней родную мать и почувствовала себя болѣе счастливой тѣмъ когда либо.

Впрочемъ, донна Бенита имѣла все, чтобы заставить всѣхъ и каждаго полюбить себя.

Сыновья ранчеро, которые сначала смотрѣли съ досадой и неудовольствіемъ на то, что чужая женщина заняла въ домѣ ихъ отца мѣсто ихъ покойной матери, видя, какъ мила, скромна, кротка и ласкова была эта чужая женщина, мало по малу, невольно полюбили ее отъ всей души.

Но наиболѣе необычайнымъ дѣломъ являлось то, что случилось съ самими молодыми супругами. Они такъ хорошо съумѣли слить свое взаимное горе по усопшихъ, что мѣсяцъ спустя послѣ брака уже любили другъ друга, какъ голубки, что не мало удивляло и при томъ радовало ихъ самихъ. Донна Бенита была дѣйствительно хорошая женщина во всѣхъ отношеніяхъ. И какъ женщина, она была и проницательна, и чутка, а потому отъ нея не укрылось то, какъ маленькая дѣвочка ея постепенно превращалась въ взрослую дѣвушку, какъ беззаботное дѣтское веселье смѣнила тихая, молчаливая грусть. Все это не даромъ тревожило ее; она стала доискиваться причины этой перемѣны и вскорѣ нашла ее, но теперь положеніе ея оказалось весьма затруднительнымъ: она незнала, что ей теперь дѣлать и какъ быть.

Могла-ли она раньше срока пробудить это юное сердце если, оно еще не заговорило и не познало само себя? — Нѣтъ! дѣло было весьма серьезное, но у истинныхъ женщинъ всегда такъ много сердечной чуткости, онѣ умѣютъ такъ осторожно выпытать тайну молодой дѣвушки, не затронувъ ни одной изъ безчисленныхъ тонкихъ фибръ молодой души, живущей еще въ полномъ невѣденіи самой себя, что дѣвушки, сами того не подозрѣвая, открываютъ имъ тайники своей души и самыя сокровенныя свои чувства, существованія которыхъ онѣ сами даже не подозрѣвали. Какимъ путемъ удалось и на этотъ разъ доннѣ Бенитѣ узнать то, что ей необходимо было знать, мы не можемъ сказать, но только она убѣдилась, что если любовь уже дѣйствительно таилась въ зародышѣ въ душѣ Ассунты, то она, эта милая дѣвушка, еще сама не сознавала ее и потому выборъ ея еще ни на комъ не остановился. Ассунта переживала порой какую-то смутную непонятную ей тревогу, временами на нее находила тихая безотчетная грусть или такая-же ей самой непонятная, безпричинная радость и веселіе.

Все это отчасти успокоило донну Бениту, но она на этотъ разъ не сказала ни слова мужу ни о своихъ волненіяхъ и тревогахъ, ни о своемъ открытіи; она намѣревалась сама слѣдить за каждымъ шагомъ, каждымъ взглядомъ и вздохомъ своей дочери, такъ какъ за это время Ассунта дѣйствительно стала для нее родной дочерью; она рѣшилась во что-бы то не стало, уберечь ее отъ такой любви, которая могла только составить ея несчастіе, равно какъ несчастье обоихъ молодыхъ людей.

Но „человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ“, и всѣ разсчеты донны Бениты должны были обмануть ее.

Надъ Новою Испаніей разразилось, наконецъ, столь давно предвидѣнная и готовившаяся революція.—Пламя возстанія охватило разомъ всю страну. Въ тотъ моментъ, когда начинается нашъ разсказъ, война за независимось продолжалась уже четыре года.

А теперь, когда мы достаточно хорошо выяснили положеніе и взаимныя отношенія отдѣльныхъ личностей нашего разсказа, будемъ продолжать его тамъ, гдѣ мы принуждены были остановиться, чтобы дать нашимъ читателямъ, правда немного длинное, но необходимое для полной ясности разсказа поясненіе.

V. Какъ самъ о томъ не помышляя, донъ Рафаель признался доннѣ Ассунтѣ въ своей любви, и что изъ этого вышло.

Вотъ какимъ образомъ донъ Сальваторъ Кастилло былъ предупрежденъ о свиданіи, назначенномъ дономъ Торрибіо его племянницѣ.

Въ тотъ самый день, около полудня, ранчеро возвращался изъ конюшни, гдѣ осматривалъ лошадей, только что купленныхъ имъ. Медленно возвращаясь въ домъ, онъ проходилъ мимо окна комнаты Ассунты, задернутаго густой кисейной занавѣской по случаю жары, когда вниманіе ранчеро было привлечено какимъ-то незнакомымъ голосомъ, съ оживленіемъ говорившемъ что то доннѣ Ассунтѣ.

Ранчеро прислушался; незнакомый голосъ объяснялъ Ассунтѣ значеніе букета, брошеннаго часа два тому назадъ черезъ окно въ ея комнату.

Букетомъ назначалась свиданіе на эту самую ночь; часъ, и мѣсто было точно обозначено сочертаніемъ цвѣтовъ и травъ.

Имя человѣка, назначавшаго свиданіе, было произнесено въ разговорѣ нѣсколько разъ съ чувствомъ злобы и негодованія незнакомою личностью, пояснявшею Ассунтѣ значеніе цвѣтовъ.

Донна Ассунта усиленно отказывалась идти на это свиданіе; она совсѣмъ не знала этого человѣка, видѣла его всего два раза и не только не интересовалась имъ, но скорѣе питала къ нему какое-то инстинктивное отвращеніе.

Вотъ потому-то, именно, незнакомка и просила ее такъ

настоятельно согласиться на это свиданіе. Этотъ человѣкъ низко и подло обманулъ ее и теперь сталъ ухаживать за другими дѣвушками, чтобы обмануть и ихъ. Если Ассунта не согласится пойти на это свиданіе, говорила она, то человѣкъ этотъ станетъ преслѣдовать ее своей любовью и ухаживаніями и, конечно, скомпрометируетъ ее, такъ какъ онъ изъ числа тѣхъ людей, которые ни передъ чѣмъ не останавливаются, разъ задумали что-либо. Лучше пойти теперь-же на свиданіе съ нимъ и объясниться откровенно, упрекнуть его безчестными поступками и покончить съ нимъ разъ навсегда. Къ тому-же опасаться ей нечего, потому что она будетъ при ней, будетъ невидимо присутствовать при ихъ свиданіи и въ случаѣ надобности явится къ ней на выручку, чтобы смутить и уличить измѣнника.

Въ концѣ концовъ, незнакомка съумѣла такъ ловко уговорить Ассунту, что та, наконецъ, согласилась исполнить ея просьбу.

— Прекрасно,—прошепталъ про себя ранчеро—и я тоже буду присутствовать при этомъ свиданіи.

И обнадеженный относительно чистоты и невинности своей пріемной дочери, донъ Сальваторъ спокойно вернулся въ ранчо, какъ будто совершенно забывъ о слышанномъ.

Но послѣ ужина, отправляясь на конюшню для вечерней дачи корма лошадямъ, онъ приказалъ своимъ сыновьямъ, въ присутствіи жены и племянницы, быть наготовѣ сопровождать его въ Санъ-Блазъ, куда ихъ призывало контрабандное дѣло чрезвычайной важности; вслѣдствіе чего они пробудутъ, вѣроятно, всю ночь въ отсутствіи.

Это случалось не рѣдко, а потому жена и племянница дона Сальватора отнюдь не были удивлены приказаніемъ ранчеро. Женщины спокойно отошли ко сну, а мужчины вышли изъ дома, чтобы направиться въ конюшню.

Спустя полъ-часа всѣ огни были потушены въ ранчо и, казалось, весь домъ и всѣ его обитатели погрузились въ сонъ.

— Оставьте лошадей на конюшнѣ: онѣ намъ не нужны;

*

мы отправимся съ вами не въ Санъ-Блазъ, а только къ берегу нашей рѣки.

Молодые люди съ удивленіемъ посмотрѣли на отца, не понимая, что онъ хотѣлъ сказать. Ранчеро улыбнулся ихъ недоумѣнію.

-- Выслушайте меня! — произнесъ онъ и разсказалъ въ краткихъ словахъ суть дѣла.

— Но Ассунта невинна! — съ горячностью воскликнулъ донъ Рафаель.

— Да, и чиста, какъ ангелъ!—подхватилъ донъ Лопъ.

— Vive Dios, дѣти мои! — добродушно разсмѣялся ранчеро,—я и самъ знаю это не хуже васъ,—и мы отнюдь не въ угрозу ей будемъ присутствовать при этомъ тайномъ свиданіи, а на страхъ этому волокитѣ, который смѣетъ бродить вокругъ нашей бѣлой голубки!

— Ахъ, негодяй! — съ негодованіемъ воскликнулъ донъ Рафаель.

— Мерзавецъ!—пробормоталъ сквозь зубы донъ Лопъ.

— Ну, ну, угомонитесь, мои львята!—все такъ же добродушно посмѣиваясь, сказалъ ранчеро, — этотъ подлипало получитъ подобающій урокъ. Это какая-то безшабашная, горячая голова, ему полезна будетъ холодная ванна въ нашей рѣкѣ. Думаю, что она сразу отрезвитъ и успокоитъ его!

— Но вѣдь она кишитъ аллигаторами! — замѣтилъ донъ Рафаель, добрая душа котораго невольно возмущалась этимъ ужъ слишкомъ жестокимъ приговоромъ.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, несчастный будетъ съѣденъ живьемъ!—добавилъ донъ Лопъ, въ которомъ также шевельнулось чувство состраданія.

— Тѣмъ хуже для него: это его дѣло, а не мое! Сидѣлъ-бы смирно у себя дома вмѣсто того, чтобъ приходить бродить вокругъ моего ранчо! — сказалъ донъ Сальваторъ, — пусть онъ себѣ справляется, какъ знаетъ, я умываю въ этомъ руки!

Молодые люди обмѣнялись украдкой многознательнымъ взглядомъ и молча наклонили голову передъ образомъ, въ

знакъ повинованія. Съ дономъ Сальваторъ нельзя было много разговаривать, и сыновья его знали по опыту, что онъ никогда не измѣнялъ разъ принятого имъ рѣшенія. Вотъ почему они не попытались даже возражать ему, предоставляя самимъ себѣ смягчить до нѣкоторой степени жестокость и безчеловѣчность этого приговора.

Въ сущности донъ Сальваторъ былъ не злой и не жестокій человѣкъ, но это была дикая, необузданная натура, невольно поддававшаяся вліянію окружающей среды, странной и дикой, всѣ права и законы которой сводились къ праву сильнаго, къ насилію мести, а понятіе о прощеніи или примиреніи являлись здѣсь не болѣе, какъ пустымъ звукомъ безъ смысла и значенія. Кромѣ того, онъ положительно боготворилъ свою племянницу, и всякій, кто дерзалъ коснуться ее, затрагивалъ самое чувствительное мѣсто старика: по его мнѣнію, за такую продерзость не могло быть инаго наказанія, кромѣ смерти, и онъ былъ искренно убѣжденъ, что дѣлаетъ божеское дѣло, отдавая такого человѣка живымъ на съѣденіе крокодиламъ.

— Повѣрьте, что если-бы всѣ поступали такъ, то это заставило бы призадуматься всѣхъ этихъ волокитъ, которые теперь такъ привыкли играть честью и добрымъ именемъ женщины!—проговорилъ онъ.

— Да, это правда, — сказалъ улыбаясь донъ Рафаель,— но средство это мнѣ все-же кажется мнѣ немного сильнымъ пожалуй, даже провосходящимъ самую цѣль!

— Пустяки!—грубо перебилъ его ранчеро,—именно полумѣры все портятъ, только примѣрная казнь и кара могутъ радикально помочь дѣлу. Тутъ мы гарантированы, что ужъ этотъ то навѣрное не повторитъ своей попытки.

— Да, это вѣроятно!—засмѣялся донъ Лопъ.

— Пойдемте, — сказалъ донъ Сальваторъ, — намъ пора уже засѣсть въ свою засаду и поджидать эту сладкогласную птичку!

— Идемъ! — отозвались молодые люди и пошли вслѣдъ за отцомъ.

Что было дальше, уже извѣстно нашимъ читателямъ, а также и то, какимъ чудеснымъ образомъ, благодаря участію двухъ братьевъ, дону Торрибіо посчасливилось избѣгнуть ужасной смерти, на которую онъ былъ обрѣченъ безжалостнымъ ранчеро.

Въ сущности донъ Сальваторъ лишь на половину дался въ обманъ относительно неудачи своего жестокаго намѣренія, но тѣмъ не менѣе не сказалъ о томъ ни слова. Быть можетъ, онъ въ душѣ былъ не совсѣмъ недоволенъ этимъ неожиданнымъ оборотомъ дѣла.

Какъ мы уже сказали раньше, отъ рѣки всѣ трое вернулись домой молча, и только, когда донъ Сальваторъ вошолъ въ общую jala (зала), онъ улыбнулся, найдя ее пустою, но и теперь онъ тоже ничего не сказалъ, а предоставивъ сыновьямъ дѣлать, что знаютъ, удалился въ свою комнату.

Тогда обмѣнявшись съ братомъ нѣсколькими словами, сказанными шопотомъ, донъ Лопъ покинулъ ранчо, а донъ Рафаель растянулся въ гамакѣ подъ навѣсомъ и, свернувъ сигаретку, сталъ курить, тихонько раскачиваясь изъ стороны въ сторону.

Сигаретка давно докурена, донъ Рафаель лежалъ полузакрывъ глаза и давъ волю своимъ мечтамъ, какъ вдругъ почувствовалъ на своемъ плечѣ прикосновеніе маленькой нѣжной ручки. При этомъ прикосновеніи, столь легкомъ, какъ движеніе крылышка маленькаго колибри, молодой человѣкъ разомъ вскочилъ на ноги и, точно вкопанный, стоялъ теперь лицомъ къ лицу съ своей кузиной.

Дѣйствительно, то была Ассунта; она застѣнчиво и мило улыбнулась, чувствуя себя какъ будто немного сконфуженной тѣмъ, что она сейчасъ сдѣлала.

— Простите меня, Рафаель, что я такъ неосторожно разбудила васъ!—сказала она своимъ мягкимъ, мелодичнымъ голосомъ.

— Я не спалъ, сестра!—отвѣтилъ онъ,

— Что-же вы дѣлали? спросила она съ едва замѣтнымъ оттѣнкомъ добродушной насмѣшки.

— Я мечталъ!

— Мечтали?

— Да, сестра, я мечталъ о васъ!

— Обо мнѣ?—кокетливо переспросила она, покраснѣвъ, какъ цвѣтокъ граната,—значитъ, вы думаете иногда обо мнѣ?

— Не иногда, а всегда, и днемъ, и ночью, на яву и во снѣ!

— О, это придаетъ мнѣ смѣлость и заставляетъ меня думать, что вы меня немного любите!

— Больше всего на свѣтѣ, Ассунта!—воскликнулъ онъ съ юношескимъ пыломъ!

Дѣвушка снова улыбнулась и тономъ, не поддающимся никакому описанію, сказала.

— Значитъ, вы любите меня, какъ родную сестру?

— Нѣтъ! нѣтъ! — воскликнулъ онъ,—я васъ люблю въ тысячу разъ болѣе; видѣть васъ доставляетъ мнѣ счастье, а слышать милый, гармоничный голосъ вашъ является для меня истиннымъ блаженствомъ. И сейчасъ сердце такъ сильно бьется въ моей груди, какъ будто хочетъ вырваться на свободу и летѣть къ вамъ, сестра!

— Аа!—сказала она какимъ-то страннымъ голосомъ и отвернула въ сторону головку, быстро схватившись рукой за сердце.

— Сказать вамъ, насколько я люблю васъ, насколько вы мнѣ дороги, я не въ силахъ: я не умѣю и не могу. Знаю только, что за одно то, чтобы глаза ваши покоились на мнѣ съ тѣмъ милымъ выраженіемъ, какое я вижу въ нихъ сейчасъ, я съ радостью готовъ пожертвовать жизнью и когда буду умирать, моимъ прощальнымъ словомъ было-бы все тоже слово: Ассунта, я васъ люблю!

Дѣвушка вдругъ закрыла лицо обѣими руками, какъ будто ее что-то ослѣпило, и покачнулась, такъ что была принуждена прислониться къ одной изъ колоннъ портилло.

Донъ Рафаель бросился къ ней, поддержать ее, но она

поспѣшно оттолкнула его, но сдѣлала это такъ мягко, что въ ея движенiи не было ничего обиднаго, затѣмъ, поднявъ головку, сказала своимъ нѣжнымъ, ласковымъ голосомъ, въ которомъ на этотъ разъ звучала какая-то осебонно трогательная нотка:

— Я не стану притворяться передъ вами и прикидываеться, будто я васъ не поняла; а буду откровенна: я знала, что не сегодня,—завтра вы все равно должны были сдѣлать мнѣ это признанiе. Знаю и чувствую, что вы любите меня, и сама люблю васъ. Сердце мое и все существо мое всецѣло ваше; я полюбила васъ всей своей душой съ самаго того дня, когда вы были еще почти мальчикомъ, а я совсѣмъ ребенкомъ, и вы взяли меня изъ рукъ бѣднаго моего отца и, прижавъ меня къ своей груди, въ первый разъ поцѣловали меня какъ-то особенно, не подѣтски!

— О, милая, многолюбимая Ассунта!—воскликнулъ молодой человѣкъ покрывая ея лицо и руки горячими, страстными поцѣлуями,—если-бы вы знали, какъ я васъ люблю!

— Да, Рафаель, любите меня, любите меня сильнѣе!— прошептала она съ тихою грустью, — любите меня такъ, какъ я люблю васъ. Я сказала-бы болѣе, если-бы только это было возможно. Мнѣ необходимо, увѣриться въ вашей любви, чтобы въ ней одной искать и найти опору, когда тѣ скорби, которыя я предвижу, обрушатся на насъ.

— Зачѣмъ говорите вы о горяхъ и скорбяхъ?!—съ жаромъ воскликнулъ онъ, — зачѣмъ упоминать о нихъ, когда вы однимъ своимъ словомъ сдѣлали меня счастливѣйшимъ изъ людей!

— Да, Рафаель, мы счастливы, потому что мы открыли свои сердца другъ другу и теперь чувствуемъ себя на верху блаженства. Но тутъ-же подлѣ насъ есть человѣкъ, котораго мы оба любимъ и котораго наша любовь повергнетъ въ самое безъисходное отчаянiе, когда ему станетъ о томъ извѣстно.

— Да, мой братъ! — съ прискорбiемъ воскликнулъ донъ Рафаель.

— Да, вашъ братъ, который любитъ меня также, какъ вы, но не осмѣливается высказать это мнѣ! Если онъ узнаетъ о взаимности нашихъ чувствъ, то это можетъ быть для него почти смертельнымъ ударомъ!..

— Да; но какъ-же онъ можетъ узнать объ этомъ; кто ему скажетъ?

— Все, каждое наше слово, движеніе, взглядъ!

— Это правда! бѣдный Лопъ! — со вздохомъ вымолвилъ донъ Рафаель и лицо его, за минуту сіявшее радостью и счастіемъ, вдругъ опечалилось.

— Рафаель,—продолжала молодая дѣвушка,—я жду отъ васъ тяжелой, крупной жертвы... Я...

— Понимаю, дорогая!—порывисто воскликнулъ молодой человѣкъ,—надо, чтобы братъ ничего не зналъ и не подозрѣвалъ, и для этого намъ необходимо снова натянуть на себя маску равнодушія,—слѣдить за каждымъ нашимъ взглядомъ словомъ и движеніемъ.

— Да, другъ мой! Именно это я и хотѣла сказать!

— Я не хочу, чтобы мой братъ страдалъ и мучился, чтобы мое счастье стало его несчастьемъ, потому, что такое счастье перестало-бы быть тѣмъ, что оно есть, еслибы я при этомъ видѣлъ и сознавалъ, что бѣдный братъ мой страдаетъ и чувствуетъ себя несчастнымъ.

— Прекрасно, милый Рафаель! Этотъ порывъ братской любви мнѣ очень по душѣ! Я узнала въ немъ ваше доброе сердце; и вижу, что вы, братья, свято и глубоко любите другъ друга; эта дружба ваша никогда не должна омрачаться. Лопъ, какъ и вы, имѣетъ нѣжное любящее сердце и также великодушенъ и прямъ, какъ вы. Предоставьте-же мнѣ дать ему почувствовать, что я не могу любить его иной любовью, какъ любовь сестры и дать ему понять, что я не выбирала между вами, а просто инстинктивно послѣдовала влеченію моего сердца и что ему нѣтъ основанія сердиться ни на меня, ни на васъ!

— Да, вы правы, дорогая Ассунта! Все, что вы сейчасъ сказали мнѣ, совершенно вѣрно! Но, увы, страсть не раз-

суждаетъ, — и урезонить, уговорить ее нельзя. А потому, Ассунта, будемъ таить наше взаимное счастье, которое отъ этого станетъ только дороже намъ и признаемся въ немъ только тогда, когда мы съумѣемъ вполнѣ убѣдиться въ томъ, что оно не особенно огорчаетъ Лопа.

Какъ разъ въ этотъ моментъ послышался шумъ быстро приближающихся шаговъ.

— Тише! Это онъ!—сказала Ассунта.

Дѣйствительно къ нимъ подходилъ донъ Лопъ. Онъ былъ немного блѣденъ и утиралъ со лба крупный потъ, но притомъ имѣлъ довольно веселый видъ.

— А вотъ и я! — сказалъ онъ, — доброе утро, милая сестрица!—ласково обратился онъ къ Ассунтѣ.

— Здравствуйте, братъ!—отозвалась она.

Такъ она называла обоихъ молодыхъ людей, съ которыми вмѣстѣ росла и воспитывалась, хотя они и были нѣсколькими годами старше ея.

— Я рада, что вижу васъ!—продолжала она,—у меня есть къ вамъ просьба!

— Ко мнѣ?—весело спросилъ донъ Лопъ,—ну, въ такомъ случаѣ она уже заранѣе исполнена!

— Къ обоимъ вамъ. Тѣмъ не менѣе я очень благодарю васъ, Лопъ!

— А въ чемъ-же дѣло?—освѣдомился Рафаель.

— Ага! мой старшій братецъ боится рискнуть обѣщаніемъ!—засмѣялась она.

— Я хочу знать, что обѣщаю!—такъ-же шутливо возразилъ онъ.

— Ну, такъ знайте-же: я желаю знать, что сталось съ тѣмъ молодымъ человѣкомъ!

— Успокойтесь, сестрица! Онъ спасенъ благодаря моему брату!

— Да и благодаря тебѣ въ одинаковой мѣрѣ! — живо воскликнулъ Рафаель,— вѣдь, ты же былъ моимъ соучастникомъ въ этомъ дѣлѣ!

— Какъ и всегда во всякомъ добромъ дѣлѣ вы всегда

дополняете другъ друга! — ласково и любовно замѣтила Ассунта.

— И это все, что вамъ угодно было знать, сестреночка?— освѣдомился донъ Рафаель.

— Нѣтъ, не все!—живо воскликнула она,—такъ какъ я заранѣе была увѣрена, что вы не дадите ему погибнуть, но вотъ въ чемъ дѣло: вѣдь, онъ, бѣдняга, потерялъ своего коня и все свое оружіе, а вы не хуже меня знаете, что въ нашихъ лѣсахъ безоружный человѣкъ, потерявшій коня, безповоротно осужденъ на погибель.

— Не безпокойтесь объ этомъ, сестричка: конь этого человѣка, который, кстати будь сказано, очень красивъ, стоитъ теперь у насъ въ конюшнѣ, куда я самъ только что свелъ его. Я нашелъ его привязаннаго къ дереву не подалеку отъ моста Ліанъ. Мало того, я принесъ домой и его зарапе и сомбреро и мачете, такъ что вашъ protégé, дорогая Ассунта, лишился только своего оружія!

— Ну, что касается ружья, то я имѣю наготовѣ прекрасное и совершенно новое ружье, которое охотно могу подарить ему! Мало того, я готовъ даже добавить ему пару пистолетовъ!

— Какъ вы оба добры, и какъ я васъ люблю за это! Но гдѣ онъ теперь, и какъ его разыскать?

— За это я берусь!— весело подхватилъ Рафаель,— онъ, вѣроятно, еще не далеко. Я сейчасъ отправлюсь на поиски; мнѣ слѣдуетъ докончить то, что братъ мой такъ успѣшно началъ. Съ этими словами онъ вошелъ въ домъ.

— Милый Рафаель,—съ чувствомъ сказалъ Лопъ, глядя ему во слѣдъ,—какое у него золотое сердце, какое великодушіе!

— А вы, братъ, развѣ не такой-же, какъ онъ?

— Нѣтъ,—сказалъ онъ, грустно покачавъ головою,—я не такой, какъ Рафаель: онъ гораздо лучше меня! Ему, а не мнѣ приходятъ на умъ всѣ хорошія и великодушныя мысли, а я только слѣдую всегда его примѣру. Онъ, не задумываясь, пожертвовалъ-бы для меня жизнью, если нужно, а мое пер-

вое побужденіе почти всегда бываетъ дурное. Правда, какъ только является размышленіе, оно исправляетъ мое первое побужденіе, но тѣмъ не менѣе фактъ остается фактомъ!

— Вы умышленно клевещете на себя, Лопъ! Все что вы сказали, не правда: вы ничѣмъ не хуже Рафаеля; я это знаю. Не утверждайте противнаго, я васъ лучше знаю, чѣмъ вы сами, дорогой братъ!

— Да, да, вашъ братъ, Ассунта, называйте меня всегда братомъ: это слово въ вашихъ устахъ наполняетъ меня радостью. Да и на самомъ дѣлѣ, развѣ мы съ вами не братъ и сестра по душѣ, если не по крови?! Мы выросли вмѣстѣ, воспитывались вмѣстѣ и вы не можете себѣ представить даже, на сколько я люблю васъ.

— Вы любите меня... какъ родную сестру?!—сказала она несовсѣмъ увѣренно.

— Да, какъ дорогую, любимую сестру!—съ грустной улыбкой подтвердилъ онъ,—люблю васъ до того, что не хотѣлъ-бы никогда разставаться съ вами.

— Никогда не разставаться со мной!—съ видимымъ замѣшательствомъ повторила она.

— Да, сестра, и потому въ своихъ мечтахъ, такъ какъ я иногда мечталъ!...—со вздохомъ сказалъ онъ.

— И въ вашихъ мечтахъ?—перебила она его съ замирающимъ сердцемъ.

— Я говорю себѣ: „почему-бы Ассунта не стала женою моего брата"? Рафаель такой прекрасный, такой благородный человѣкъ, онъ сдѣлалъ-бы ее счастливой, я въ этомъ убѣжденъ, а я...

— А вы?—едва дыша, спросила она.

— Я никогда не разставался-бы съ ними и былъ-бы счастливъ ихъ счастьемъ! Я сталъ-бы нянчить на рукахъ ихъ дѣтей!

— Ахъ!—съ недоумѣніемъ прошептала донна Ассунта.

— Не правда-ли, какъ это было-бы прекрасно? Какое отрадное будущее! Но, увы, вѣдь это только мечты!

— Мечты! — машинально и почти безсознательно прошептала дѣвушка,— это правда!

Произнося послѣднія слова, донъ Лопъ былъ блѣденъ, какъ мертвецъ, и отвернулся, чтобы утереть потъ, выступавшій крупными каплями на его лбу.

Молодая дѣвушка смотрѣла на него съ такимъ-то чувствомъ страха, печали и недоумѣнія.

— А, вотъ и Рафаель!—весело воскликнулъ Лопъ.

Дѣйствительно къ нимъ подходилъ донъ Рафаель съ ружьемъ за спиною, держа въ рукѣ другое, а за поясомъ у него виднѣлись два длинныхъ пистолета.

— Я, кажется, немного задержался, но мнѣ хотѣлось выбрать хорошее оружіе. Ужъ если дѣлать подарокъ, то надо, чтобы онъ дѣйствительно стоилъ чего нибудь! Какъ ты находишь это ружье, Лопъ?

— Прекраснымъ! Это несомнѣнно довольно цѣнное оружіе,—и protégé Ассунты навѣрное останется доволенъ имъ!

— Ну, такъ я ѣду!

— Я провожу тебя до конюшни и помогу осѣдлать твоего коня: вѣдь, тебѣ-же придется вести за собой въ поводу лошадь дона Торрибіо!

— Да, это правда, пойдемъ!

— Извините меня, сестра!

— До скораго свиданія!—сказалъ донъ Рафаель.

— Вы къ завтраку вернетесь?

— Постараюсь!

— Ну, до свиданія! Въ добрый часъ!

Молодые люди направились въ конюшню, а Ассунта долго еще стояла неподвижно подъ сводами портилло, проводя ихъ глазами вплоть до того момента, когда они скрылись въ конюшнѣ. Затѣмъ она провела нѣсколько разъ рукой по лицу, какъ бы желая прогнать докучливую мысль!

— Неужели онъ слышалъ нашъ разговоръ?—прошептала она,—о, если-бы это было такъ, это было-бы очень хорошо!... Это надо узнать!... И она задумчиво вернулась въ ранчо, куда ее звала донна Бенита.

Прошло нѣсколько со дня происшествія у „моста ліанъ“, и никто не вспоминалъ о немъ, казалось, да и въ самомъ дѣлѣ о немъ совершенно забыли.

Донъ Сальваторъ не только не упрекнулъ ни въ чемъ свою племянницу, но мало того, на слѣдующее утро, во время завтрака, когда она подошла къ нему немного робко, чтобы поздороваться съ нимъ, какъ всегда, заключилъ ее въ свои объятія и, цѣлуя нѣсколько разъ кряду, сказалъ ей самымъ ласковымъ тономъ.

— Ты ангелъ, Ассунта! Никогда я не съумѣю достаточно любить тебя, дорогая, за то счастье, какое ты вносишь въ нашъ домъ!

Въ теченіе нѣсколькихъ послѣдовавшихъ за этимъ дней Ассунта напрасно пыталась вступить въ разговоръ болѣе или менѣе интимнаго характера съ Лопомъ. Молодой человѣкъ, не показывая вида, что избѣгаетъ ея и разговора съ нею, каждый разъ устраивался однако такъ, чтобъ никогда не оставаться съ нею съ глаза на глазъ.

Каждое утро молодая дѣвушка, выросшая и воспитанная вмѣстѣ съ Рафаелемъ и Лопомъ, имѣла привычку, здороваясь, цѣловаться съ ними, какъ только она, бывало, выйдетъ изъ своей комнаты, свѣжая и благоухающая, какъ омытый утреннею росою, только что распустившійся цвѣтокъ шиповника.

Однажды утромъ, когда Ассунта хлопотала по хозяйству вмѣстѣ съ донной Бенитой, Лопъ вошелъ въ комнату. Ассунта по обыкновенію весело поспѣшила къ нему, подставляя ему свое свѣженькое личико для поцѣлуя и привѣтливо здороваясь съ нимъ.

Онъ отвѣчалъ ей такимъ-же сердечнымъ привѣтстіемъ, но, вмѣсто обычнаго поцѣлуя, слегка отстранился и тономъ дѣланной шутки сказалъ:

— Нѣтъ, сестричка! Теперь вы стали прекрасной, взрослой дѣвушкой, съ которой такого рода фамильярности становятся ужъ не приличны! Эти братскія ласки были умѣстны, когда вы были ребенкомъ. Теперь они между нами не до-

пустимы, я долженъ уважать въ васъ женщину, въ которую вы теперь превратились изъ ребенка!

— Благодарю васъ, братъ!—И она упорхнула какъ птичка, веселая, счастливая и довольная.

— Прекрасно сказано, сынъ мой,—похвалила его донна Бенита,—приди и поцѣлуй меня. Я теперь уже слишкомъ старая женщина, чтобы это могло имѣть для меня или для тебя какое либо значенiе!

— Васъ, мамаша, я поцѣлую съ радостью!—сказалъ онъ, крѣпко обнимая и цѣлуя донну Бениту.

— Тебѣ слѣдовало-бы посовѣтовать то-же самое и брату твоему, чтобы онъ послѣдовалъ твоему разумному совѣту.

— Нѣтъ, этого я сдѣлать не могу, милая матушка!

— Почему-же?—спросила она удивленно.

— Потому, что онъ старшiй и послѣ отца глава семьи: онъ имѣетъ право цѣловать Ассунту, а я нѣтъ... Къ тому-же какъ знать?... можетъ быть...

Но спохватившись, что сейчасъ скажетъ больше, чѣмъ надо, онъ прервалъ себя на полъ словѣ и, почтительно поклонившись мачихѣ, вышелъ изъ комнаты, оставивъ донну Бениту въ полномъ недоумѣнiи относительно значенiя и смысла его словъ.

— Ахъ!—прошептала она,—что-же все это значитъ? Я ничего въ этомъ не понимаю, а эта съумасшедшая дѣвочка, которая благодаритъ его такъ сердечно за то, что онъ отказался цѣловать ее! Господи Iисусе! что здѣсь такое дѣлается!... но я это узнаю!—добавила она немного погодя.

Однако, это было не такъ легко, какъ она полагала. Ассунта оставалась неприступной и не проронила ни одного слова, упорно храня молчанiе на этотъ счетъ. И на этотъ разъ донна Бенита совершенно задаромъ потратила всѣ свои хитрости и уловки и всѣ свои дипломатическiе прiемы.

Донъ Сальваторъ и его сыновья проводили всѣ ночи внѣ дома. Контрабанда въ это время велась съ особымъ оживленiемъ и успѣхомъ съ иностранными судами, французскими и англiйскими, пристающими въ Санъ-Блазъ. Эти трое муж-

чинъ зарабатывали громадныя деньги; имъ платили особенно щедро еще потому, что они были чрезвычайно ловки и опытны въ своемъ дѣлѣ и имъ всегда удавалось спасти товары, которые они брались доставить тайнымъ образомъ.

Между тѣмъ политическій горизонтъ этой несчастной страны омрачался все болѣе и болѣе, и театръ войны охватывалъ все болѣе и болѣе обширное пространство. На всѣхъ пунктахъ Новой-Испаніи Гваделупы дрались съ невѣроятнымъ озлобленіемъ. Почти повсюду побиваемые и побѣжденные инсургенты по прежнему не падали духомъ и не теряли мужества; какъ только одинъ ихъ отрядъ былъ разбитъ и разсѣянъ, и Испанцы считали его уничтоженнымъ навсегда, онъ вдругъ совершенно неожиданно появлялся въ другомъ мѣстѣ, какъ бы возродившійся снова. Борьба затягивалась до безконечности; время шло, но ни та, ни другая сторона не могли похвастать рѣшительнымъ перевѣсомъ, могущимъ рѣшить въ томъ или иномъ смыслѣ великій вопросъ, ради котораго въ теченіи послѣднихъ четырехъ лѣтъ было пролито столько крови.

Даже уже въ окрестностяхъ Санъ-Блаза и Тепика видали довольно многочисленные отряды инсургентовъ и регулярныхъ испанскихъ войскъ, энергично маневрирующихъ и преслѣдующихъ одни другихъ.

Ходили даже слухи, будто небольшіе отряды испанцевъ проникли въ различныхъ мѣстахъ въ глубь лѣса гдѣ уже плотно засѣли Гваделупы.

Паника была всеобщая среди населенія лѣсовъ; всѣ обитатели этихъ дебрей заволновались, священники въ своихъ воскресныхъ проповѣдяхъ энергично призывали и ихъ къ возстанію противъ ненавистныхъ притѣснителей.

Испанцы, съ своей стороны, также не бездѣйствовали; ихъ лазутчики обходили лѣсъ во всѣхъ направленіяхъ, обращаясь съ возваніями преимущественно къ бродягамъ и бандитамъ, столь многочисленнымъ въ этихъ лѣсахъ, стараясь привлечь ихъ на свою сторону приманкой грабежа и наживой отъ разоренія имѣній инсургентовъ.

Всѣ эти слухи сильно тревожили дона Сальватора; уже не разъ сыновья просили его рѣшиться покинуть лѣсъ и переселиться на нѣкоторое время въ Санъ-Блазъ вмѣстѣ съ женою и племянницей. Отдаленное и одинокое положеніе ранчо у моста ліанъ дѣлало всякое ночное нападеніе на него весьма возможнымъ; это было тѣмъ болѣе опасно, что женщины почти каждую ночь оставались однѣ въ домѣ и объ этомъ знали всѣ. Кромѣ того донъ Сальваторъ слылъ богачемъ. Жажда наживы все сильнѣе разгоралась въ бандитахъ и лѣсныхъ бродягахъ, а потому можно было со дня на день ожидать, что они рѣшатся на нападеніе, которое, по всѣмъ вѣроятіямъ должно будетъ удасться имъ.

Ранчеро долгое время упорно отказывался покинуть свое скромное жилище, въ которомъ онъ прожилъ счастливо столько лѣтъ. Но теперь до него стали доходить такія дурныя вѣсти, что онъ самъ рѣшилъ, наконецъ, не медлить долѣе.

Вздыхая и охая, старикъ приказалъ своей женѣ собрать и убрать все и быть готовой покинуть ранчо, чтобы переселится въ Тепикъ гдѣ онъ намѣревался временно устроиться, пока положеніе дѣлъ не измѣнится къ лучшему. А такъ какъ ему въ этотъ день приходилось получить довольно крупный кушъ, а именно 5,800 піастровъ, въ Санъ-Блазѣ, то онъ и отправился туда вмѣстѣ съ двумя сыновьями. Получивъ безо-всякихъ затрудненій полностью эти деньги, онъ, не медля ни минуты, выѣхалъ изъ города и вернулся въ свой ранчо.

Здѣсь онъ заперся въ своей комнатѣ съ сыновьями и сказалъ имъ:

— Дѣти мои, въ эту ночь мы съ вами покинемъ этотъ ранчо и переселимся въ Тепикъ, гдѣ и пробудемъ все время, пока продолжится эта проклятая война. Но передъ отъѣздомъ нашимъ отсюда, Рафаель долженъ исполнить одно очень важное дѣло; ему извѣстно—какое, и мнѣ нѣтъ надобности говорить ему ничего болѣе. Ты, Лопъ, дитя мое, будь во всемъ послушенъ ему. На томъ мѣстѣ, гдѣ онъ тебѣ прикажетъ ждать, ты будешь ждать его и не двинешься съ мѣста до его возвращенія.

— Понялъ ты меня?

— Да, отецъ! Все, что ты приказалъ, будетъ исполнено

— Хорошо, сынъ! Ну, а теперь, дѣти мои, смотрите!

Старикъ распахнулъ на груди рубашку и показалъ сыновьямъ ладонку на тонкой золотой цѣпочкѣ, затѣмъ, раскрывъ мѣшочекъ, досталъ изъ него знаменательную монету съ продѣтою въ нее цѣпочкой.

— Братъ мой умирая завѣщалъ мнѣ эту вещицу, прося! меня не снимать ее съ шеи до тѣхъ поръ, пока Ассунтѣ не исполнится 20 лѣтъ. Тогда онъ завѣщалъ мнѣ вручить эту ладонку ей, какъ послѣднее воспоминаніе объ ея отцѣ. Но теперь мы переживаемъ такое опасное и тревожное время, что я легко могу умереть раньше времени, назначеннаго моимъ покойнымъ братомъ для передачи этой драгоцѣнной памяти его дочери. Надобно все предвидѣть! И такъ, Рафаель, если я умру, ты сними эту ладонку съ моего трупа такъ-же, какъ и я снялъ ее съ трупа моего Эстебана, и носи ее на своей груди до того времени, когда настанетъ срокъ, назначенный моимъ братомъ. Если-бы Рафаель также былъ убитъ, чего не дай Богъ, тогда ты, Лопъ, возьми себѣ эту завѣтную ладонку и, когда Ассунтѣ исполнится двадцать лѣтъ, передай ее ей. Вы слышали мои слова, дѣти? Помните ихъ и исполните все, какъ я сказалъ вамъ!

— Да, отецъ, мы все исполнимъ! — почти въ одинъ голосъ отвѣтили оба.

— Благодарю васъ, дѣти мои! Господь не оставитъ васъ и я надѣюсь, что съ Его помощью послѣдня воля моего бѣднаго брата будетъ исполнена.

Молодые люди внимательно разглядывали въ продолженіи нѣсколькихъ секундъ піастръ и затѣмъ возвратили его отцу, который снова спряталъ его въ ладонку и повѣсилъ себѣ на шею.

— Теперь, дѣти мои, уже, три часа ночи! Поѣзжайте-же скорѣе, чтобы пораньше вернуться домой. Во время вашего отсутствія мы здѣсь окончимъ наши сборы въ дорогу, чтобынемедленно,повашемъвозвращеніи,двинутьсявъ путь.—

И не отдавая себѣ отчета въ томъ, что онъ дѣлалъ, какъ-бы движимый какимъ-то предчувствіемъ, старикъ обнялъ своихъ сыновей, прижалъ ихъ по очередно къ своей груди и по нѣсколько разъ къ ряду поцѣловалъ каждаго ихъ нихъ.

— Ну, да благословитъ васъ Богъ, какъ и я благословляю васъ!

Молодые люди вышли съ глазами, полными слезъ, унося съ собой какое то тяжелое предчувствіе.

Донъ Рафаель увозилъ съ собой тяжелый чемоданъ, на который отецъ молча указалъ ему, выходя изъ комнаты. Оба молодыхъ человѣка вооружились съ ногъ до головы пистолетами, мачете, ружьями и ножами — все превосходной работы. Съ такимъ вооруженіемъ они не боялись никакой опасности.

Спустя нѣсколько минутъ наши молодые люди уже мчались во всю прыть лѣсомъ.

Одновременно съ ними изъ ранчо выѣхали три грузныя фуры на тяжелыхъ глухихъ колесахъ, запряженныя громадными тучными, быками и направились по дорогѣ въ Тепикъ, гдѣ донъ Сальваторъ Кастилльо нанялъ для себя и своей семьи домикъ. На этихъ фурахъ было нагружено самое цѣнное имущество ранчеро, котораго онъ не желалъ оставить на разграбленіе бандитамъ.

Донъ Лопъ и Рафаель благополучно достигли холма съ невѣроятной быстротой, не проронивъ въ пути почти ни слова.

Подъѣхавъ къ холму, они соскочили съ коней.

— Подожди меня здѣсь, братъ!—сказалъ донъ Рафаель, взваливая себѣ на плечи привезенный имъ съ собою чемоданъ.

— Хорошо!—отвѣчалъ донъ Лопъ.

— Смотри, сторожи хорошенько!

— Будь спокоенъ!

Они пожали другъ другу руки, — и донъ Рафаель поспѣшно удалился въ чащу лѣса.

Отсутствіе его продолжалось около часа, и когда онъ вернулся, при немъ уже не было чемодана.

*

— Что слышно?—спросилъ онъ, подходя къ брату.

— Ничего!—отвѣчалъ тотъ.

— Ну, такъ скорѣе на коней! — грустно сказалъ донъ Рафаель,—поспѣшимъ въ ранчо, у меня что то ноетъ сердце и томитъ какое-то ужасное предчувствіе!

— И меня тоже, братъ! Я самъ не знаю, что происходитъ со мною!—сказалъ донъ Лопъ.

— Спѣшимъ, спѣшимъ, впередъ!

Лошади рванулись впередъ и помчались какъ, вихрь, по дорогѣ къ ранчо, оставляя за собой цѣлое облако пыли.

VI. О томъ, что происходило у моста ліанъ во время отсутствія двухъ братьевъ, и какимъ образомъ умеръ ранчеро.

Было около одиннадцати часовъ вечера.

Небо было звѣздное, луна, утопая въ эфирѣ, разливала свой мягкій, ласкающій свѣтъ на всѣ окрестности; холодные мертвенные лучи ея безмѣрно удлиняли тѣни холмовъ и деревьевъ, придавая имъ какой-то фантастическій видъ; воздухъ, напоенный ароматами травъ, былъ мягкій, теплый.

Въ лѣсу царила полнѣйшая тишина, лишь изрѣдка нарушаемая какимъ то неуловимымъ звукомъ, безконечно слабымъ шерохомъ, таинственно совершающимъ свое дѣло подъ покровомъ темной ночи, животной жизни міріадовъ существъ, или-же печальнымъ крикомъ филина изъ своего гнѣзда. Время отъ времени раздавался гдѣ-то въ густой чащѣ лѣса протяжный, точно насмѣшливый ревъ ягуара, призывающаго свою подругу къ водопою.

Молодые люди молча неслись впередъ, припавъ къ шеямъ своихъ коней,—точно гонимые вѣтромъ; время отъ времени съ ихъ устъ срывался возбуждающій лошадей крикъ „Сантъ-Яго!“

Они быстро приближались къ цѣли своей поѣздки.— Вдругъ, выѣхавъ за крутой поворотъ почти совершенно прямой тропы, донъ Лопъ разомъ осадилъ своего коня,— и крикъ невольнаго удивленія вырвался изъ его груди.

— Гей, что тамъ? — спросилъ донъ Рафаель, затянувъ поводъ.

— Смотри!—отвѣтилъ донъ Лопъ задыхающимся голосомъ,—видишь?

На горизонтѣ, сквозь завѣсу деревьевъ, виднѣлось яркое красное зарево, охватившее большую часть неба.

— Что это значитъ?—прошепталъ донъ Рафаель,—съ какой стати жгутъ лѣсъ въ такое время ночи, и въ этихъ мѣстахъ? Ужъ не лѣсной ли это пожаръ?

— Нѣтъ, это можетъ быть не то, — сказалъ донъ Лопъ, отрицательно качая головой,—зарево въ этой сторонѣ...

— Это ранчо горитъ! — вдругъ воскликнулъ донъ Рафаель — бандиты напали на отца! Vive Dios! Впередъ, братъ; впередъ! — И они помчались, какъ вихрь; какъ будто деревья лѣса убѣгали отъ нихъ съ головокружительной быстротой.

— Не робѣй, отецъ! Не сдавайся!—пронзительнымъ голосомъ крикнулъ донъ Рафаель, еще болѣе понуждая своего коня, и безъ того уже мчавшагося во весь опоръ.

— Вотъ и мы! вотъ и мы!—такъ-же громко и энергично кричалъ донъ Лопъ.

Чѣмъ болѣе они приближались къ дому, тѣмъ ярче и обширнѣе казалось зарево.

Ѣдкій дымъ чувствовался въ воздухѣ; среди моря пламени играли, точно мошки въ воздухѣ, міріады яркихъ искръ.

Наконецъ, молодые люди выѣхали на прогалинку,— и зрѣлище, представившееся въ этотъ моментъ ихъ взорамъ, заставило ихъ на мгновеніе замереть отъ ужаса.

Донъ Рафаель не ошибся: дѣйствительно, горѣло ранчо или вѣрнѣе уже догорало, такъ какъ охваченная со всѣхъ сторонъ пламенемъ крыша должна была съ минуты на минуту обрушиться. Среди страшнаго треска и шипѣнія горѣвшаго строенія и жалобныхъ криковъ скота, запертаго на скотномъ дворѣ, по счастію еще не тронутаго огнемъ, не слышно было ни звука человѣческаго голоса. Да и вообще не было

видно никого изъ обитателей ранчо. Неужели всѣ они умерли? Что сталось со старикомъ, съ его женою и племянницей? Неужели всѣ трое были убиты бандитами?

Молодые люди соскочили съ коней, громко призывая родителей, но никто не отвѣчалъ имъ. Лишь насмѣшливое эхо рѣки повторяло послѣднiй звукъ ихъ полнаго отчаянiя призывнаго крика. Тогда донъ Рафаель и братъ его, сбросивъ съ себя верхнюю одежду, обошли вокругъ горящихъ развалинъ, мрачные и угрюмые, но полные отчаянной рѣшимости попытаться во что-бы то ни стало пробраться въ домъ: они искали только удобнаго мѣста, чтобы войти въ него и спасти, кого можно и что можно. И вдругъ, они наткнулись на груду тѣлъ, лежавшихъ неподалеку другъ отъ друга.

— Vive Dios!— воскликнулъ донъ Рафаель съ злобнымъ хохотомъ тигра,—отецъ не умеръ не отомщеннымъ!

— Смотри, — сказалъ донъ Лопъ, — у этихъ негодяевъ лица замазаны сажей или углемъ!

— Да, убiйцы побоялись быть узнанными!—съ глухимъ стономъ промолвилъ старшiй изъ братьевъ; вслѣдъ за тѣмъ изъ груди его вылетѣлъ радостный крикъ,—и однимъ громаднымъ прыжкомъ онъ очутился среди пламени: онъ нашелъ проходъ.

Лопъ пошатнулся и едва устоялъ на ногахъ: мучительный страхъ, страхъ не за себя, а за брата сдавилъ ему грудь, и онъ чуть не лишился сознанiя.

— Братъ! братъ! — вскричалъ онъ полнымъ отчаянiя голосомъ.

Въ тотъ-же моментъ донъ Рафаель появился изъ пламени съ опаленными волосами, въ одеждѣ, порванной во многихъ мѣстахъ и загорѣвшейся тамъ и сямъ, страшный на взглядъ, неся на плечахъ своихъ чье-то тѣло.

— Вотъ онъ! я нашелъ его!—воскликнулъ онъ и направился со своей ношей на прогалину.

Едва успѣлъ онъ выбѣжать изъ горящихъ развалинъ, какъ крыша съ страшнымъ шумомъ и трескомъ обрушилась па пылавшiй костеръ, задавивъ все подъ собою.

Осторожно спустивъ на землю тѣло отца, молодой человѣкъ прислонилъ его въ сидячемъ положенiи къ стволу большого дерева и съ тревогой, съ ужасомъ сталъ вглядываться ему въ лицо.

Старикъ былъ мертвенно блѣденъ и глаза у него были закрыты; на груди виднѣлось нѣсколько глубокихъ ранъ, изъ которыхъ ручьями лила кровь.

— Слава Богу! Онъ живъ!—прошепталъ Лопъ.

Донъ Рафаель только вздохнулъ и сталъ поспѣшно перевязывать раны отца, стараясь остановить кровь и тѣмъ самымъ, если возможно, вернуть его къ жизни. Да, тотъ былъ еще живъ, хотя сердце его чуть слышно билось и тѣло казалось совершенно безжизненнымъ.

Донъ Лопъ сбѣгалъ и зачерпнулъ воды въ рѣкѣ.

Тѣмъ временемъ пожаръ сталъ постепенно стихать, такъ какъ пламя уже не находило себѣ болѣе пищи. Огненные языки не взвивались уже, какъ раньше, высоко къ небу, а, точно алчные звѣри, лизали обуглившiеся камни фундамента.

Болѣе четверти часа молодые люди растирали отца, все время смачивая ему холодной водой голову. Кромѣ того, дону Рафаелю съ помощью брата удалось, наконецъ, разжать концомъ своего ножа зубы старику и влить въ ротъ нѣсколько капель водки.

Спустя немного, безжизненное тѣло старика чуть замѣтно вздрогнуло, и слабый вздохъ вырвался изъ его груди, а вскорѣ затѣмъ онъ полуоткрылъ глаза.

Это обнадежило его сыновей, и они еще усерднѣе стали хлопотать, стараясь привести его въ чувство.

Однако, ни тотъ, ни другой не обманывали себя относительно безнадежнаго положенiя старика: они отлично понимали, что если даже онъ и вернется къ жизни, то не на долго, что смерть его можетъ быть отсрочена всего на нѣсколько часовъ, даже, быть можетъ, всего на нѣсколько минутъ. Они уже видѣли слишкомъ много ранъ, чтобы не узнать съ перваго взгляда, что всѣ признаки близкаго разложе-

нія были уже на лицо—но вѣдь и одинъ часъ, и даже нѣсколько минутъ, если только больной нашелъ-бы въ себѣ достаточно силы, чтобы сказать нѣсколько словъ, имѣли для его сыновей громадное значеніе: онъ можетъ сказать имъ своихъ убійцъ, можетъ навести ихъ на слѣдъ, съ тѣмъ чтобы они могли отомстить за него. Онъ можетъ также сказать имъ и объ Ассунтѣ, и о доннѣ Бенитѣ, судьба которыхъ имъ осталась неизвѣстна.

Потому-то они съ болѣзненнымъ нетерпѣніемъ ожидали, когда раненный, наконецъ, придетъ въ себя.

Старикъ раскрылъ глаза. На этотъ разъ взглядъ его былъ ясный, осмысленный; онъ обвелъ имъ кругомъ съ выраженіемъ кроткаго сожалѣнія, но потомъ, мало по малу, взглядъ становился болѣе сосредоточенъ и когда, наконецъ, онъ остановился на сыновьяхъ, стоявшихъ на колѣняхъ по обѣ стороны подлѣ него, лицо у его какъ будто прояснилось и нѣчто, похожее на улыбку, озарило на мгновеніе блѣдныя черты умирающаго.

— Рафаель, Лопъ, дѣти мои!—прошепталъ онъ слабымъ голосомъ.

— Отецъ! отецъ!—горестно воскликнули оба.

— Поздно дѣти, поздно! Ахъ, зачѣмъ я не вѣрилъ вамъ?!—старикъ смолкъ и затѣмъ продолжалъ, помолчавъ немного.—Да будетъ воля Господня! Такъ оно и должно было быть!

— А мать наша? А сестра?...—спросилъ донъ Рафаель замирающимъ голосомъ.

Лицо старика озарилось, взглядъ метнулъ искры.

— Онѣ спасены, я надѣюсь,—сказалъ онъ,—о, эти негодяи приняли всѣ мѣры предосторожности, но я все таки обошелъ ихъ! Правда, они убили меня, но замыслъ ихъ не удался: того, чего они добивались, все таки не достигли!—онъ смолкъ и долгое время не могъ произнести ни слова.

— Пить!—сказалъ старикъ, немного времени спустя,—дайте глотокъ refino, мнѣ нужны силы!

Рафаель поднесъ свою фляжку къ губамъ умирающаго отца, и тотъ сдѣлалъ нѣсколько глотковъ.

— Благодарю,—сказалъ онъ болѣе твердымъ голосомъ,— теперь я чувствую себя сильнѣе, но силы вскорѣ снова покинутъ меня,—я это знаю,—а потому выслушайте меня, не прерывая, чтобы я успѣлъ сообщить вамъ все нужное.

И старикъ слабо улыбнулся. Съ минуту онъ какъ будто собирался съ мыслями, затѣмъ, сдѣлавъ еще глотокъ другой изъ фляжки Рафаеля, сталъ говорить, а сыновья слушали, стараясь не проронить ни слова.

Мы позволимъ себѣ замѣнить разсказъ старика своимъ повѣствованіемъ о томъ, что произошло въ отсутствіе сыновей ранчеро и что онъ сообщилъ имъ немного несвязно и не совсѣмъ послѣдовательно.

Послѣ отъѣзда своихъ сыновей старикъ основательно осмотрѣлъ ранчо, чтобы убѣдиться, что ничего изъ цѣнныхъ вещей и предметовъ не забыто и не оставлено здѣсь, и что все увезено на телѣгахъ. Во время этого осмотра, онъ случайно нашелъ въ одномъ изъ шкафовъ, который почему-то не нашли нужнымъ осмотрѣть, вѣроятно, потому что онъ стоялъ въ головахъ у его постели, три англійскихъ ружья въ полномъ порядкѣ, но заброшенныя съ тѣхъ поръ, какъ сыновья его получили въ подарокъ три ящика версальскихъ ружей.

Прежде всего ранчеро хотѣлъ было разбить эти ружья, чтобы они не попали въ руки этимъ мерзавцамъ, которыми кишатъ лѣса, но затѣмъ одумался,—и послѣдующее доказало, насколько онъ былъ правъ, измѣнивъ свое рѣшеніе.

Онъ взялъ ихъ, вынесъ въ общую залу, гдѣ тщательно осмотрѣлъ и убѣдился, что курки прекрасно дѣйствуютъ и оружіе это находится въ полномъ порядкѣ. Послѣ этого онъ зарядилъ всѣ три, а такъ же и свое двухствольное ружье, которое постоянно носилъ при себѣ, равно какъ и два большихъ пистолета, засунутыхъ за его faja (фаха) изъ крэпъ де шина.

Зарядивъ и приготовивъ оружіе, ранчеро разложилъ его

въ большой комнатѣ на столѣ съ нѣсколькими пачками готовыхъ зарядовъ на случай возможнаго нападенія въ отсутствіе его сыновей, которые должны были вернуться лишь подъ утро.

Покончивъ съ этими разумными мѣрами предосторожности, ранчеро продолжалъ осмотръ своего дома, и нигдѣ ничего не нашелъ: все было убрано и увезено.

Во всемъ ранчо оставалось лишь кое какая старая мебель, почти негодная и не имѣющая никакой цѣны.

Въ обычный часъ ранчеро отправился въ конюшню осѣдлать трехъ коней, и задать имъ корму, чтобы они были готовы въ любой моментъ пуститься въ путь, послѣ чего оставилъ ранчо, предварительно замкнувъ его на замокъ, ключъ отъ котораго опустилъ въ карманъ.

Не задолго передъ вечеромъ, сѣли за скромный ужинъ.

Всѣ трое были грустно настроены и молчаливы въ этотъ вечеръ. Необходимость покинуть, быть можетъ, на всегда это родное гнѣздо и поселиться въ городѣ, сильно огорчала ихъ.

Послѣ ужина доннѣ Бенитѣ понадобилась вода, а такъ какъ ея въ домѣ не было, то Ассунта, поставивъ на плечо cantaro (кувшинъ), пошла на рѣку за водой.

Когда она возвращалась отъ рѣки, сумракъ ночи начиналъ уже спускаться на землю; луна еще не взошла и въ тѣни лѣса было почти совсѣмъ темно, но зоркій глазъ дѣвушки различилъ по ту сторону рѣки, между деревьями, вблизи моста ліанъ силуэты какихъ-то людей, показавшіеся ей подозрительными. Ассунтѣ стало страшно,—и она бѣгомъ поспѣшила вернуться въ домъ.

Дѣвушка запыхалась отъ быстраго бѣга и лицо ея было блѣдно; она дрожала; когда ранчеро спросилъ у нея, что случилось, Ассунта сообщила ему что ее напугало.

— Хорошо!—сказалъ ранчеро,—возможно, что это пустая тревога, — и будемъ надѣяться, что это такъ и есть, — но тѣмъ не менѣе, не мѣшаетъ быть осторожными на случай, если-бы насъ въ самомъ дѣлѣ вздумали аттаковать.

Всѣ окна и двери дома были тотчасъ заперты на глухо внутренними ставнями и щитами, а свѣтъ въ комнатѣ скрытъ такимъ образомъ, чтобы его снаружи нельзя было видѣть.

Какъ окна, такъ и двери дома были снабжены небольшими бойницами, черезъ которыя можно было стрѣлять въ непріятеля изъ-подъ прикрытія. На всемъ протяженіи границы индѣйской территоріи да и вообще вездѣ, гдѣ только есть основаніе опасаться нападенія мародеровъ, всѣ жилища строятся такимъ образомъ, чтобы въ случаѣ надобности ихъ во всякое время можно было превратить въ своего рода крѣпость, гдѣ-бы обитателямъ нечего было опасаться нечаянныхъ нападеній.

— Ну, вотъ и все готово! — сказалъ ранчеро, потирая руки,—теперь пускай пожалуютъ, мы ихъ примемъ!

Близость опасности не только не пугала, но скорѣе веселила старика: это волновало кровь стараго контрабандиста, приводя ему на память его молодые годы и тѣ опасныя предпріятія, на какія онъ рѣшался бывало, чтобы сбить со слѣда таможенныхъ.

— Если дѣло станетъ серьезнымъ, — продолжалъ онъ, засовывая за поясъ длинные пистолеты и большой ножъ,— я скажу вамъ, и вы сейчасъ же, не теряя времени, спасайтесь въ нашъ тайникъ.

— Да, дядя!—сказала Ассунта.—Мы туда запрячемся.

— Тамъ вы будете въ полной безопасности, что-бы ни случилось, потому что, кромѣ насъ пятерыхъ, никто не знаетъ о его существованіи. И вы ни подъ какимъ видомъ не выходите оттуда, пока я самъ не позову васъ.

— Да, но а какъ же въ случаѣ, если-бы тебя ранили, другъ мой,—спросила донна Бенита,—и ты не могъ-бы придти позвать насъ?

— Да, это вѣрно, но тогда сыновья мои придутъ за вами. И такъ, не безпокойтесь но о чемъ! обѣщайте мнѣ, что безъ моего приказанія вы не выйдете оттуда, что-бы здѣсь ни случилось!

— Разъ ты этого требуешь, то мы обѣщаемъ!— грустно отвѣтила донна Бенита, подавляя вздохъ.

— Ну, и прекрасно! — весело сказалъ ренчаро, видимо окончательно успокоенный обѣщаніемъ жены и племянницы.

— Разъ, что я за васъ буду покоенъ, я буду защищаться, какъ левъ, какъ демонъ! сказалъ онъ—если только они осмѣлятся напасть на меня, имъ небо покажется съ овчинку, они меня еще не знаютъ, а вотъ увидятъ!—добавилъ старикъ, скрутивъ и закуривъ сигаретку. Женщины, присѣвъ въ въ уголокъ, стали усердно молится Богу.

— Прекрасно дѣлаете,—сказалъ ранчеро,—молитва всегда утѣшаетъ и успокаиваетъ, слѣдовательно можетъ быть только полезна.

То, что ранчеро сказалъ относительно тайника, требуетъ нѣкотораго разъясненія,

Во всѣхъ пограничныхъ странахъ, гдѣ ежеминутно грозитъ опасность нападенія и разграбленія, жилища обыкновенно строятся такъ, что на случай крайней бѣды устраивается тайникъ, секретъ котораго строго оберегается всѣми членами семьи. Эти тайники или крѣпости устраиваются крайне хитро и дѣйствительно остаются недоступными для всякаго посторонняго лица.

Ранчеро, коренной житель этихъ лѣсовъ, старый контрабандистъ, рѣшивъ поселиться въ окрестностяхъ Пало-Мулатосъ, построилъ самъ, безъ всякой посторонней помощи, свой домъ. Что же касается фундамента и нижняго этажа, то мы уже говорили раньше, что ранчо имѣлъ подвальный и 1-ый этажъ, что возбуждало въ сильной степени зависть большинства окрестныхъ жителей.

Конечно, донъ Сальваторъ имѣлъ свои резоны самъ строить свой домъ; онъ желалъ, чтобы его тайникъ остался никому неизвѣстнымъ.

Вотъ какъ онъ это сдѣлалъ.

На разстояніи не болѣе сорока метровъ отъ того мѣста, гдѣ было построено ранчо, стояло громадное дерево необычайной толщины. Стволъ его на высотѣ трехъ метровъ отъ

земли имѣлъ до 10 метровъ въ окружности и по странной случайности этотъ гигантъ лѣсовъ былъ дуплистъ. Объ этомъ совершенно случайно узналъ донъ Сальваторъ. Въ дуплѣ дерева поселился рой пчелъ. Нашъ ранчеро, удаливъ часть коры отъ подошвы и до извѣстной высоты выгналъ изъ этого громаднаго дупла пчелиный рой, который переселился въ другое дупло, а этимъ ранчеро воспользовался для своихъ цѣлей. Вырѣзанную имъ часть коры онъ обратилъ въ дверь и чрезвычайно искусно водворилъ ее на прежнее мѣсто такъ, что снаружи никакъ нельзя было сказать, что этого дерева когда либо коснулась человѣческая рука.

Вокругъ этого Махогони группировалось нѣсколько очень густыхъ деревьевъ и кустовъ и эта группа, съ гигантомъ посреди, занимали центра кораля т. е. конюшни и скотнаго двора. Всѣ остальныя деревья кругомъ были безжалостно порублены.

И вотъ, подъ фундаментомъ дома донъ Сальваторъ имѣлъ терпѣніе вырыть подземельный ходъ, ведшій прямо подъ Махогони, семь ступепекъ лѣсенки вели внутрь дупла, равно какъ и на томъ концѣ семь ступеней вели въ большую общую залу позади подвижнаго щитка, скрывшаго входъ въ подземелье.

Этотъ подземный ходъ, надежно укрѣпленный, имѣлъ не болѣе одного метра ширины и до двухъ метровъ вышины и какъ на одномъ, такъ и на другомъ концѣ закрывался двойными тяжелыми дверями съ желѣзными запорами. Свѣтъ и воздухъ проникали въ комнату тайника сверху въ отверстія, искусно замаскированныя снаружи. Здѣсь была самая необходимая мебель столы, бутаки, койки и запасы пищи, которыхъ по разсчету должно было хватить на двѣ недѣли. Эти запасы возобновлялись аккуратно каждую недѣлю.

Уже дважды это таинственное убѣжище спасало жизнь ранчеро и его семьи при подобныхъ-же печальныхъ обстоятельствахъ. Временные хозяева ранчо, овладѣвшіе имъ послѣ отчаянной схватки, нигдѣ не могли найти ничего,

несмотря на то, что внимательно осматривали каждый уголъ и даже пробовали рыть землю.

И такъ, на этотъ счетъ ранчеро былъ почти совершенно спокоенъ относительно результатовъ нападенія, котораго онъ ожидалъ теперь съ минуты на минуту, тѣмъ болѣе, что съ такимъ оружіемъ, какое было у него на готовѣ, онъ смѣло могъ разсчитывать на то, что съумѣетъ продержаться и отбиваться отъ нападающихъ до возвращенія сыновей. Къ несчастію, онъ не зналъ тѣхъ бандитовъ, съ которыми ему предстояло имѣть дѣло. Все должно было выйти иначе, чѣмъ онъ предполагалъ и совершенно обмануть его ожиданіе.

Прошло около полу-часа, кругомъ царила самая невозмутимая тишина; ранчеро начиналъ уже было совершенно обнадеживаться относительно ожидаемаго нападенія на ранчо и думать, что Ассунта испугалась своей собственнной тѣни,— какъ вдругъ, послышались два сильные удара въ дверь ранчо.

Старикъ вздрогнулъ, схватилъ свою двухстволку, приказавъ перепуганнымъ женщинамъ не трогаться съ мѣста, затѣмъ крадучись подошелъ къ двери и, просунувъ конецъ стволовъ своей двухстволки въ бойницу, спросилъ:

— Кто тамъ?

— Другъ! — отвѣтилъ кто-то, очевидно не своимъ голосомъ.

— Какой другъ, и что тебѣ надо?

— Какое тебѣ дѣло! Отворяй! Пусти меня войти!

— Я не открою, пока не узнаю, Кто-ты?

— Смотри, если ты самъ меня добромъ не впустишь я войду силой!

— Попробуй!—насмѣшливо разсмѣялся ранчеро.

— Мы знаемъ, что ты сегодня одинъ сидишь въ своей берлогѣ, старый ягуаръ, и насъ тебѣ не напугать, насъ много!

— Тѣмъ хуже для васъ и тѣмъ лучше для меня!—сухо отвѣчалъ старикъ.

— Спрашиваю тебя въ послѣдній разъ, отворишь ты намъ или нѣтъ?

— Нѣтъ, не отворю!

— Ну, такъ вотъ, какъ я начну съ тобой разговаривать!— крикнулъ бандитъ и выстрѣлилъ прямо въ дверь изъ своего ружья.

— А вотъ, какъ я тебѣ отвѣчаю!—все такъ-же холодно отозвался старикъ, спуская курокъ своей двустволки.

Незнакомецъ громко вскрикнулъ и тяжело рухнулъ на землю: старикъ уложилъ его на повалъ.

Начавшіяся такимъ образомъ враждебныя дѣйствія тотчасъ-же приняли оборотъ правильной осады или вѣрнѣе даже штурма крѣпости.

На огонь непріятелей осаждаемый храбро отвѣчалъ выстрѣлами, поспѣвая почти одновременно отбиваться и тутъ и тамъ, и почти каждымъ выстрѣломъ убивая одного изъ осаждающихъ, не получивъ при этомъ самъ ни царапины.

Нападающіе, строй которыхъ замѣтно рѣдѣлъ подъ выстрѣлами одного человѣка, ловкость и смѣлость котораго мужественнаго, какъ левъ и отважнаго, какъ пылкій юноша, были давно извѣстны всѣмъ, выли и слали проклятья и яростно налегали на дверь, которая однако не поддавалась.

Но вотъ, наконецъ, наступилъ моментъ, когда, обезумѣвъ отъ бѣшенства, они принуждены были прекратить огонь, очевидно, совершенно безпомощный, и отступить изъ подъ выстрѣловъ осажденнаго. Сдѣлавъ это, они стали совѣщаться о томъ, какимъ путемъ принудить ихъ непобѣдимаго непріятеля сдаться.

Ранчеро, конечно, воспользовался этимъ моментомъ перерыва, чтобы снова зарядить все свое оружіе и затѣмъ, предвидя, что послѣ этого совѣщанія осаждающіе непремѣнно прибѣгнутъ къ какимъ нибудь крайнимъ мѣрамъ, онъ привелъ въ движеніе пружину потайной двери, ведущей въ подземный ходъ и, обращаясь къ женѣ и племянницѣ, сказалъ.

— Идите, вамъ пора укрыться въ тайникѣ.

— Ахъ, дядя! позвольте намъ остаться съ вами!—стала просить Ассунта.

— Я тебя умоляю, другъ мой!—грустно добавила въ свою очередь донна Бенита!

— Нѣтъ, нѣтъ! — твердо отвѣтилъ онъ, отрицательно качая головой,—это невозможно!

— Но, почему же?—жалобно воскликнула донна Ассунта.

— Почему,—дитя?—въ волненіи воскликнулъ донъ Сальваторъ,—да потому, что я не хочу видѣть васъ убитой на моихъ глазахъ,—идите же, идите!—И, заключивъ ее въ свои объятія, онъ страстно сталъ цѣловать ее, затѣмъ пришелъ чередъ и донны Бениты.—У старика глаза были полны слезъ, но онъ не поддавался, не уступалъ просьбамъ и мольбамъ женщинъ. Не смотря на всѣ его усилія, ему не удавалось окончательно подавить своего волненія, сжимавшее ему грудь, точно въ тискахъ.

Вдругъ, вырвавшись изъ ихъ объятій, онъ оттолкнулъ ихъ отъ себя и въ какомъ то чаду крикнулъ.

— Уходите! слышите, я того хочу!

Испуганныя и опечаленныя женщины покорно повиновались, заливаясь слезами.

Ранчеро проводилъ ихъ до входа въ подземелье, въ послѣдній разъ обнялъ и поцѣловалъ ихъ, далъ имъ въ руки зажженный факелъ и затѣмъ закрылъ за ними потайную дверь съ тѣмъ, чтобы лишить ихъ возможности вернуться.

Затѣмъ, когда замокъ этой двери щелкнулъ и ключъ отъ него лежалъ уже въ его карманѣ, онъ опустился на стулъ и, закрывъ лицо обѣими руками, горько заплакалъ.

Но вотъ раздался выстрѣлъ.

Ранчеро вскочилъ на ноги; лицо его воодушивилось, глаза засвѣтились энергіей и мужествомъ; онъ схватилъ ружье и отважно кинулся къ бойницѣ.

— О, моя жизнь дорого обойдется имъ!—воскликнулъ онъ съ юношеской энергіей, и затѣмъ тихо и грустно добавилъ,—лишь бы только мнѣ удалось спасти жизнь дорогихъ мнѣ существъ, а остальное все пустяки!

Снова завязалась перестрѣлка. На этотъ разъ нападающіе перемѣнили тактику: пока одни изъ нихъ перестрѣли

вались съ ранчеро, вѣроятно, съ цѣлью отвлечь его вниманіе, четверо или пятеро другихъ, вооружившись факелами, старались поджечь ранчо, забросивъ ихъ на крышу, но не провели и этимъ опытнаго старика. Пятью выстрѣлами изъ своего ружья онъ убилъ наповалъ пятерыхъ поджигателей но, къ несчастію, послѣдній изъ нихъ успѣлъ забросить свой факелъ на крышу дома, и вскорѣ пламя охватило строеніе. Въ пищѣ огню не было недостатка; поэтому менѣе чѣмъ въ четверть часа вся крыша была объята яркимъ пламенемъ.

Ранчеро понялъ, что погибъ: онъ не имѣлъ возможности загасить пожаръ, и кромѣ того пробитая со всѣхъ сторонъ дверь ранчо не представляла уже теперь достаточно надежнаго оплота, за которымъ онъ могъ бы укрываться какъ раньше. Однако, онъ не терялъ мужества и не падалъ духомъ, рѣшившись пожертвовать жизнью ради своихъ близкихъ. Съ упорствомъ смѣлаго человѣка, который, хотя и сознаетъ, что долженъ проститься съ жизнью, тѣмъ не менѣе не хочетъ продать ее дешево и умереть не отомщеннымъ, онъ спокойно и хладнокровно, не стараясь даже защитить себя отъ выстрѣловъ непріятеля, стоя позади стола на которомъ было разложено его оружіе, ожидалъ послѣдняго рокового натиска.

Ожидать пришлось не долго. Осаждающіе бандиты были доведены до отчаянія, такъ какъ изъ пятнадцати человѣкъ ихъ оставалась теперь въ живыхъ только шестеро, изъ коихъ двое были уже серьезно ранены; они рѣшили, во что бы то ни стало покончить съ этимъ упорнымъ противникомъ.

Съ криками ярости и бѣшенства налегли они всѣ на дверь, которая на этотъ разъ поддалась ихъ дружному натиску, и въ тотъ же моментъ дали дружный залпъ по находившемуся въ домѣ.

Въ распоряженіи ранчеро было пять выстрѣловъ; онъ не торопясь, цѣлясь на вѣрняка, выпустилъ всѣ эти пять зарядовъ, уложивъ каждымъ выстрѣломъ по одному бандиту.

Но ужъ послѣ этого, изнемогая отъ ранъ, онъ выронилъ свое еще дымящееся ружье изъ рукъ и, точно дубъ сраженный грозою, упалъ на землю и остался недвижимъ. Изъ пятнадцати человѣкъ бандитовъ четырнадцать были убиты, а послѣднiй, оставшiйся въ живыхъ, въ первую минуту не могъ даже опомниться, онъ какъ обезумѣвшiй бѣжалъ отъ дона, оставшись одинъ среди груды всѣхъ этихъ тѣлъ. Невольная дрожь ужаса пробѣжала по немъ; и волосы на головѣ стали дыбомъ, была минута, когда онъ готовъ былъ бросить все и бѣжать безъ оглядки. Но это была всего одна минута; собравшись съ духомъ, онъ сразу овладѣлъ собой и свойственное ему звѣрское чувство кровожаднаго животнаго, чующаго добычу, снова возвратилось къ нему. Злая усмѣшка скривила его ротъ, черты лица подернулись отъ конвульсiи.

— Чего мнѣ бояться мертвецовъ? Напротивъ, они то мнѣ ни въ чемъ не помѣшаютъ, да и дѣлиться мнѣ теперь ни съ кѣмъ не придется!—добавилъ онъ.

Однако, такъ какъ пожаръ быстро распространялся, ранчо горѣлъ какъ факелъ, и черезъ нѣсколько минутъ въ комнатѣ должно было сдѣлаться нестерпимо жарко, то слѣдовало скорѣй покончить съ этимъ дѣломъ, и бандитъ кинулся къ распростертому на землѣ ранчеро.

— Умеръ онъ или живъ?—прошепталъ онъ и приложилъ руку къ сердцу, которое еще билось, при чемъ замѣтилъ на шеѣ раненаго золотую цѣпочку съ ладонкой. Рѣзкимъ движенiемъ злодѣй сорвалъ цѣпочку вмѣстѣ съ чернымъ бархатнымъ мѣшечкомъ и проворно запряталъ то и другое въ карманъ, замѣтивъ сквозь зубы.

— Я послѣ посмотрю, что это за святыня!

Однако это рѣзкое посягательство заставило раненаго ранчеро очнутся и вывело его изъ забытья. Онъ сдѣлалъ слабое движенiе и раскрылъ глаза.

— Онъ живъ!—воскликнулъ бандитъ и спросилъ,—куда ты запряталъ золото, которое получилъ въ Санъ-Блазъ?

Ранчеро пошевелилъ губами, но отвѣта его нельзя было разслышать.

Тогда бандитъ приподнялъ его за плечи и подержалъ въ наклонномъ положенiи.

— Благодарю!—сказалъ ранчеро,—чего ты хочешь отъ меня?

— Скажи мнѣ, куда ты запряталъ золото, и я тебя спасу!

— Въ самомъ дѣлѣ?!—едва внятно произнесъ раненный.

— Клянусь тебѣ именемъ Пресвятой Богоматери Гвадалупской!—воскликнулъ бандитъ.

— Хорошо! наклонись ко мнѣ поближе, кровь душитъ меня, мнѣ трудно говорить!

Бандитъ наклонился.

Тогда ранчеро, собравъ остатокъ силъ, сдѣлалъ послѣднюю отчаянную попытку и занесъ свой ножъ съ намѣренiемъ вонзить его въ горло бандита. Но этотъ послѣднiй замѣтилъ блеснувшее передъ его глазами лезвiе и машинально, не сознавая самъ что дѣлаетъ, занесъ лѣвую руку, чтобы парировать его ударъ. Въ тотъ же моментъ онъ страшно вскрикнулъ, такъ какъ ножъ отхватилъ ему два пальца по послѣднiй суставъ. Отрубленые пальцы упали на грудь раненаго, который злобно расхохотался.

— Ахъ, дьяволъ!—воскликнулъ бандитъ,—ты меня искалѣчилъ! — И выхватилъ свой кинжалъ, вонзилъ его по самую рукоятку въ грудь ранчеро.

Тотъ испустилъ глубокiй вздохъ и остался недвижимъ.

Бандитъ, вѣроятно, продолжалъ бы наносить своему врагу ударъ за ударомъ, потому что кинжалъ его былъ уже снова занесенъ надъ его безпомощной жертвой, если бы вдругъ въ этотъ моментъ до его слуха не донесся топотъ нѣсколькихъ коней, мчавшихся въ направленiи ранчо бѣшенымъ галопомъ.

— Тысяча чертей!—воскликнулъ бандитъ,—вотъ и волчата подоспѣли! Я погибъ! надо бѣжать, Caгajo! вотъ, вѣдь, не задача! И все за даромъ, хоть бы грошъ мѣдный!... Одно только, что относительно старика я могу быть покоенъ: ужъ

этотъ то меня не выдастъ! На этотъ разъ онъ несомнѣнно мертвъ!

Обернувъ на скоро случившейся здѣсь тряпицей свою изуродованную руку, онъ вложилъ въ ножны свой окровавленный кинжалъ и, однимъ скачкомъ выбѣжавъ изъ ранчо, почти въ тотъ же моментъ скрылся во мракѣ ночи.

Пять минутъ спустя молодые люди прибыли на мѣсто происшествія.

Все остальное уже извѣстно читателю.

— Вы не узнали этого человѣка, который бѣжалъ? — освѣдомился донъ Рафаель, когда старикъ замолкъ.

— Нѣтъ; у него лицо было замазано сажей, но помните, дѣти мои, что у него на лѣвой рукѣ осталось только по одному суставу у двухъ пальцевъ.

— Я помню, отецъ!—сказалъ донъ Рафаель,—и по этому вѣрному признаку надѣюсь розыскать этого негодяя. Затѣмъ наклонившись въ сторону брата, онъ шепнулъ ему на ухо нѣсколько словъ. Донъ Лопъ тотчасъ же всталъ и бѣгомъ отправился куда то.

— Куда побѣжалъ Лопъ?—тревожно спросилъ старикъ.

— Не безпокойся, отецъ, Лопъ сейчасъ вернется!

— Я чувствую, что сейчасъ долженъ разстаться съ вами, бѣдные дѣти,—съ волненіемъ въ голосѣ продолжалъ ранчеро,—любите же другъ друга всегда!——Это мой завѣтъ вамъ!

— Да, отецъ, что бы ни случилось, мы всегда будемъ любить другъ друга!

— Ты, Рафаель, будешь главой семьи. Не забывай, что на твоей обязанности лежитъ охранять и оберегать твою мачиху и сестру.

— Я не забуду этого, отецъ. И братъ, и я, мы оба любимъ ихъ и приложимъ всѣ старанія для того, чтобы доставить имъ то счастіе, какого они заслуживаютъ!

— Благодарю тебя, сынъ мой, мнѣ отрадно слышать твои слова. Увы! я очень бы хотѣлъ еще разъ увидѣть ихъ, прежде чѣмъ глаза мои на вѣкъ сомкнутся—но, къ несча-

стію, это невозможно. Ты скажи имъ, Рафаель, какъ сильно я любилъ ихъ...

— Вы сами скажете имъ это, дорогой отецъ! — перебилъ его молодой человѣкъ, успокаивающимъ тономъ.

— Какъ? неужели я увижу ихъ?—воскликнулъ старикъ, и голосъ его дрогнулъ отъ внутренняго волненія.

— Да, отецъ, вотъ онѣ уже спѣшатъ сюда. Лопъ сходилъ за ними!

— О, Рафаэль, сынъ мой! да благословитъ тебя Господь Богъ за это. Я обязанъ тебѣ тѣмъ, что увижу ихъ еще разъ и умру на рукахъ всѣхъ моихъ дорогихъ и близкихъ.

— Мужайтесь, вотъ и онѣ!

— О, пусть онѣ спѣшатъ, пусть идутъ ко мнѣ!—съ воодушевленіемъ воскликнулъ старикъ,—я чувствую, что жить мнѣ остается всего нѣсколько минутъ.

Между тѣмъ обѣ женщины, слѣдуя за дономъ Лопомъ и стараясь заглушить свои рыданія, подошли къ умирающему и опустились на колѣни. Онъ протянулъ имъ руки, которыя тѣ стали покрывать ихъ страстными поцѣлуями, глотая слезы.

— Не плачьте, дорогія мои,—ласково сказалъ имъ ранчеро,—я очень счастливъ, что умираю окруженный вами· Для меня эта смерть отрадна и не страшна. Ахъ, только теперь я вполнѣ понялъ, какъ горячо я васъ люблю и разлука съ вами мнѣ очень тяжела.

Старикъ смолкъ. Очевидно, силы вновь начинали измѣнять ему.

— Дядя, возлюбленный мой, вы не умрете! нѣтъ, это невозможно!—страстно прошептала молодая дѣвушка, стараясь удержать слезы, которыя помимо ея воли струились по лицу.

— Что станетъ съ нами, когда тебя не будетъ, чтобы охранять беречь и любить насъ?—воскликнула донна Бенита.—Нѣтъ, я не могу повѣрить, чтобы Богъ пожелалъ лишить насъ твоей нѣжности, ласки и любви!

— Мужайтесь, дорогія мои! я умираю... Богъ призываетъ

меня къ себѣ—да будетъ Его святая воля! Не забывайте меня и молитесь обо мнѣ, потому что и самъ я пролилъ въ жизни нѐ мало крови въ ссорахъ и распряхъ, которыхъ мнѣ, быть можетъ, слѣдовало избѣгать. Но я уповаю на милость Божію и вѣрю, что Онъ меня проститъ, и надѣюсь, не будетъ судить меня строго, но приметъ мое раскаяніе!

Всѣ стояли кругомъ и горько плакали.

— Не плачьте, дѣти и ты также моя милая Бенита, утѣшьтесь! Смерть приближается. Еще нѣсколько мгновеній и все будетъ кончено; выслушайте мою послѣднюю волю.

Всѣ приблизились къ умирающему, голосъ котораго постепенно ослабѣвалъ.

— Сердце мое разрывается на части при мысли о предстоящей разлукѣ,—сказалъ старикъ,—но я утѣшаю себя тѣмъ, что настанетъ день, когда всѣ мы вновь соединимся на лонѣ Господа Бога. Я оставляю васъ обезпеченными, даже богатыми, и если только богатство можетъ дать счастіе, то вы будете счастливы. Любите другъ друга, въ этомъ вы найдете истинное счастье, такъ какъ, повѣрьте мнѣ, сердце, а не золото даетъ счастіе человѣку. И вотъ, когда настанетъ тотъ не далекій часъ, когда наша Ассунта пойдетъ замужъ, предоставьте ей свободный выборъ въ этомъ дѣлѣ и любите того человѣка, котораго изберетъ ее сердце. Послѣ смерти моей Рафаель станетъ главой семьи; уважайте и любите его также какъ и онъ будетъ любить и уважать всѣхъ васъ. Ему извѣстно, гдѣ ваши капиталы; онъ раздѣлитъ ихъ между вами согласно моему письменному завѣщанію. А теперь, прощайте, дорогіе мои! О, вы всѣ, которыхъ я такъ много любилъ,—не забывайте меня... я умираю, какъ христіанинъ, безропотно покоряясь волѣ Всевышняго; прощаю всѣмъ моимъ врагамъ!

Онъ помолчалъ съ минуту, а затѣмъ продолжалъ твердымъ, точно окрѣпшимъ голосомъ.

— Но есть одинъ подлый предатель, убійца, которому я никогда не прощу и на голову котораго я даже въ этотъ смертный часъ призываю проклятіе неба. Это тотъ негодяй

который посягнулъ на святыню и ограбилъ, считая меня мертвымъ, это тотъ злодѣй, который вырвалъ у меня завѣтную, священную для меня ладонку.

— Мы отомстимъ ему, отецъ! Клянусь тебѣ въ этомъ!— сказалъ донъ Рафаель.

— Благодарю васъ, дѣти мои... подойдите ко мнѣ поближе... зрѣніе мое угасаетъ, я не вижу васъ... да благословитъ васъ Богъ за то счастіе, какое всѣ вы дали мнѣ... Боже мой! молю, прими меня по великой милости Твоей... Помните дѣти...

И съ этими словами онъ откинулся навзничь; изъ груди его вырвался глубокій вздохъ; предсмертная дрожь пробѣжала по всѣмъ его членамъ, взглядъ потухъ, и онъ оставался безъ движенія.

Стараго охотника не стало. Онъ умеръ, какъ и жилъ, оставаясь непримиримымъ и безжалостнымъ до самой послѣдней минуты своей жизни.

VII. Въ которой досказывается о нѣсколькихъ весьма интересныхъ событіяхъ.

Когда обѣимъ женщинамъ, наконецъ, стало ясно, что старый ранчеро скончался, они дали волю столь долго сдерживаемымъ слезамъ и рыданіямъ, душившимъ ихъ. Между тѣмъ сыновья усопшаго отошли немного всторону, чтобы не мѣшать скорби женщинъ и, упавъ на колѣни, долго и горячо молились объ отцѣ. Затѣмъ они молча пожали другъ другу руки и въ продолженіи нѣсколькихъ секундъ продолжали неподвижно стоять лицомъ къ лицу. Наконецъ, донъ Рафаель заговорилъ первый:

— Братъ!—сказалъ онъ,—отецъ нашъ завѣщалъ намъ одинъ священный долгъ.

— Да, братъ!—отвѣтилъ донъ Лопъ.

— Что касается меня лично, то я рѣшилъ, во что бы то ни стало, исполнить его волю.

— И я тоже!

— Чего бы мнѣ это ни стоило!

— Да,—во что бы то ни стало!

— Прекрасно, значитъ, мы поняли другъ друга?

— Да, и всегда будемъ понимать!—съ живостью подхватилъ донъ Лопъ.

— Спасибо тебѣ, братъ,—продолжалъ донъ Рафаель,— покойный отецъ сказалъ намъ, что въ единствѣ и дружбѣ нашей вся наша сила и мощь!

— Да, братъ, мы любимъ другъ друга и ничто въ жизни не сломитъ нашей дружбы!

— Благодарю тебя еще разъ, Лопъ! Скажи, ты не имѣешь подозрѣнія относительно того, кто бы могъ быть убійцей покойнаго отца?

— Нѣтъ, у отца нашего не было враговъ!

— Да, но у него были завистники!

— Правда, его считали богачемъ!

— Во время послѣдняго нашего пребыванія въ Санъ-Блазѣ онъ получалъ деньги въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ.

— Ты это знаешь навѣрное?

— Да!

— Такъ, значитъ, это одинъ изъ присутствовавшихъ при уплатѣ отцу тѣхъ трехъ тысячъ унцовъ золота рѣшился на это страшное дѣло.

— Да, но, вѣдь онъ же былъ не одинъ!

— Ты правъ, ихъ было 15 чел)вѣкъ и отецъ убилъ четырнадцать. Когда разсвѣтетъ, мы пересчитаемъ тѣла убитыхъ бандитовъ. Отецъ увѣрялъ насъ, что только одинъ бѣжалъ и я не знаю почему, но твердо убѣжденъ въ томъ, что тотъ, которому посчастливилось бѣжать, и есть зачинщикъ этого страшнаго дѣла.

— Весьма возможно! Онъ, вѣроятно, прятался отъ врага за спинами своихъ сообщниковъ и принялъ дѣятельное участіе въ борьбѣ лишь тогда, когда его вынудила къ тому самая крайняя необходимость.

— Когда же мы примемся за это дѣло?

— Тотчасъ же послѣ похоронъ отца,—сказалъ донъ Рафаель,—не слѣдуетъ убійцѣ давать время укрыться!

— Что онъ, конечно, не замедлилъ бы сдѣлать, если бы только мы дали ему возможность!.. Есть у тебя относительно этого какой нибудь планъ?

— Да, я полагаю, что онъ хорошъ, однако слѣдуетъ его обдумать еще разъ. Мы послѣ обсудимъ его вмѣстѣ съ тобой.

— И не станемъ откладывать этого въ долгій ящикъ!

— Будь спокоенъ! Я не менѣе тебя спѣшу покончить съ этимъ негодяемъ, но мы ни въ коемъ случаѣ не можемъ оставить здѣсь мать и Ассунту; необходимо отправить ихъ какъ можно скорѣе въ Тепикъ. Впрочемъ, я спрошу у нихъ, что онѣ намѣрены дѣлать.

— Быть можетъ, онѣ пожелаютъ ѣхать въ Тепикъ не ранѣе, какъ послѣ похоронъ отца.

— Да, это вѣроятно, и мы обязаны сообразоваться съ ихъ желаніемъ.

— Да, ты правъ!

И молодые люди подошли къ плачущимъ женщинамъ. При видѣ ихъ тѣ печально улыбнулись.

— Мы останемся при немъ всю ночь! — сказала донна Бенита.

— Матушка! вамъ нельзя долѣе оставаться здѣсь, на сырой травѣ: ночь очень холодная.

— Развѣ мы можемъ покинуть это тѣло?—грустно прошептала она.

— Нѣтъ, вы не покинете его, дорогая матушка!—почтительно и ласково сказалъ донъ Рафаель.

— Мы съ братомъ перенесемъ его въ тайникъ!

— Не отказывайтесь отъ этого, матушка,—вставилъ донъ Лопъ, — подумайте о вашемъ здоровьѣ и о здоровьѣ нашей сестры.

— Что сталось бы съ нами, мама, если бы мы потеряли и васъ?—печально вымолвила Ассунта.

— Поступайте, дѣти, по внушенію вашего сердца,—сказала донна Бенита, — но только позвольте мнѣ оставаться при человѣкѣ, котораго я такъ любила всю жизнь!

— Не бойтесь, чтобы мы чѣмъ либо воспрепятствовали вамъ — съ этого момента каждое малѣйшее желаніе ваше будетъ для насъ закономъ!—сказалъ донъ Рафаель.

— Пойдемте, мама!—нѣжно вымолвила Ассунта, беря ее подъ руку и медленно удаляясь вмѣстѣ съ нею.

Едва успѣли онѣ уйти и скрыться изъ вида за строеніями корраля, т. е. конюшень, какъ изъ лѣса послышался конскій топотъ.

Молодые люди переглянулись и стали прислушиваться; въ ожиданіи новаго нападенія они зарядили свои двухстволки. Шумъ усиливался и приближался.

— Странно!—прошепталъ донъ Рафаель, — неужели непріятель снова идетъ на насъ?

— Не думаю, теперь ужъ близко къ разсвѣту, но что бы могъ значить этотъ шумъ? наши кони всѣ дома?

— Да!—Ну, вотъ увидимъ, — сказалъ донъ Рафаель и сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, крикнулъ громкимъ голосомъ.

— Кто идетъ?

— Миръ вамъ!—отвѣчалъ звучный молодой голосъ, — я слуга Господень и направляюсь теперь въ пуебло Пало-Мулатосъ, гдѣ, какъ мнѣ говорили, люди нуждаются въ присутствіи священника.

— Идите смѣло, падре! Здѣсь, дѣйствительно, есть люди, нуждающіяся въ вашемъ утѣшеніи и помощи, которые съ радостью примутъ васъ!

Двое всадниковъ выѣхали на прогалинку; ѣхавшій впереди былъ человѣкъ молодой съ кроткими, но энергичными чертами блѣднаго исхудалаго и истомленнаго лица. На немъ была скромная ряса изъ черной порыжѣлой и во многихъ мѣстахъ подштопанной саржи; позади его ѣхалъ причетникъ.

— Добро пожаловать, батюшка!—сказалъ донъ Рафаэль,

самъ Господь посылаетъ васъ къ намъ въ этотъ страшный часъ скорби и испытаній!

Священникъ и причетникъ поспѣшили сойти съ коней; при видѣ курившихся развалинъ и груды мертвыхъ тѣлъ; первый молитвенно сложилъ руки и спросилъ.

— Боже мой! Что все это значитъ? какая страшная драма разыгралась здѣсь, на этой полянкѣ?

Съ минуту онъ призадумался, но вдругъ, ударивъ себя пальцемъ по лбу, поспѣшно спросилъ:

— А далеко мы отъ пуебло Пало-Мулатосъ?

— На разстояніи приблизительно одной мили батюшка!— отвѣтилъ донъ Рафаель.

— Что это за мѣсто, гдѣ мы теперь находимся?

— У моста Ліанъ!

— А этотъ ранчо, который тамъ догораетъ, кому онъ принадлежитъ?

— Моему отцу, дону Сальватору Кастилло.

— Да, да... такъ оно и есть,—прошепталъ священникъ, какъ-бы говоря самъ съ собою, затѣмъ добавилъ въ слухъ;— А гдѣ-же вашъ отецъ?

— Его призвалъ Господь—а вотъ и его бренные останки!— сказалъ молодой человѣкъ, указывая рукой на тѣло умершаго ранчеро.

Священникъ набожно опустился на колѣни подлѣ покойнаго и долго молился вмѣстѣ съ сыновьями ранчеро надъ ихъ отцомъ. Вставъ послѣ молитвы, молодой священникъ, сказалъ:

— Нельзя оставить тѣло здѣсь, надо снести его куда-нибудь!

— Мы только что собирались унести его, когда звукъ копытъ вашихъ лошадей встревожилъ насъ.

— Ну, такъ спѣшите исполнить свое намѣреніе!—сказалъ священникъ.

Молодые люди подняли тѣло, положили на свои скрещенныя ружья и понесли его; священникъ слѣдовалъ за ними, шепча молитвы, а немного поодаль шелъ и причетникъ, ведя въ поводу обѣихъ лошадей.

Тѣмъ временемъ вдова и ея пріемная дочь вытащили на средину комнаты одну изъ коекъ, и ожидали съ тревогой и безпокойствомъ, когда сыновья принесутъ, наконецъ, тѣло отца.

Увидавъ священника, обѣ женщины вскрикнули отъ радости и хотѣли упасть къ его ногамъ, но онъ остановилъ ихъ и, преподавъ благословеніе, самъ собственноручно уложилъ тѣло дона Сальватора на койку, окропилъ его святой водой и возложилъ распятіе ему на грудь. Затѣмъ, обратившись къ присутствующимъ, онъ сказалъ:

— Помолимся, братья!

Всѣ опустились на колѣни. Священникъ открылъ требникъ и громко сталъ читать молитвы, одну за другой, прислужникъ также справлялъ свое дѣло, а родственники умершаго молились за него.

По окончаніи этихъ молитвъ, донъ Лопъ проводилъ причетника на конюшню, гдѣ они вмѣстѣ размѣстили лошадей и позаботились о нихъ.

Когда донъ Лопъ въ сопровожденіи причетника вернулся изъ конюшни, священникъ помѣстился въ головахъ у тѣла, а женщины тихо плакали, припавъ къ одру усопшаго, подлѣ котораго онѣ стояли на колѣняхъ. Приказавъ знакомъ причетнику замѣнить его у изголовья покойника, патеръ подошелъ къ двумъ братьямъ и пригласивъ ихъ знакомъ слѣдовать за собой, сказалъ:

— Пойдемте, я имѣю сказать вамъ нѣчто!

Молодые люди молча послѣдовали за нимъ. Выйдя за конюшни, священникъ продолжалъ идти впередъ, пока не пришелъ къ самому берегу рѣки.

— Остановимся здѣсь! Тутъ никто не можетъ услышать насъ кромѣ Господа Бога. Теперь скажите мнѣ, знаете вы меня?

— Да, но только съ вида, батюшка. Мы знаемъ, что вы тотъ самый священникъ, который въ каждый воскресный и праздничный день служитъ обѣдню въ церкви селенія Пало-Мулатосъ, а мы и всѣ члены нашей семьи всегда ак-

куратно присутствуемъ при каждомъ богослуженіи!—сказалъ донъ Рафаэль.

— Слѣдовательно я не совсѣмъ чужой для васъ человѣкъ! Живу я, какъ вы, можетъ быть, знаете совершенно одиноко въ жалкомъ маленькомъ хакалѣ въ сообществѣ съ однимъ моимъ причетникомъ въ мѣстности называемой pildra negros.

— Да, мы знаемъ!—сказали молодые люди.

— Я занимаюсь въ свободное время собираніемъ различныхъ лекарственныхъ травъ и изготовленіемъ всякихъ цѣлебныхъ напитковъ и снадобій, которыми пользую больныхъ, приходящихъ ко мнѣ за помощью, или-же развожу ихъ тѣмъ, кто въ нихъ нуждается и самъ не въ состояніи придти за ними. Такъ вотъ, сегодня ночью, немного послѣ полуночи, когда я только что прочиталъ свой молитвенникъ и помолясь Господу Богу, собирался лечь отдохнуть, кто-то постучалъ въ мою дверь, которая у меня никогда не запирается на замокъ.

— Войдите во имя Бога!—сказалъ я.

— Аминь!—произнесъ кто-то за дверью.

Дверь отворилась и ко мнѣ вошелъ мужчина, котораго я раньше никогда не видалъ. Онъ входя почтительно поклонился, но не снялъ своего сомбреро, и когда я хотѣлъ прибавить огонь въ моей лампѣ, удержалъ меня за руку, сказавъ:

— Не трудитесь, батюшка, намъ и такъ свѣтло; слишкомъ яркій свѣтъ рѣжетъ мнѣ глаза.

Отходя ко сну, я по обыкновенію уменьшилъ пламя своего ночничка на столько, что онъ едва теплился; при этомъ свѣтѣ, съ трудомъ можно было различить что нибудь, однако, понявъ изъ словъ этого человѣка, что онъ желалъ сохранить въ моихъ глазахъ инкогнито, я не сталъ настаивать, и тутъ-же спросилъ, чѣмъ я могу служить ему.

— Батюшка! — сказалъ онъ, — съ часъ тому назадъ, я возвращался изъ Санъ-Блаза; въ окрестностяхъ Пало-Мулатосъ на меня напала шайка бандитовъ, отъ которыхъ мнѣ

пришлось отбиваться, я защищался настолько удачно, что мнѣ удалось уйти отъ нихъ, но, къ несчастію, парируя ударъ мачете лѣвой рукой, я получилъ серьезную рану.

И съ этими словами онъ развернулъ обернутую въ холщевую тряпку пораненную лѣвую руку и показалъ ее мнѣ.

Дѣйствительно, рана была ужасна: отъ двухъ пальцевъ лѣвой руки оставалось лишь по одному суставу, и тѣ, какъ оказалось, при болѣе тщательномъ осмотрѣ, приходилось отнять во избѣжаніи распространенія гангрены.

Братья многозначительно переглянулись между собой. Священникъ, повидимому, ничего не замѣтившій, продолжалъ:

— Я предупредилъ этого человѣка о томъ, что считаю ампутацію необходимой, и онъ отвѣтилъ мнѣ на это.

— Если надо, такъ дѣлайте!

Такъ какъ я сталъ оглядываться кругомъ, то онъ освѣдомился:

— Чего вы ищете, падре?

— Я смотрю, не осталось-ли у васъ еще лоскутка этой юбки, которую вы изорвали, чтобы обернуть вашу руку; она мнѣ будетъ нужна,—сказалъ я.

— Это не юбка,—поспѣшилъ заявить мнѣ незнакомецъ,— а какая-то тряпка, которую я нашелъ и поднялъ, гдѣ-то въ лѣсу, самъ не помню гдѣ.

Я не сталъ болѣе настаивать, но человѣкъ этотъ казался мнѣ подозрительнымъ. Одежда его была вся въ крови и порвана во многихъ мѣстахъ. Разсказъ о случившемся былъ переданъ какъ то сбивчиво и смотря потому, какъ онъ подыскивалъ слова, мнѣ показалось, что все это была чистая ложь и вымыселъ. Кромѣ того, онъ въ разговорѣ измѣнялъ свой голосъ и я сразу заподозрилъ въ немъ одного изъ многочисленныхъ бандитовъ, которыми теперь кишатъ наши лѣса. Особенно заинтересовало меня обстоятельство съ этой юбкой или тряпкой, которую, какъ онъ увѣрялъ, онъ нашелъ въ лѣсу, между тѣмъ какъ на ней, кромѣ пятенъ свѣжей крови отъ его раны, не было ни малѣйшаго пятнышка, ни малѣйшаго слѣда земли. Кромѣ того, не под-

лежало ни малѣйшему сомнѣнію, что это была часть женской юбки, разорванной второпяхъ. Однако, кто бы онъ ни былъ, бандитъ или не бандитъ, онъ былъ человѣкъ и рана его была весьма серьезна, слѣдовательно подать помощь ему было необходимо и я исполнилъ надъ его рукой требуемую операцію, какъ только могъ лучше, затѣмъ съ величайшимъ тщаніемъ сдѣлалъ ему перевязку. Онъ вынесъ эту страшную операцію очень мужественно, не издавъ ни малѣйшей жалобы или стона, а когда я кончилъ,—пошарилъ въ своихъ карманахъ и досталъ изъ нихъ горсть золотыхъ монетъ, въ числѣ которыхъ мнѣ бросилась въ глаза одна: старинный піастръ, который я замѣтилъ еще потому, что онъ былъ пробитъ. Человѣкъ этотъ поспѣшно спряталъ эту монету опять въ карманъ, а подалъ мнѣ четверть унца золота и сказалъ:

— Благодарю васъ, батюшка, — и прошу васъ принять это для вашихъ бѣдныхъ.

Не знаю почему, но я положительно не могъ рѣшиться принять эту монету, мнѣ казалось, что я вижу на ней слѣдъ крови—и я осторожно отклонилъ предложеніе незнакомца.

— Я всегда помогаю людямъ безвозмездно,—сказалъ я довольно сухо, — но если вы считаете нужнымъ дать милостыню за оказанную мною вамъ помощь, то дайте ее сами первому встрѣтившемуся вамъ бѣдняку.

— Пусть будетъ по вашему, падре — согласился мой паціентъ, пряча обратно въ карманъ свои деньги.—И такъ, благодарю еще разъ, и прощайте!

— Идите съ Богомъ!—сказалъ я.

— А долго-ли будетъ заживать эта рана? — освѣдомился онъ.

— Нѣтъ,—успокоилъ я его,—не болѣе, какъ съ мѣсяцъ, въ томъ случаѣ, если вы аккуратно два раза въ день будете дѣлать перевязку такъ, какъ я сдѣлалъ ее вамъ. А вотъ и баночка мази для скорѣйшаго заживленія вашей раны.

— Благодарю, я съ радостью приму ее тѣмъ болѣе, что не сегодня, завтра покидаю эту страну и не буду имѣть возможности зайти къ вамъ еще разъ.

Затѣмъ онъ простился и направился къ двери, которую отперъ, но вмѣсто того, чтобы выйти и запереть ее за собою поспѣшно вернулся и, захвативъ опачканный кровью обрывокъ юбки, торопливо засунулъ его въ одинъ изъ своихъ кормановъ.

— Вамъ эта тряпка не нужна, а мнѣ она можетъ понадобиться—сказалъ онъ,—какъ знать, что можетъ случиться,... возможно, что она какъ нибудь...—здѣсь онъ прервалъ себя на полусловѣ, рѣзко добавивъ,—мнѣ она нужна!

Я не сказалъ ему ни слова на это. Во всякомъ случаѣ человѣкъ этотъ мнѣ казался страннымъ; въ манерѣ его проглядывала какая-то нерѣшительность: то онъ уходилъ, то возвращался и вообще дѣйствовалъ какъ будто подъ давленіемъ какого-то чувства сильнѣйшаго, чѣмъ его воля. Захвативъ тряпку, онъ пошелъ къ двери, отворилъ ее но вдругъ, снова вернулся и рѣзкимъ отрывистымъ голосомъ проговорилъ:

— Сеньоръ падре, если вы желаете проявить ваше неисчерпаемое милосердіе къ ближнимъ, то можете сейчасъ-же отправится въ пуебло Пало-Мулатосъ, на луговинки у моста Ліанъ! Я полагаю, что въ ранчеріи Сальватора Кастильо случилось несчастіе: васъ съ радостью встрѣтятъ тамъ!

И онъ саркатически разсмѣялся, громко хлопнувъ дверью; слышно было, какъ онъ бѣгомъ, точно за нимъ гналися, бросился въ кусты, въ самую глушь лѣсной чащи.

При послѣднихъ его словахъ и дикимъ саркастическомъ хохотѣ подозрѣнія мои разомъ превратились въ увѣренность. Не было сомнѣнія, что человѣкъ этотъ былъ убійца и подъ гнетомъ ужаснаго упрека совѣсти, противъ воли, признался въ своей преступности, мучимый ужасомъ отъ совершеннаго имъ злодѣянія.

Не тратя ни минуты, я разбудилъ своего причетника и приказалъ сѣдлать коней, послѣ чего мы тотчасъ-же

пустились въ путь. Я былъ убѣжденъ, что если мнѣ не придется перевязывать ранъ, то во всякомъ случаѣ, придется утѣшать скорбящихъ.

— И мы крайне благодарны вамъ, отецъ мой!—воскликнулъ донъ Рафаель.

И молодые люди стали цѣловать ему руки, обливая ихъ слезами.

— Какъ вы полагаете, кто этотъ человѣкъ?—спросилъ священникъ.

— Это убійца нашего отца!—въ одинъ голосъ воскликнули оба брата.

— Смотрите, не торопитесь обвинять по первому подозрѣнію человѣка, который, быть можетъ, не одинъ виновенъ въ этомъ дѣлѣ и, пожалуй, не въ такой степени, какъ вы полагаете!

— Мы не подозрѣваемъ,—глухимъ голосомъ произнесъ донъ Рафаель, а увѣрены въ томъ, что утверждаемъ!

— Увѣрены?

— Да, выслушайте насъ, батюшка!—и донъ Рафаель пересказалъ священнику то, что самъ слышалъ отъ умирающаго отца.

— Ну, а теперь, когда вамъ все извѣстно, что вы на это скажете?

— Я скажу, что отецъ вашъ былъ и умеръ героемъ, что его борьба, борьба одного человѣка противъ пятнадцати, нѣчто необычайное, выходящее изъ ряда вонъ. Это напоминаетъ мнѣ старинную легенду.

Священникъ былъ правъ. Этотъ геройскій подвигъ сталъ въ настоящее время популярной легендой въ этихъ лѣсахъ, при чемъ однако принялъ въ устахъ восторженныхъ пересказсчиковъ еще болѣе невѣроятные размѣры. Я самъ не разъ слыхалъ ее, но только въ современной легендѣ говорилось, что отважный ранчеро защищался не противъ пятнадцати человѣкъ бандитовъ, а противъ цѣлаго батальона Испанскихъ войскъ и умеръ побѣдителемъ, предательски убитый послѣднимъ уцѣлѣвшимъ испанцемъ, ко-

торый вскорѣ погибъ отъ раны, нанесенной ему умирающимъ ранчеро.

Мы возстановили истину, считая это своимъ священнымъ долгомъ, но, быть можетъ, были не совсѣмъ правы, сдѣлавъ это.

Однако, будемъ продолжать разсказъ:

— Да,—сказалъ донъ Рафаель,—отецъ нашъ былъ смѣлъ и мужественъ, какъ левъ, и если-бы Господь помогъ намъ вернуться во время, то мы съ братомъ спасли-бы его, но теперь дѣло не въ этомъ. Что вы думаете относительно виновности того человѣка?

— Теперь уже не подлежитъ сомнѣнію, что онъ единственный виновникъ.—Что-же вы думаете дѣлать?

— Вы спрашиваете насъ объ этомъ?—съ горькой улыбкой отозвался донъ Рафаель.

— Да, и при этомъ боюсь услышать вашъ отвѣтъ, потому что, къ несчастію, заранѣе предвижу его.

— Мы станемъ преслѣдовать убійцу нашего отца!—глухо вымолвилъ донъ Рафаель.

— И отомстимъ за него! — съ дикой энергіей добавилъ донъ Лопъ.

— „Мнѣ отомщеніе, и азъ воздамъ“, говоритъ Господь! — строго вымолвилъ молодой священникъ.

— Но Господь сказалъ также: „повинуйся отцу твоему“.— возразилъ донъ Рафаель.

— А послѣднее слово отца нашего было крикомъ мести!— энергично подтвердилъ донъ Лопъ.

— Дѣти, дѣти, берегите себя и свои души! — горестно воскликнулъ молодой священникъ.

— Кровь вопіетъ и требуетъ отомщенія, батюшка,—сказалъ донъ Рафаель, — никакой законъ не защищаетъ и не ограждаетъ насъ отъ насилія; наши алькады, когда мы обращаемся къ нимъ съ жалобами или просьбами, отвѣчаютъ намъ: Мы ничего тутъ подѣлать не можемъ, расправляйтесь, какъ знаете, это ваше дѣло!

— Да, это правда!—со вздохомъ прошепталъ священникъ.

— И вотъ, ту справедливость, въ которой намъ отказываютъ, мы сами чинимъ ее и мстимъ жестоко, безжалостно, чтобы доставить себѣ удовлетвореніе. Единственный законъ, который всѣ мы жители этихъ темныхъ лѣсовъ признаемъ, что законъ возмездія.

— „Око за око, и зубъ за зубъ!" — сказалъ донъ Лопъ мрачнымъ тономъ; — это законъ краснокожихъ и лѣсныхъ бродягъ, единственный законъ нашихъ лѣсовъ!

— Канадскіе охотники и американцы называютъ этотъ законъ закономъ Линча и всегда примѣняютъ его съ величайшею строгостью на всемъ пространствѣ прерій!

— Дѣти мои,—печально сказалъ священникъ,—я не стану спорить съ вами объ этомъ, — вы не поймете меня, — такъ какъ съ молокомъ матери всосали въ себя духъ мстительности, котораго ничто не въ силахъ искоренить въ васъ, — такъ ужъ лучше оставимъ этотъ безполезный споръ!

— Благодарю васъ, батюшка! Но скажите, вы видѣли его, этого человѣка, каковъ онъ?

— Роста высокаго, повидимому, сильный и мускулистый; ему, должно быть, около пятидесяти лѣтъ, если не болѣе — въ этомъ не трудно убѣдиться по его рукамъ. Хотя походка у него легкая и увѣренная, какъ у человѣка молодого, но все же въ ней замѣчается нѣчто натянутое, отсутствіе той свободной эластичности, какою отличаются движенія человѣка молодого,—что-же касается его лица, то я ничего не могу сказать вамъ о немъ, потому что не видѣлъ его.

— Какъ? Неужели вы не разглядѣли его лица?

— Нѣтъ, даю вамъ слово, вѣдь, если только вы не забыли, то въ комнатѣ было почти совсѣмъ темно, а поля его громаднаго сомбреро были опущены низко на глаза; кромѣ того, для большей предосторожности, лицо его было покрыто слоемъ сажи или затерто мелкимъ порохомъ, что дѣлало его совершенно неузнаваемымъ. — Я только могъ замѣтить...

— Что?

— Что у него не хватало двухъ переднихъ зубовъ на

нижней челюсти, и что онъ носилъ длинную густую бороду съ просѣдью, впрочемъ, эта послѣдняя подробность почти что безполезная: вѣдь, бороду не трудно сбрить и человѣкъ этотъ навѣрное не преминетъ это сдѣлать.

— Да, это вѣрно.

— А если бы вы его встрѣтили, то признали бы?

— Нѣтъ, такъ какъ черты его мнѣ незнакомы; кромѣ того я заранѣе предупреждаю васъ, чтобы вы не разсчитывали на мою помощь и содѣйствіе. Если-бы даже я и узналъ этого человѣка, то и тогда не указалъ бы вамъ его!

— Благодарю васъ, батюшка, за ваше чистосердечіе; мы съ братомъ и одни съумѣемъ исполнить то, что завѣщалъ намъ умирающій отецъ!—съ оттѣнкомъ насмѣшки въ голосѣ сказалъ донъ Рафаель.

— О, въ этомъ я не сомнѣваюсь!—съ грустной улыбкой отозвался священникъ, — я давно знаю, что вы, охотники, одарены какимъ-то особеннымъ чутьемъ, какою-то чисто дьявольской способностью отыскать слѣдъ человѣка, когда побуждаемы къ тому чувствомъ мести. И какъ-бы ловокъ и хитеръ ни былъ этотъ человѣкъ, ему все равно никогда не удается уйти отъ возмездія.—Но помните только одно, дѣти мои, что если месть имѣетъ, повидимому, извѣстную сладость и даетъ человѣку минутное удовлетвореніе, то послѣдствія ея почти всегда бываютъ горьки.

— Батюшка, мы поклялись отцу и сдержимъ эту клятву!—мрачно сказалъ донъ Рафаель.

— Мы исполнимъ волю нашего отца!—холодно прибавилъ донъ Лопъ.

— Намъ нечего здѣсь дѣлать болѣе, пойдемъ же помолиться надъ усопшимъ!—проговорилъ священникъ.

Молодые люди молча склонили головы и послушно послѣдовали за нимъ.

Ночь уже близилась къ разсвѣту, до восхода солнца оставалось не болѣе часа. Не смотря на свое глубокое горе обѣ женщины положительно изнемогали отъ усталости послѣ этой ужасной томительной ночи и задремали, склонясь го-

ловами на смертный одръ ранчеро, на которомъ покоилось тѣло усопшаго, осыпанное множествомъ душистыхъ цвѣтовъ.

Священникъ и сыновья покойнаго условились въ томъ, что донъ Лопъ и причетникъ отправятся въ Пало-Мулатосъ для того, чтобы предупредить родныхъ и друзей о смерти ранчеро, приготовить все въ церкви для похоронъ, которыя должны были состоятся въ теченіи наступающаго дня, созвать хоръ пѣвчихъ и привезти гробъ.

Сѣвъ на коней, они отправились не медля ни минуты.

На слѣдующій день состоялись, какъ и было назначено, похороны ранчеро при большомъ стеченіи народа; сочувственная толпа провожала гробъ до могилы. Когдагробъ былъ уже опущенъ въ землю и священникъ, произнеся надъ могилой послѣднія молитвы, благословилъ землю, то прежде чѣмъ стали засыпать могилу, донъ Рафаель и донъ Лопъ, подойдя къ самому краю, блѣдные какъ смерть, едва держась на ногахъ и опираясь другъ на друга, простерли каждый свою правую руку надъ могилой, и донъ Рафаель, сдѣлавъ надъ собой громадное усиліе, произнесъ дрожащимъ отъ волненія, но громкимъ и увѣреннымъ голосомъ слѣдующія слова, возбудившія ропотъ одобренія въ тѣсной толпѣ присутствующихъ:

— Отецъ мой! ты умеръ не своею смертью, ты палъ отъ руки подлаго убійцы и покоишься теперь въ кровавой могилѣ, но пусть твой возмущенный духъ успокоится на лонѣ Творца! Клятву, которую мы съ братомъ дали тебѣ передъ смертью, мы сдержимъ, клянемся въ томъ передъ лицомъ неба и всѣхъ собравшихся здѣсь друзей твоихъ: ты будешь отомщенъ!

— Мы клянемся въ томъ!—громко и въ одинъ голосъ произнесли оба брата, поднявъ руки къ небу. И затѣмъ, бросивъ въ могилу каждый по горсти земли, они медленно отошли отъ могилы, и смѣшались съ толпой, смущенной, растроганной и взволнованной этой клятвой въ такой торжественный моментъ.

Два часа спустя послѣ похоронъ, донъ Рафаель и донъ

Лопъ мчались во весь опоръ по направленію къ Тепику, куда они провожали донну Бениту и Ассунту.

Обѣ женщины пожелали присутствовать при похоронахъ усопшаго, не желая съ нимъ разставаться до самаго послѣдняго момента. По окончаніи службы въ церки Пало-Мулатосъ, все похоронное шествіе двинулось обратно къ мосту Ліанъ и здѣсь, въ глубинѣ уерты ранчо, была вырыта для покойнаго владѣльца могила, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ того дома, гдѣ онъ прожилъ столько счастливыхъ лѣтъ. Его зарыли въ ту землю, по которой столько разъ ступала его нога и здѣсь онъ долженъ былъ покоиться, окруженный всѣмъ тѣмъ, что онъ любилъ при жизни.

Мысль эта была высказана Ассунтой, и донъ Рафаель поспѣшилъ, конечно, осуществить ее.

Во время пути наши удрученные горемъ путешественники разговаривали о кровавыхъ событіяхъ, разомъ измѣнившихъ весь ходъ ихъ тихой семейной жизни.

Они припоминали, что во время похоронъ братья успѣли убѣдиться, что никто изъ приглашенныхъ не отсутствовалъ, что на всѣхъ лицахъ было написано одно и то же чувство скорби, печали и сочувствія, такъ что ничто не могло навести на слѣдъ убійцы, котораго, очевидно, не было въ толпѣ провожавшихъ въ послѣднее жилище прахъ Сальватора Кастильо.

Около четырехъ часовъ пополудни наши путешественники прибыли въ Тепикъ. Домъ не законтрактованный, а купленный покойнымъ ранчеро находился въ улицѣ Mercodéres, не подалеку отъ площади Mayor т. е. главной. Это былъ большой красивый домъ съ тѣнистою уертой (садомъ), обставленный просто, но удобно и со вкусомъ. Здѣсь были отдѣльныя комнаты для каждаго изъ членовъ семьи.

Путешественниковъ ожидали шесть человѣкъ пеоновъ, женщинъ и мужчинъ, заранѣе посланныхъ туда диномъ Сальваторомъ. Все въ домѣ было готово для встрѣчи новыхъ владѣльцевъ, и они входя не могли удержаться отъ слезъ при мысли, что донъ Сальваторъ, не сказавъ имъ ни

слова, разукрасилъ и обставилъ это жилище съ такой заботой и любовью, желая порадовать ихъ и заставить не очень сожалѣть о миломъ ранчо среди лѣса.

Въ тотъ же вечеръ новые обитатели городскаго дома сидѣли въ своей уертѣ среди цвѣтовъ, распространявшихъ дивный ароматъ подъ вѣяніемъ ночного вѣтерка, чуть замѣтно колыхавшаго ихъ, и растроганнымъ голосомъ полушепотомъ говорили о дорогомъ усопшемъ.

— А онъ одинъ тамъ!—со вздохомъ вымолвила донна Бенита,—и неужели онъ всегда будетъ тамъ одинъ?

— Да, мы теперь далеко отъ него!—прошептала своимъ мелодичнымъ голосомъ Ассунта.

— Въ этихъ стѣнахъ можно задохнуться!—сказалъ донъ Лопъ.

— Да... гдѣ здѣсь наши величавыя зеленыя дубравы, которымъ, кажется, нѣтъ конца, и предѣла!—продолжала донна Бенита.

— Не сокрушайтесь, матушка,—сказалъ Рафаель,—ваше изгнаніе не будетъ продолжаться вѣчно,—вскорѣ вы вернетесь въ наши родные лѣса, которые вамъ такъ милы и дороги. Эти роскошныя громадныя деревья, среди которыхъ выросли вы, Ассунта и мы, эти узкія тропочки, заходящія въ темную чащу, по которымъ мы счастливые и безпечные, какъ птицы Божіи, гонялись въ запуски,—все это, я надѣюсь, вы вскорѣ увидите вновь!

— Но, увы! наше ранчо, которое всѣ мы такъ любили, превратилось въ груды пепла и обгорѣлыхъ развалинъ!—вздохнула донна Бенита.

— Да... но если захотѣть,—робко сказала донна Ассунта, взглянувъ украдкой на дона Рафаеля, который отвѣчалъ ей улыбкой,—его можно построить вновь.

— Ахъ, да—и хоть время отъ времени наѣзжать туда, чтобы провести тамъ нѣсколько дней!—съ живостью воскликнула донна Бенита,—подышать привольной свѣжестью нашихъ дивныхъ лѣсовъ.

Разговоръ продолжался еще нѣсколько времени все въ

томъ же духѣ, и затѣмъ всѣ разошлись по своимъ комнатамъ и стали ложиться спать.

Братья заперлись въ своей комнатѣ и совѣщались о чемъ то весьма серьезномъ.

Прошло около мѣсяца, острое ощущеніе незамѣнимой утраты стало, мало по малу, смѣняться тихой грустью. Женщины вели очень замкнутую, почти затворническую жизнь. Ихъ почти не было видно въ домѣ, развѣ только за обѣдомъ и ужиномъ, да еще подъ вечеръ вь уертѣ, куда онѣ приходили погулять и подышать прохладнымъ вечернимъ воздухомъ, напоеннымъ нѣжными ароматами цвѣтовъ.

Напротивъ того, донъ Рафаель съ братомъ проводили всѣ дни внѣ дома.

Не рѣдко они уѣзжали съ разсвѣтомъ и возвращались лишь очень поздно ночью. Ни донна Бенита, ни Ассунта никогда не разспрашивали ихъ ни о чемъ: быть можетъ, онѣ выжидали того момента, когда молодые люди сами пожелаютъ сообщить имъ о своихъ намѣреніяхъ и планахъ, но оба брата хранили упорное молчаніе относительно того, гдѣ они пропадали по цѣлымъ днямъ, и что дѣлали въ это время.

Однажды когда молодые люди, вѣроятно, случайно остались дома, часа въ четыре пополудни, явился какой то незнакомецъ и пожелалъ видѣть дона Рафаеля. Незнакомца провели въ комнату двухъ братьевъ, которые никогда не разставались и были постоянно вмѣстѣ—и всѣ трое мужчинъ заперлись и долго бесѣдовали весьма таинственно о чемъ,—то, послѣ чего незнакомецъ уѣхалъ, а о томъ, что было говорено во время этого таинственнаго совѣщанія, никто въ домѣ не узналъ ровно ничего. Любопытство обѣихъ женщинъ было въ сильной степени возбуждено всѣмъ этимъ, но ни та, ни другая не рѣшалась вызвать молодыхъ людей на откровенность, полагая, что, вѣроятно, какія нибудь важныя причины заставляютъ молодыхъ людей до поры до времени скрывать отъ нихъ то, что имъ такъ хотѣлось знать.

Послѣ посѣщенія таинственнаго незнакомца продолжительныя отсутствія двухъ братьевъ возобновились.

Такъ продолжалось еще недѣли три.

Донъ Рафаель и донъ Лопъ стали замѣчать, что здоровье донны Бениты и Ассунты замѣтно ухудшается отъ той новой жизни, на какую онѣ были обречены. Яркій румянецъ молодой дѣвушки смѣнился болѣзненною блѣдностью, донна Бонита также смотрѣла хворой и унылой.

Эти экзотическія растенія, выросшія въ привольѣ дѣвственныхъ лѣсовъ, чахли въ душной, тепличной атмосферѣ города, куда онѣ такъ внезапно были перенесены.

Онѣ буквально умирали отъ скуки.

Молодые люди не на шутку встревожились, и хотя обѣ женщины никогда ни на что не жаловались, тѣмъ не менѣе слѣдовало немедленно принять мѣры, чтобы предупредить возможную катастрофу.

И вотъ, однажды, гуляя по уертѣ, донна Бенита сказала:

— Эти цвѣты прелестны и деревья красивы и тѣнисты, но ихъ нельзя сравнить съ красотой нашихъ могучихъ лѣсныхъ великановъ, выросшихъ на свободѣ, на вольномъ деревенскомъ воздухѣ!

— Да, это правда,—согласился донъ Рафаель — мнѣ сегодня пришла именно та-же мысль, когда мы съ братомъ возвращались съ дальней прогулки по полямъ и лѣсамъ.

— О, вы счастливчики! вы можете пользоваться и наслаждаться этими дальними прогулками по лугамъ и лѣсамъ!—вздохнула донна Бенита.

— Ахъ, матушка, а кто-же вамъ мѣшаетъ наслаждаться тѣмъ же самымъ, если только вы желаете? — сказалъ онъ, улыбаясь.—Почему вы не выѣзжаете съ нами, вмѣсто того чтобы проводить цѣлые дни взаперти, въ вашихъ душныхъ комнатахъ?

Обѣ женщины удивленно глядѣли на молодого человѣка, какъ-бы не вѣря самимъ себѣ.

— Что вы такъ смотрите на меня? — спросилъ онъ, — если вы хотите, то съ завтрашняго-же дня мы будемъ вмѣстѣ

совершать длинныя прогулки и наслаждаться вольнымъ деревенскимъ воздухомъ. Не такъ ли, братъ?

— О, конечно!—воскликнулъ донъ Лопъ,—и если мы раньше не предложили вамъ этого, то только потому, что опасались, что это будетъ непріятно для васъ.

— О, мы ничего такъ не желаемъ, какъ такого рода прогулокъ!

— Почему-же вы не сказали намъ этого раньше, дорогая матушка?

— И такъ, завтра мы отправимся вмѣстѣ съ вами за городъ, рѣшено?—воскликнула повеселѣвъ Ассунта,—а въ которомъ часу?

— Въ которомъ вы пожелаете, сестрица!—сказалъ донъ Лопъ.

— Ну, въ вашъ обычный часъ!—рѣшила она.

— Я боюсь, что это будетъ слишкомъ рано для васъ!—замѣтилъ донъ Рафаель.

— Нѣтъ, нѣтъ! мы будемъ готовы раньше васъ!—сказала Ассунта.

— Ну, въ такомъ случаѣ рѣшено. Такъ, до завтра!

На слѣдующій день, съ восходомъ солнца, обѣ дамы были уже въ сѣдлѣ и выѣзжали верхомъ вмѣстѣ со своими кавалерами изъ воротъ дома; вскорѣ маленькая группа очутилась за городомъ.

Воздухъ былъ свѣжъ и напоенъ ароматами вольныхъ луговъ; въ немъ чувствовалась близость океана съ его живительной прохладой, дышалось легко и свободно.

Женщины, видимо, наслаждались привольемъ деревенскихъ луговъ и полей и весело улыбались окружавшей ихъ картинѣ.

— Куда-же мы поѣдемъ?—спросилъ донъ Рафаель у донны Бениты,—сегодня вы, дорогая матушка, должны избирать путь и направленіе.

— Ну, въ такомъ случаѣ, поѣдемте къ лѣсу!

— Хорошо,—весело согласился молодой человѣкъ, поворачивая своего коня въ указанномъ направленіи.

Всѣ, очевидно, остались довольны рѣшеніемъ донны Бениты и смотрѣли въ это утро бодро и весело.

VIII. Почему донъ Рафаель, послѣ объясненія съ братомъ, покинулъ ранчо и присталъ къ партіи Мексиканцевъ.

Прогулка продолжалась все такъ-же весело, какъ и началась.

Обѣ дамы, казалось, положительно ожили на вольномъ деревенскомъ воздухѣ.

Одинъ видъ этого безбрежнаго океана зелени, разстилавшагося передъ ними во всѣ стороны, взбиравшагося съ одной стороны на высокія горныя скаты, а съ другой подступавшаго къ самымъ водамъ Тихаго океана, наполнялъ ихъ души веселіемъ и радостью.

Въ темной таинственной глуши этихъ самыхъ лѣсовъ онѣ родились и выросли и тамъ прошла вся ихъ жизнь, тихая, мирная, счастливая и спокойная.

Онѣ смотрѣли съ особой нѣжностью и любовью на эти высокія деревья съ ихъ зыбкими, качающимися отъ вѣтра могучими вершинами, любуясь этими волнообразными движеніями, этими дивными переливами зеленыхъ тканей, колеблемой вѣтромъ поверхности лѣса, по которому проходила такая-же зыбь и тѣже приливы и отливы, какъ и на поверхности моря.

Казалось, онѣ не могли вдоволь налюбоваться этимъ прелестнымъ и вмѣстѣ величественнымъ зрѣлищемъ; не только донна Ассунта, но и донна Бенита походили въ этотъ день на двухъ пансіонерокъ, долгое время сидѣвшихъ въ заперти въ темномъ душномъ карцерѣ и вдругъ выпущенныхъ на свободу, на широкій просторъ, гдѣ много воздуха и свѣта.

Какъ только кто-нибудь изъ двухъ братьевъ рѣшался сдѣлать какое-либо замѣчаніе, онѣ обѣ разомъ вскрикивали:

— Ахъ, нѣтъ! Еще, пожалуйста, еще немного!

Тогда братья обмѣнивались многозначительнымъ взглядомъ и отворачивались, чтобы скрыть отъ дамъ странную улыбку, пробѣгавшую по ихъ лицамъ.

Уже болѣе четырехъ часовъ маленькая кавалькада подвигалась все впередъ въ глубь лѣса, куда глаза глядятъ, не избирая, повидимому, никакого опредѣленнаго направленія и не справляясь со временемъ. Между тѣмъ лѣсъ густѣлъ, становился все чаще и темнѣе, вѣковые великаны выростали со всѣхъ сторонъ и все тѣснѣе и тѣснѣе обступали ихъ. Порою испуганная антилопа или дикая козочка выскакивала изъ чащи лѣса и съ невѣроятной быстротой перебѣгала имъ дорогу; Мѣстность казалась все болѣе дикой, разнообразной и, слѣдовательно, живописной.—Они находилися на границѣ дѣвственной части лѣса.

— Матушка! — сказалъ вдругъ донъ Рафаель, — мы заѣхали очень далеко отъ Тепика, и мнѣ кажется, намъ пора было-бы вернуться назадъ!

— Ахъ, почему-же? — весело сказала она, — намъ здѣсь такъ хорошо!

— Нѣтъ, нѣтъ, зачѣмъ намъ возвращаться теперь, такъ скоро? Въ Тепикъ-то мы всегда еще успѣемъ вернуться!— съ живостью запротестовала донна Ассунта.

— Я сильно сомнѣваюсь! — сказалъ донъ Лопъ, — такъ какъ если мы будемъ продолжать подвигаться впередъ все въ этомъ направленіи, то будемъ уходить все дальше и дальше отъ города.

— А, такъ вамъ уже надоѣло кататься съ нами, кабаллеро?— насмѣшливо воскликнула донна Ассунта.

— Нѣтъ, нисколько! Да вы сами это прекрасно знаете, кузина,—сказалъ донъ Рафаель добродушнымъ тономъ,— но тутъ является довольно важное обстоятельство.

— Какое?—тревожно освѣдомилась донна Бенита.

— Ахъ, не вѣрьте ему, мамаша,—смѣясь, сказала молодая дѣвушка, — эти кабаллеро просто ищутъ предлога поскорѣе отдѣлаться отъ насъ.

— Ну, возможно ли приписывать намъ такія низкія

чувства, намъ, которые такъ старались доставить вамъ это удовольствіе, и такъ самоотверженно приносимъ себя въ жертву малѣйшимъ вашимъ капризамъ, прихотямъ и желаніямъ?!

— Приносите себя въ жертву! вотъ это мнѣ нравится!— расхохоталась донна Ассунта,—ну, да, но, кажется, вы уже начинаете тяготиться вашимъ самопожертвованіемъ и были-бы весьма рады снова свести и запереть насъ въ тюрьму.

— Ахъ, кузина, я съ сожалѣніемъ и прискорбіемъ замѣчаю, что вы злы; это я, впрочемъ, давно уже подозрѣвалъ!

— Ого! видите, мама, мой кузенъ не находитъ болѣе, что сказать, и теперь старается задѣть меня, чтобъ увернуться,—все продолжая смѣяться, сказала Ассунта, — фи, сеньоръ, какъ это гадко!

— Вы скоро раскаетесь въ вашихъ словахъ, синьорита!— трагическимъ тономъ произнесъ донъ Рафаель,—и принуждены будете сознаться, что были не правы по отношенію ко мнѣ, который только о васъ и думаетъ!

— О, никогда! — воскликнула она все такъ же шаловливо.

— Полно, дѣвчурочка, не дразни его, — сказала донна Бенита,—дай ему объяснить, въ чемъ дѣло!

— Объяснить, въ чемъ дѣло! да онъ и самъ-то этого не можетъ. Просто, эти кабаллеро ищутъ предлога избавится отъ насъ, вотъ и все. Но что бы ни говорилъ мой братецъ, я вовсе не зла, и потому согласна выслушать, если только онъ можетъ сказать что нибудь дѣльное. А вы, мамита, вѣдь тоже непрочь узнать, что это за важное обстоятельство?

— Да дѣйствительно!—Ну, говори же Рафаель, мы тебя слушаемъ!

— Я имѣю сказать вамъ только нѣсколько словъ, дорогая матушка, чтобы доказать, что я правъ,—вымолвилъ молодой человѣкъ, бросая насмѣшливый взглядъ въ сторону своей кузины, которая тутъ-же громко разсмѣялась ему прямо въ лицо. — Дѣло въ томъ, что не предполагая, что

наша прогулка можетъ такъ затянуться, ни я, ни братъ не подумали захватить ничего съѣстнаго.

— Такъ что мы рискуемъ умереть съ голода, если только мы не примемъ надлежащихъ мѣръ,—сказалъ донъ Лопъ.— Правда, это не особенно важно! — насмѣшливо добавилъ онъ.

— Да, дѣйствительно, это довольно серьезное обстоятельство!—сказала донна Бенита.

— Ну, да, предлогъ найденъ весьма удачный и за неимѣненіемъ лучшаго надо удовольствоваться этимъ!

— Ага! что вы на это скажете, кузина? — смѣясь спросилъ донъ Рафаель.

— Скажу, что этому горю не трудно пособить. Здѣсь, въ лѣсу, много съѣстного; кромѣ того, я сильно подозрѣваю, что ваша забывчивость не случайная, а преднамѣренная!

— А, вы не признаете себя не правой!?

— Нисколько! вѣдь мы здѣсь не въ безплодной пустынѣ! Здѣсь повсюду должны быть пуэбло, гдѣ насъ охотно примутъ и накормятъ; и если я не ошибаюсь, — да нѣтъ! я почти увѣрена,—сейчасъ не далеко до Пало Мулатосъ.

— Неужели!?—взволнованнымъ голосомъ спросила донна Бенита.

— А а, видите! что я вамъ говорила, mamita?!

— Но въ такомъ случаѣ, о чемъ-же намъ думать, вѣдь у насъ есть друзья и родные въ Пало-Мулатосъ, тамъ будутъ рады намъ! Почему-бы намъ не проѣхать туда?

— Какъ вамъ будетъ угодно, матушка!

— А далеко еще отъ сюда до пуэбло?

— Не болѣе мили!

— Хмъ! видите какіе они злые, мамита!

— Ну, такъ поѣдемте въ Пало-Мулатосъ!—сказала донна Бенита.

— Черезъ мостъ Ліанъ! — воскликнула молодая дѣвушка.

— Да, да,—живо поспѣшила поддакнуть донна Бенита,— это будетъ для меня такимъ счастіемъ!

— Слушаю, матушка, всѣ ваши желанія равносильны приказаніямъ для насъ обоихъ!

— Да, да, теперь прикидывайтесь ласковымъ, когда ужъ я успѣла изобличить васъ, сеньоръ! Нѣтъ, теперь ужъ поздно! теперь ужъ насъ не проведете!—снова засмѣялась молодая дѣвушка.

Братья опять обмѣнялись многозначительнымъ взглядамъ и по лицамъ ихъ мелькнула та же странная улыбка.

— Я полагаю, что мостъ Ліанъ не выдержитъ тяжести нашихъ четырехъ коней,—смѣясь сказалъ донъ Лопъ,— и мы рискуемъ провалиться въ рѣку и познакомиться съ аллигаторами.

— Да, это правда,—согласилась донна Бенита,—что же намъ дѣлать?

— Ну, это плохая отговорка! — воскликнула донна Ассунта,—мы можемъ перейти черезъ мостъ пѣшкомъ, а лошадей можно привязать къ дереву!

— И ихъ украдутъ у насъ!—насмѣшливо сказалъ донъ Лопъ.

— Нѣтъ, не украдутъ, если вы останетесь сторожить ихъ сеньоръ!—тѣмъ же тономъ отвѣтила молодая дѣвушка.

— Лучше всего намъ будетъ переправиться черезъ рѣку по другому мосту, который, я знаю, всего въ какихъ-нибудь ста шагахъ отъ моста Ліанъ; тамъ мы ничѣмъ не рискуемъ.

— Да, но мнѣ хотѣлось бы проѣхать черезъ нашу полянку!—сказала донна Бенита.

— И мнѣ также!—живо подтхватила Ассунта.

— Хорошо, мы проѣдемъ по ней!

— Ѣдемте же скорѣе!—сказала донна Бенита.

Весь этотъ разговоръ происходилъ на ходу, но теперь всѣ прибавили шагу, и маленькая кавалькада быстро понеслась впередъ.

Донъ Рафаель свернулъ немного влѣво, выѣхалъ на другую дорожку,—и, спустя нѣсколько минутъ они очутились у самой рѣки противъ моста, который оказался мостомъ Ліанъ.

— Ахъ, я ошибся!—воскликнулъ онъ слегка разочарованнымъ тономъ,—но это не бѣда Это задержитъ насъ всего на нѣсколько секундъ, я сейчасъ...

— Нѣтъ, нѣтъ,—перебила его Ассунта, проворно соскочивъ съ сѣдла,—тѣмъ хуже для васъ, если вы ошиблись. Разъ вы сами привели насъ сюда съ намѣреніемъ или безъ, все равно, — мы уже не согласны ждать болѣе и переправился черезъ мостъ Ліанъ, не такъ ли, мамита?

— Да, милое дитя!—отвѣчала донна Бенита, которая также съ помощью дона Лопа сошла съ лошади,—лошадей пусть стережетъ кто хочетъ, а я перехожу на ту сторону!—весело крикнула она.

— Не будьте безразсудны, умоляю васъ, подождите насъ!

Лошадей привязали къ дереву.

— Да кто-же будетъ караулить коней?—спросила донна Ассунта.

— Ба!—весело воскликнулъ донъ Лопъ,—они сами себя укараулятъ — пойдемте сестрица! — и онъ предложилъ ей руку.

— Ну, съ Богомъ!—весело отозвалась она, взявъ его подъ руку,—идемъ!

— Да, да, идемъ!—сказала и донна Бенита, взволнованная до послѣдней крайности.

Какъ мы уже говорили раньше, мостъ Ліанъ представлялъ собою длинный крытый коридоръ, въ которомъ не было никакой возможности видѣть того, кто шелъ по немъ, а тотъ, въ свою очередь могъ видѣть все протяженіе рѣки вправо и влѣво, за то не могъ видѣть, что было позади или впереди вслѣдствіе довольно рѣзкаго изгиба, который мостъ дѣлалъ въ началѣ и въ концѣ, т. е. у обоихъ береговъ рѣки.

Донна Бенита шла подъ руку съ дономъ Рафаелемъ, а Ассунта подъ руку съ дономъ Лопъ. Они осторожно проходили по этому своеобразному мосту, покачивавшемуся у нихъ подъ ногами и по временамъ внезапно содрогавше-

муся, что для непривычнаго человѣка было довольно непріятно.

Но какъ ни медленно шли наши друзья, все же подвигались съ каждымъ шагомъ впередъ и вскорѣ достигли конца моста, но благодаря густой, непроницаемой завѣсѣ листвы ліанъ трудно было судить, много-ли еще осталось моста впереди или же онъ уже кончился.

— Остановимся здѣсь,—сказалъ донъ Рафаель,—мы уже пришли къ концу моста, мы съ братомъ спустимся раньше и примемъ васъ въ наши объятія,—но только вамъ придется повернуться сюда спиной, чтобы намъ удобнѣе было поднять васъ.

— Ну, ужъ много же церемоній вы придумали, чтобы соскочить на землю!—подтрунивая, воскликнула молодая дѣвушка.

— Не шутите, кузина, этотъ мостъ очень опасенъ, а мы вѣдь въ отвѣтѣ за васъ,—сказалъ донъ Рафаель,—и не хотимъ, чтобы съ вами на нашихъ глазахъ и по нашей винѣ случилось несчастіе!

— Ну, слава Богу!—засмѣялась она,—и чтобы наградить васъ за такую заботливость о насъ, вы должны будете поднять меня.

— Весьма польщенъ!

Молодые люди ловко соскочили на берегъ и, какъ видно, безъ особыхъ предосторожностей, такъ что и дамы тоже могли бы безъ труда спуститься, но у двухъ братьевъ были свои причины поступать иначе.

Обѣ дамы вскрикнули отъ ужаса при страшномъ толчкѣ и сотрясеніи, какое прошло по мосту въ тотъ моментъ, когда молодые люди соскочили; въ тотъ же моментъ онѣ почувствовали, что сильныя руки обхватили ихъ за талію и осторожно поставили на землю.

Онѣ обернулись и вздрогнули; крикъ радости и восхищенія, готовый вырваться изъ ихъ устъ, замеръ у нихъ въ въ горлѣ.

Въ полу забытьѣ, чуть не лишившись чувствъ, онѣ упали

на руки двухъ братьевъ, но вскорѣ очнулись и пришли въ себя, хотя все еще продолжали не вѣрить своимъ глазамъ при видѣ того, что представилось ихъ взорамъ, когда онѣ обернулись.

Нигдѣ не было и слѣда пожара! Отстроенный по прежнему плану ранчо стоялъ, какъ и раньше, среди кустовъ, весь окруженный густою зеленью, будто онъ никогда и не сгоралъ. И конюшни, и надворныя постройки, и гигантъ Махогони съ обступившей его со всѣхъ сторонъ кучкой другихъ деревьевъ: все было на своемъ прежнемъ мѣстѣ, какъ и до катастрофы.

Тамъ и сямъ, на опушкѣ лѣса, прячась въ тѣни крайнихъ деревьевъ, виднѣлись маленькія хакали (хижины), вновь выстроенныя, и нѣсколько человѣкъ мужчинъ и женщинъ, стоя на порогѣ этихъ маленькихъ хиженъ, очевидно, ожидали кого-то.

По прогалинѣ шелъ пеонъ, направляясь къ конюшнямъ и ведя въ поводу четырехъ коней, въ числѣ которыхъ дамы узнали и двухъ своихъ.

— Боже мой! Боже мой!—воскликнула донна Бенита,— нѣтъ, этого не можетъ быть! Это какой то сонъ, галлюцинація!

— Нѣтъ, дорогая матушка, вы ошибаетесь! То, что вы видите, существуетъ на самомъ дѣлѣ!—ласково сказалъ ей донъ Рафаель.

— Возможно-ли?—прошептала донна Ассунта, не помня себя отъ удивленія,—это слишкомъ большая радость!

— Матушка,—продолжалъ донъ Рафаель, — вы положительно задыхались въ стѣнахъ Тепика. И вы, и Ассунта, родились въ тѣни этихъ лѣсовъ, вамъ не хватало воздуху, приволья и свободы нашей зеленой дубравы. Но покорныя своей участи жертвы, вы молча переносили эту затворническую жизнь, хотя она и отзывалась на вашемъ здоровьѣ. На насъ съ братомъ лежала священная обязанность позаботиться о васъ и прекратить ваши мученія, вернувъ

васъ къ прежней привольной жизни, по которой вы стосковались. Простите насъ, если мы слишкомъ долго промедлили. Но намъ пришлось такъ много исправлять, возстановлять, что, несмотря на наше сильное желаніе, мы не могли ранѣе сегодняшняго дня привезти васъ сюда, гдѣ, если только вы того пожелаете, вы можете остаться на всегда!

— О, мы никогда, никогда не покинемъ добровольно этого ранчо! — восторженно воскликнула донна Бенита, — здѣсь я хочу и жить, и умереть! Благодарю васъ, дѣти мои, дорогіе друзья мои, Богъ да благословитъ васъ за все то счастіе, какое вы мнѣ даете въ этотъ моментъ. Вѣдь, я была такъ далека отъ мысли, что меня ожидаетъ такая радость!

— Ахъ, гадкіе, злые и хитрые, какъ вы обманули насъ! — весело воскликнула молодая дѣвушка, — какъ коварно и удачно былъ задуманъ и выполненъ вашъ планъ! Какъ хитро вы съумѣли провести насъ, дѣлая видъ, что уступаете только нашему желанію вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ сами вы хотѣли, во что-бы то ни стало, привести насъ сюда!

Молодые люди весело разсмѣялись, потирая отъ удовольствія руки.

— Что же, вы все еще сердитесь на насъ, сестрица? — спросилъ донъ Рафаель.

— Нѣтъ, вы добры, и я люблю васъ обоихъ за то, что вы стараетесь сдѣлать насъ счастливыми, насколько это въ вашей власти!—сказала она съ чувствомъ.

— Да, да! — прошептала донна Бенита, утирая тихія слезы радости.

— Однако,—сказалъ донъ Лопъ, предлагая руку доннѣ Бенитѣ,—не будемъ оставаться здѣсь слишкомъ долго, матушка: насъ ожидаютъ тамъ,—да не желаете-ли вы осмотрѣть ранчо внутри?

— Ахъ, да пойдемте, пойдемте скорѣе!—сказала она.

— Рафаель! — начала взволнованнымъ голосомъ донна Ассунта, опираясь на руку молодого человѣка,—чѣмъ я могу

хоть сколько нибудь отблагодарить васъ за то счастіе, какое вы доставили мнѣ сегодня?

— Любя меня, какъ я люблю васъ, моя дорогая! — отвѣтилъ онъ, нѣжно прижимая къ груди ея руку.

— О, мой возлюбленный! — прошептала она дрожащимъ голосомъ — я не могу любить васъ больше и сильнѣе, чѣмъ оно есть: я дрожу отъ волненія при звукѣ вашего голоса; душа моя сливается съ вашей душой и я перестаю быть сама собою, когда вижу и слышу васъ. О, какъ мы будемъ счастливы, когда Господь благословитъ когда-нибудь союзъ нашъ!

— Увы! это счастливое время еще очень далеко! — сказалъ со вздохомъ донъ Рафаель.

— А, можетъ быть, и нѣтъ! Возлюбленный мой, не знаю почему, но мнѣ кажется, что брату вашему извѣстно про нашу любовь.

— Боже мой!

— Не безпокойтесь, я вѣрю въ Лопа, все его поведеніе по отношенію ко мнѣ, доказываетъ, что я не ошибаюсь. Что-то говоритъ мнѣ, что онъ великодушно пожертвовалъ своей любовью ради нашего счастья.!

— Неужели это возможно?

— Да, я внутренно убѣждена въ этомъ; не знаю почему, но мнѣ кажется, что онъ невидимо присутствовалъ при томъ нашемъ разговорѣ, который вы вѣрно помните, Рафаель?

— Помню-ли я? о, Ассунта! — воскликнулъ молодой человѣкъ.

— Такъ вотъ съ самаго того дня обращеніе Лопа со мной совершенно измѣнилось и онъ сталъ относиться ко мнѣ, какъ къ старшей сестрѣ, а не какъ къ кузинѣ, за которой не прочь-бы поухаживать.

— Вы такъ думаете?

— Мы женщины, — лукаво улыбаясь, сказала она, — рѣдко ошибаемся въ такого рода вещахъ; мы съ перваго-же взгляда, съ перваго слова умѣемъ отличить, гдѣ любовь и гдѣ дружба!

— Прекрасно, но какъ быть, чтобы вполнѣ удостовѣриться въ этомъ? Вы знаете, какъ я люблю моего брата! Я ни за что на свѣтѣ не соглашусь причинить ему ни малѣйшаго огорченія, а не только такое горе, какое онъ долженъ будетъ испытать въ томъ случаѣ, если онъ не отказался окончательно отъ мысли жениться на васъ!

— Я прекрасно знаю все это, возлюбленный мой Рафаель; но ничего болѣе не могу теперь сдѣлать. Теперь это ваше дѣло; мои отношенія съ нимъ не тѣ, чтобы я могла вызвать его на объясненіе, тѣмъ болѣе, что своимъ до крайности сдержаннымъ, почти церемонно вѣжливымъ отношеніемъ ко мнѣ онъ дѣлаетъ всякое объясненіе подобнаго рода совершенно невозможнымъ!

— Да, это весьма затруднительно!—вымолвилъ донъ Рафаель, задумчиво качая головой:

— Правда, но только этой цѣною мы можемъ купить свое счастіе!

— Да, и я попытаюсь, если ужъ это такъ необходимо, но признаюсь, сердце мое надрывается при мысли, что я долженъ буду причинить брату такое горе!

— Быть можетъ, и не столь большое, какъ вы предполагаете!—сказала она улыбаясь.

— Но развѣ можно видя васъ ежечасно, не любить васъ?—влюбленно прошепталъ донъ Рафаель.

— Льстецъ!—улыбаясь вымолвила она,—Лопъ меня любилъ,—я это знаю,—онъ любилъ меня страстно, горячо,—все это правда, но теперь онъ не любитъ меня, какъ прежде!

— Нѣтъ, это невозможно!—воскликнулъ донъ Рафаель.

— Дорогой возлюбленный мой, знайте, что любовь живетъ и питается главнымъ образомъ надеждой.

— Да, это правда!

— Отнимитъ надежду,—и любовь умретъ!

— О, нѣтъ! — сказалъ онъ, отрицательно покачавъ головой.

— Нѣтъ, это такъ! это законъ природы: надо или жить, или умереть. И вашъ братъ уже не любитъ меня тою стра-

стной любовью, какою любилъ раньше. Страсть его ко мнѣ, которая была скорѣй мечтою, чѣмъ дѣйствительностью, ослабленная постоянной привычкой видѣть другъ друга, мало по малу, перешла въ дружбу подъ разумнымъ давленіемъ его разсудка. У него хватило силы воли, хватило мужества взвѣсить на однихъ вѣсахъ свою страсть или любовь ко мнѣ, и свое братское чувство къ вамъ, Рафаель, и это послѣднее одержало верхъ. Да и мы, развѣ мы тоже почти не пожертвовали нашей любовью ради его спокойствія?

— Все это правда, прелестная моя проповѣдница, но...

— Итакъ, все это вѣрно, — продолжала она съ милой улыбкой,—то, что мы не задумывались сдѣлать для него, онъ сдѣлалъ самъ для насъ, для нашего счастія. Онъ сталъ бороться противъ своей страсти, мѣшавшей нашему благополучію. Это было мучительно тяжело для него, онъ ужасно страдалъ первое время, я это видѣла и страдала вмѣстѣ съ нимъ. Затѣмъ, мало-по-малу, и совершенно помимо его воли горе его смягчилось увѣренностью, что я не люблю его тою любовью, какой онъ ожидалъ отъ меня. Это помогло ему окончательно вырвать изъ своего сердца тщетную мечту обо мнѣ и о моей любви, и теперь если онъ и вспоминаетъ о ней когда либо, то только какъ о пріятномъ минувшемъ снѣ, развѣянномъ и разсѣяннымъ пробужденіемъ.

— Быть можетъ, вы правы, но что-же изъ этого?

— А то, что объясненіе, котораго, безъ сомнѣнія, ожидаетъ вашъ братъ, не будетъ такъ тягостно, какъ вы думаете, особенно если вы съумѣете приняться какъ слѣдуетъ за дѣло.

— О, я приложу всѣ старанія!

— И послушайтесь меня, дорогой другъ, кончайте скорѣе съ этимъ дѣломъ, вѣдь, вы, вѣроятно, страдаете не менѣе меня отъ этого ежечаснаго принужденія, которое мы возложили на себя?

— Да, конечно, это мнѣ очень тяжело, тѣмъ болѣе, что я ежеминутно опасаюсь выдать себя!

Вы правы, Ассунта, лучше разомъ покончить съ этимъ вопросомъ!

— И такъ, вы скоро съ нимъ поговорите?

— Сегодня же, если только представится удобный случай!

— Тѣмъ лучше,—но тшъ!... мы уже входимъ въ ранчо!— добавила она, приложивъ пальчикъ къ губамъ.

Люди, собравшіеся передъ входомъ, пошли на встрѣчу вновь пріѣзжимъ и привѣтствовали ихъ. Встрѣчавшихъ было около сорока человѣкъ, это были охотники и контрабандисты, которыхъ донъ Рафаель зналъ съ самаго ранняго своего дѣтства, все люди смѣлые, славные и честные, по своему, понятно. На этихъ людей молодой человѣкъ могъ смѣло положиться.

И вотъ, чтобы привлечь ихъ поближе къ ранчо и заставить оберегать спокойствіе двухъ женщинъ, а въ случаѣ надобности стать ихъ защитниками, донъ Рафаель придумалъ весьма простое и вмѣстѣ съ тѣмъ довольно остроумное средство. Онъ обратился къ доброму чувству и вмѣстѣ къ ихъ матеріальнымъ интересамъ. Все это были люди бѣдные, даже очень бѣдные. Онъ приказалъ построить для нихъ на свой счетъ, для каждой отдѣльной семьи, по прочной маленькой хижинѣ, достаточно помѣстительной, впрочемъ, чтобы пріютить цѣлую семью; обставилъ эти домики всякой необходимой мебелью, снабдилъ простой утварью и давъ ко всему этому въ придачу провіанту на цѣлые полъ года, подарилъ въ вѣчное и потомственное владѣніе каждому по такому домику со всѣми его принадлежностями. Къ этому крупному дару онъ добавилъ еще полное вооруженіе для мужчинъ, а именно: далъ каждому изъ нихъ по ружью и по боченку пороха, по двадцати фунтовъ свинцу, по здоровому топору, по мачете и доброму ножу.

За всѣ эти блага молодой человѣкъ поставилъ единственнымъ условіемъ, чтобы эти люди обязались честнымъ словомъ всегда охранять и, въ случаѣ надобности, защищать донну Бениту и донну Ассунту отъ всякаго рода опасности и нападенія.

Всѣ съ радостію согласились на это условіе тѣмъ болѣе, что большинство изъ нихъ были люди семейные, сами имѣли женъ и дочерей, и понимали положеніе беззащитныхъ женщинъ. Кромѣ того, всѣ они знавали дона Сальватора и не разъ охотились и провозили контрабанду вмѣстѣ съ нимъ, а потому, чтя его память и будучи благодарны ему за его справедливые дѣлежи барышей въ общемъ дѣлѣ, люди эти были очень рады служить и быть полезными его семьѣ, тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ этимъ представлялся случай выбиться изъ нужды, съ которой имъ до того времени приходилось постоянно бороться.

Эта затѣя стоила молодому владѣльцу ранчо около двухъ тысячъ піастровъ, что составляетъ до десяти тысячъ франковъ, но онъ нисколько не жалѣлъ объ этихъ деньгахъ, зная, что этимъ обезпечиваетъ безопасность двухъ самыхъ дорогихъ ему существъ.

Эти новые жители полянки привѣтствовали пріѣзжихъ съ величайшей радостью и увѣряли ихъ въ искренности своихъ чувствъ. Донна Бенита и Ассунта знали ихъ почти всѣхъ въ лицо, и потому имъ было особенно пріятно вновь увидѣть ихъ. Затѣмъ всякій изъ нихъ вернулся къ своимъ занятіямъ.

Дойдя до входа, донна Бенита съ радостью замѣтила, что здѣсь ихъ ожидалъ пеонъ, который находился при нихъ въ городѣ.

Согласно распоряженію дона Рафаеля, слуги выѣхали вслѣдъ за своими господами и, избравъ кратчайшій путь, успѣли прибыть въ ранчо настолько раньше хозяевъ, что имѣли возможность приготовить здѣсь завтракъ и устроить все необходимое.

— Прежде всего, пойдемте навѣстить того, кого нѣтъ съ нами!—грустно сказала донна Бенита, переступивъ порогъ дома.

— Пойдемте, матушка!—сказалъ донъ Рафаель.

Онъ провелъ дамъ черезъ ранчо и отворилъ дверь, ведущую въ тѣнистую и густолиственную, какъ самый лѣсъ

уерту; избравъ извилистую дорожку, донъ Рафаель остановился среди густой группы деревьевъ, образовавшихъ маленькую тѣнистую рощицу, обведенную кругомъ зеленой дерновой скамьей; въ центрѣ лежала мраморная плита, на которой было вырѣзано имя покойнаго ранчеро.

Всѣ четверо умиленно опустились на колѣни и долго молились надъ этою могилой.

— Я часто буду приходить сюда!—растроганнымъ голосомъ сказала донна Бенита.

— Какъ видите, все здѣсь приспособлено такъ, чтобъ это мѣсто могло стать retiro, мѣстомъ уединенія, излюбленнымъ уголкомъ!—замѣтилъ улыбаясь донъ Рафаель и при этомъ обратилъ вниманіе вдовы на два качальныя кресла, нѣсколько стульевъ, столикъ и гамакъ, подвѣшенный тутъже, вблизи дорогой могилы.

— Сынъ мой, дорогой Рафаель!—воскликнула растроганная женщина, сжимая его руку въ своихъ, — право, вы мнѣ даете слишкомъ много радости. Я не знаю даже, какъ благодарить васъ за все это?!

— Дорогая матушка,—сказалъ донъ Рафаель, взявъ руку брата и крѣпко сжимая ее въ своей,—насъ двое, и мы оба не имѣемъ другого желанія, какъ только угодить вамъ и видѣть васъ счастливою—и чтобы исполнить эту пріятную для насъ обязанность, мы и обдумывали и рѣшали все вмѣстѣ, что одинъ изъ насъ находилъ въ своемъ сердцѣ, то осуществлялъ и приводилъ въ исполненіе другой.

— Дорогой Лопъ,—любовно проговорила донна Бенита,— вы знаете, что я люблю васъ обоихъ одинаково, и что оба вы равно дороги моему сердцу, въ душѣ я отдаю вамъ обоимъ полную справедливость, но если чаще обращаюсь съ своею рѣчью къ Рафаелю, который старше васъ—то это еще вовсе не значитъ, чтобы я думала и говорила о немъ одномъ—нѣтъ, обращаясь къ нему, я обращаюсь въ равной мѣрѣ къ обоимъ вамъ, а потому не обижайся на меня, дорогой мой Лопъ, если я въ разговорѣ чаще произношу его имя, чѣмъ твое — это не болѣе, какъ наружное ничего не

значущее различіе, но въ душѣ я не дѣлаю между вами никакого различія, вѣрьте мнѣ!

— Я это знаю, матушка, и отъ всей души благодарю васъ, я слишкомъ люблю брата, чтобы въ чемъ-либо завидовать ему. Я люблю все то, что любитъ онъ и всѣхъ тѣхъ, кто любитъ его,—добавилъ Лопъ, улыбаясь, — но какъ младшій, я знаю и постоянно помню, что мое чувство всегда должно уступать первый шагъ его чувству; насъ ничто не можетъ разлучить или разрознить; въ этомъ я клянусь надъ могилой моего дорогого отца.

— Благодарю тебя, дорогой братъ! — сказалъ донъ Рафаель, привлекая брата въ свои объятія и прижимая его къ своей груди.—Да, наша дружба и братская любовь слишкомъ искренни и слишкомъ священны, чтобы ихъ могли поколебать какіе бы то ни было грядущія событія!—Братья еще разъ обнялись и поцѣловались; затѣмъ всѣ покинули тѣнистую рощицу близь могилы, предварительно осыпавъ ее душистыми цвѣтами и прошептавъ надъ ней тихое „до свиданія!“. Оттуда всѣ вернулись въ ранчо, чтобы осмотрѣть его, такъ какъ раньше дамы только прошли по комнатамъ, ничего не замѣчая.

Расположеніе комнатъ, даже мебели, — все было совершенно то-же, что и прежде. Каждая, даже мелкая вещица стояла на своемъ мѣстѣ. Комната покойнаго ранчеро осталась въ томъ же видѣ, въ какомъ онъ ее покинулъ, ничто не измѣнилось. Все было разставлено и разложено такъ, какъ будто покойный только что вышелъ оттуда на прогулку и съ минуты на минуту долженъ былъ вернуться.

Обѣ женщины были чрезвычайно взволнованы во время осмотра ранчо. А когда всѣ сѣли за завтракъ, донна Бенита тихо вздохнула, и сказала:

— Ахъ, какъ жаль покидать все это. Намъ было-бы такъ хорошо здѣсь!

— О, да—прошептала и донна Ассунта,—здѣсь мы, по крайней мѣрѣ, могли бы пользоваться воздухомъ и просторомъ!

— Но почему-же вамъ не остаться здѣсь?—сказалъ донъ Рафаель.

— Послѣ того, что здѣсь случалось,—продолжала донна Бенита,—наша личная безопасность требуетъ, чтобы мы до окончанія этой ужасной войны жили въ Тепикѣ.

Молодые люди переглянулись и улыбнулись.

— Теперь положеніе измѣнилось,—сказалъ донъ Рафаель—вы будете здѣсь въ полной безопасности!

— Какъ? что вы хотите этимъ сказать? Я едва смѣю вѣрить тому, что вы говорите. Мы были бы такъ счастливы, если бы намъ не нужно было уѣзжать отсюда!

— Въ данномъ случаѣ это зависитъ только отъ васъ!— И молодой человѣкъ подробно сообщилъ имъ, что они съ братомъ сдѣлали для обезпеченія ихъ безопасность въ ранчо. Обѣ женщины слушали его съ величайшимъ вниманіемъ.

— Вотъ, почему,—докончилъ донъ Рафаель,—мы съ братомъ ежедневно отлучались съ разсвѣтомъ и возвращались поздно вечеромъ; мы ѣздили на работы, чтобы присматривать за всѣмъ и устроить все такъ, какъ хотѣли. Ну, а теперь, когда вамъ все извѣстно, рѣшайте сами, желаете-ли вы вернуться обратно въ городъ или остаетесь здѣсь?

— Мы остаемся!—взволнованнымъ голосомъ сказала донна Бенита,—и надѣюсь, мнѣ никогда не придется болѣе возвращаться въ Тепикъ!

И такъ, вопросъ этотъ былъ окончательно рѣшенъ и вся семья поселилась по прежнему въ своемъ любимомъ ранчо. Вечеромъ того же дня, послѣ того какъ дамы отошли ко сну, братья, покуривая свои сигаретты, гуляли по уертѣ.

Долгое время оба они шли молча другъ подлѣ друга. Казалось, оба размышляли о чемъ-то.

— Ты что то грустенъ, братъ?—вдругъ замѣтилъ донъ Лопъ.

— Нѣтъ!—какъ-бы встрепенувшись, отозвался донъ Рафаель—я просто думаю.

— О чемъ, или о комъ? смѣю спросить.

— Къ чему! Я просто мечталъ, а ты самъ знаешь, что

мечты не пересказываются и не передаются, ихъ трудно даже объяснить другому лицу.

— Ну, не всегда,—вѣдь это же не тайна, между нами нѣтъ ни тайнъ, ни секретовъ другъ отъ друга; а впрочемъ, я могъ-бы даже самъ тебѣ сказать о комъ ты думалъ сейчасъ.

— Ого!—сказалъ донъ Рафаель, только для того, чтобы сказать что-нибудь.

— Ты думалъ объ Ассунтѣ!

— Почему ты такъ думаешь?

— Я не только думаю, но увѣренъ въ этомъ; и почему тебѣ не любить ее?

— А тебѣ?—спросилъ донъ Рафаель, останавливаясь на мѣстѣ и глядя брату прямо въ лицо.

— Я не люблю ее, потому что знаю, что она любитъ тебя, а не меня, и что меня она никогда полюбить не можетъ!

— Братъ! что ты говоришь!—воскликнулъ донъ Рафаель дрогнувшимъ голосомъ.

— Не будемъ, Рафаель, играть словами, будемъ чистосердечны и откровенны, какъ всегда: я не хочу, слышишь-ли ты, не хочу, чтобы женщина, будь она даже такъ прекрасна, какъ ангелъ, набросила тѣнь на нашу дружбу!

Донъ Рафаель протянулъ брату обѣ руки.—Дорогой братъ!—сказалъ онъ съ чувствомъ. Не прерывай меня, сказалъ Лопъ, я хочу все сказать тебѣ: Я любилъ Ассунту. Какимъ путемъ эта любовь подкралася ко мнѣ, не могу сказать, я даже самъ не знаю: вѣроятно, было и съ тобой.

— Да!—прошепталъ донъ Рафаель.

— Я таилъ эту любовь, какъ сокровище, едва смѣя признаться въ ней самому себѣ, но чувствовалъ, какъ она росла и крѣпла въ моей душѣ. И вотъ, какъ-то разъ, не помню теперь точно какого числа, но чуть-ли не наканунѣ того страшнаго дня, когда убили нашего отца, я случайно присутствовалъ, незамѣченный вами, при разговорѣ твоемъ съ Ассунтой. Я не подкараулиивалъ и не подслушивалъ васъ,

клянусь честью! Случайно пойманное слово открыло мнѣ глаза, я подошелъ ближе къ вамъ и когда услышалъ, какъ вы говорили обо мнѣ и какъ рѣшили отказаться отъ своего счастья на столь долгій срокъ, пока вы оба не удостовѣритесь въ томъ, что для меня ваша любовь не будетъ тяжелымъ ударомъ, я былъ тронутъ и пристыженъ. Я почувствовалъ себя такимъ ничтожнымъ, такимъ мелкимъ передъ вами, что тутъ же рѣшилъ вырвать эту любовь изъ моего сердца и не стоять на пути къ вашему счастію. Не стану скрывать отъ тебя, братъ, я ужасно страдалъ, вытерпѣвъ такую муку, какую въ словахъ передать нельзя. Это была какая-то страшная агонія, но я неутомимо боролся противъ своего чувства и, наконецъ, побѣдилъ его въ себѣ. Въ двадцать пять лѣтъ сердце мужчины или разбивается, или закаляется навсегда. Теперь все уже кончено, сердце мое закалилось: я никогда больше не полюблю ни одной женщины. Ассунту я люблю, какъ сестру, я достигъ и этого, наконецъ, а тебя, братъ, я люблю за то, что она любитъ тебя и увѣренъ въ умѣньи сдѣлать тебя счастливымъ!

— Ахъ, Лопъ, ты такъ великодушенъ, такъ самоотверженъ, что, право, я на твоемъ мѣстѣ не могъ-бы такъ поступить!

— Да, но вѣдь ты любимъ ею,—это громадная разница.— Но не будемъ болѣе говорить объ этомъ, отъ прежней любви моей у меня осталось одно милое дорогое воспоминаніе — а самая любовь ужъ умерла—клянусь тебѣ!

— Не теряй надежды, братъ! Какъ знать! быть можетъ, и ты когда нибудь...

— Ни слова болѣе! Другой Ассунты я не встрѣчу, а если-бы даже и встрѣтилъ, то не могъ бы полюбить ее: сердце мое на вѣкъ умерло для любви!

— Мы никогда не разстанемся съ тобой, Лопъ; я былъ-бы слишкомъ несчастливъ, если бы мнѣ предстояла разлука съ тобой!

— Ну, слава Богу! Я радъ, что слышу отъ тебя эти слова.

Теперь надо подумать о тебѣ и о Ассунтѣ: когда вы повѣчаетесь?

Лицо молодого человѣка вдругъ омрачилось.

— На насъ еще лежитъ одна священная обязанность, братъ,—сказалъ онъ,—пока отецъ нашъ не будетъ отомщенъ, я не могу и не хочу думать о своемъ счастьѣ!

— Это ты хорошо сказалъ, Рафаель! Прежде всего намъ надо не забыть объ отцѣ. Ты, вѣрно, знаешь, что о насъ и безъ того уже говорятъ не мало, съ тѣхъ поръ какъ мы съ тобой предприняли эти постройки.

— Что же говорятъ?

— Да многое, не особенно лестное и пріятное для насъ съ тобой.

— Что же именно?

— Говорятъ, что мы сначала рвали и метали, что слушая насъ, можно было думать, что отецъ нашъ будетъ отомщенъ черезъ двадцать четыре часа,—но, когда мы унаслѣдовали большое богатство и стали богатыми землевладѣльцами, наша жажда мщенія вдругъ утихла и мы ужъ перестали думать о покойномъ отцѣ, который изнываетъ въ своей кровавой могилѣ, между тѣмъ какъ мы думаемъ только о томъ, какъ строить хакали и прослыть великодушными благодѣтелями.

— Кто же смѣетъ такъ говорить про насъ?

— Да всѣ по-немногу!

— Хорошо-же, мы покажемъ имъ, что они очень заблуждаются на нашъ счетъ! Скажи, братъ, Гвадалупы все еще стоятъ на Auemada del buifra?

— Да, они были тамъ еще сегодня утромъ; неужели ты хочешь теперь уже отправиться къ нимъ?

— Да, сегодня въ ночь! люди правы: прошло уже два мѣсяца со дня смерти отца, а онъ еще не отомщенъ. Необходимо, чтобы наши сосѣди измѣнили свое мнѣніе о насъ и отдали намъ должную справедливость.

И такъ, я ѣду, и пусть на завтра всѣмъ станетъ извѣстно о моемъ отъѣздѣ!

— Это ужъ мое дѣло, объ этомъ не заботься!

— Что мнѣ сказать матушкѣ нашей и Ассунтѣ?

— Всю правду,—онѣ родились и выросли въ лѣсу, потому поймутъ, что такъ оно и должно быть!

— Главное, не забудь наказать нашимъ людямъ, чтобы они, какъ можно лучше охраняли ихъ, потому что и ты вѣдь скоро покинешь ранчо.

— Не безпокойся, я не забуду позаботиться о нихъ. Увы! На мою долю въ этомъ дѣлѣ выпала самая скверная роль.

— Вѣдь я же предлагалъ тебѣ взять это на себя, и теперь еще согласенъ помѣняться съ тобой ролями, если ты этого хочешь.

— Нѣтъ, нѣтъ, Рафаель! Я самъ избралъ свою роль, и съумѣю выполнить ее, какъ подобаетъ. Пусть лучше все будетъ такъ, какъ оно есть!

Послѣ того оба молодыхъ человѣка вернулись въ ранчо

— Поди, братъ, на конюшню и жди меня тамъ,—сказалъ донъ Рафаель,—да осѣдлай моего коня, чтобы мнѣ не задерживаться по пусту!

— Я полагаю, что конь будетъ для тебя совершенно лишнимъ.

— Почему?

— Да потому, что Гвадалупы продолжаютъ вести здѣсь войну и усердно занимаются мародерствомъ, а конь, ты знаешь, лакомый кусокъ, вѣдь всѣ они пѣшіе.

— Да, это правда, я объ этомъ и не подумалъ!

— Ну, въ такомъ случаѣ подожди меня здѣсь одну минуту,—и донъ Рафаель пошелъ въ свою комнату, гдѣ поспѣшно переодѣлся.

Когда онъ снова вернулся къ брату, то былъ положительно неузнаваемъ: на немъ былъ полный нарядъ лѣснаго жителя, начиная съ гетровъ выше колѣвъ и кончая мѣховой шапкой. У лѣваго бока висѣлъ продѣтый въ желѣзное кольцо мачете безъ ноженъ, а за поясомъ была засунута пара длинныхъ пистолетовъ, топоръ, ножъ, пороховница и мѣшечекъ съ пулями.

Между тѣмъ донъ Лопъ позаботился приготовить ему кое какіе съѣстные припасы, которые уложилъ въ сумку для дичи.

— Ну, пойдемъ,—сказалъ донъ Лопъ,—я хочу проводить тебя до опушки лѣса.

— Прекрасно! спасибо тебѣ братъ! — сказалъ донъ Рафаель.

Вдругъ отворилась дверь. Молодые люди разомъ обернулись; передъ ними стояла донна Ассунта, блѣдная, взволнованная, но съ выраженіемъ твердой рѣшимости въ лицѣ. Она сдѣлала шагъ впередъ и спросила съ невыразимой нѣжностью въ голосѣ.

— Вы уѣзжаете, Рафаель?

Тотъ не сразу рѣшился отвѣтить.

— О, не бойтесь, я не стану удерживать васъ, зная, какое важное дѣло призываетъ васъ, но только видя, что вы хотите уѣхать не простившись со мной, я пришла сама попрощаться съ вами.

— Дорогая, возлюбленная моя Ассунта, я полагалъ, что вы спите, и къ тому-же только нѣсколько минутъ тому назадъ рѣшилъ покинуть ранчо, иначе я...

— Это правда, сестрица,—живо перебилъ его донъ Лопъ и затѣмъ обращаясь къ брату, сказалъ,—такъ поцѣлуй же свою невѣсту, братъ: это обѣимъ вамъ принесетъ счастье и утѣшить васъ въ разлукѣ...

— Какъ? Неужели?—воскликнула она, недоумѣвая.

— Да, братъ Лопъ все знаетъ, возлюбленная моя, и сочувствуетъ нашей любви!

— Какой вы добрый и какъ я васъ люблю, дорогой братъ!—страстно воскликнула дѣвушка.

Тотъ улыбнулся и взялъ ее за руку.

— Что-же, сестреночка, проститесь-же съ нимъ!—ласково сказалъ онъ.

— Да, да,—заторопилась она,—до свиданія!

И вся трепещущая она упала въ объятія дона Рафаеля; съ минуту они прижимали другъ друга къ сердцу, а за-

тѣмъ, какъ-бы очнувшись, она вдругъ вырвалась изъ его объятій.

— Ну, до свиданія, мой дорогой!—и подставивъ ему свой лобъ для поцѣлуя и закрывъ мокрое отъ слезъ лицо руками, она убѣжала, какъ безумная, въ свою комнату.

Молодые люди крупными шагами перешли лужайку, не обмѣнявшись ни словомъ. Очутившись на опушкѣ лѣса, они порывисто заключили другъ друга въ объятія и затѣмъ донъ Рафаель, пожимая въ послѣдній разъ руку брата, промолвилъ:

— Итакъ, до воскресенья, братъ!

— До воскресенья!—отозвался тотъ.

Донъ Рафаель взялъ въ руку свое ружье и вскорѣ скрылся въ чащѣ лѣса.

IX. Какими различными путями братья стремились къ достиженію одной и той-же цѣли.

Прошло уже пять дней съ тѣхъ поръ, какъ донъ Рафаель, поселивъ свою мачиху и донну Ассунту во вновь отстроенномъ ранчо у моста ліанъ, неожиданно присталъ къ Мексиканскимъ инсургентамъ.

Эта новость, быстро распространившаяся среди окрестнаго населенія, а въ томъ числѣ и среди жителей деревни Пало-Мулатосъ, произвела самое благопріятное дѣйствіе. Тѣ лица, которыя громче другихъ кричали противъ безпечности и забывчивости молодого человѣка, теперь старались увѣрить всѣхъ, что онъ давно уже имѣлъ это намѣреніе и только, желая опезпечить безопасность мачихи и сестры, откладывалъ осуществленіе его до поры-до времени и что если онъ теперь присталъ къ сторонникамъ національной партіи, то, вѣроятно, главнымъ образомъ потому, что предполагалъ такимъ путемъ вѣрнѣе отыскать убійцу своего отца.

Но такъ какъ всякая медаль имѣетъ и свою оборотную

сторону, то на ряду со всѣми этими похвалами было не мало всякаго рода обидныхъ и оскорбительныхъ отзывовъ, приходившихся всецѣло на долю Лопа, который вмѣсто того, чтобы послѣдовать доброму примѣру своего старшаго брата, предпочелъ остаться при женщинахъ, проводя время въ безполезномъ бездѣйствіи и лѣни. Повидимому, онъ не имѣлъ ни малѣйшей охоты ставитъ на карту свое дрогоцѣнное существованіе ради удовлетворенія чувства мести, завѣщанной ему умирающимъ отцомъ наравнѣ съ дономъ Рафаелемъ.

Донъ Лопъ зналъ о всѣхъ этихъ обидныхъ и оскорбительныхъ для него отзывахъ и ѣдкихъ насмѣшкахъ по его адресу, но, странное дѣло, вмѣсто того, чтобы протестовать или стараться чѣмъ-либо оправдать себя, только пожималъ плечами, платя презрѣніемъ и, очевидно, не придавая никакой цѣны тому, что о немъ говорили.

Это еще болѣе возбуждало противъ него умы этого непримиримаго, воинственнаго населенія, въ средѣ котораго месть за безвинно пролитую кровь считалась положительно священнымъ долгомъ.

Многіе изъ лѣсныхъ охотниковъ намѣревались даже вызвать дона Лопа на объясненіе по случаю его неприличнаго для мужчины безучастія въ дѣлѣ кровавой мести и его презрѣнія къ общественному мнѣнію.

Преступленіе, совершенное въ ранчо у моста ліанъ, было слишкомъ ужасно и являлось несомнѣнно дѣломъ рукъ бандитовъ, совершившихъ его съ цѣлью грабежа и разбоя, а потому безнаказанность убійцы особенно возмущала сердца мстительнаго населенія лѣсовъ.

Со времени своего водворенія въ ранчо, донъ Лопъ ни разу не появлялся въ Пало-Мулатосъ; и вотъ, всѣ окрестные жители, охотники и контабандисты, съ нетерпѣніемъ ожидали воскресенья, желая убѣдиться, хватитъ-ли у него духа явно возстать противъ общественнаго негодованія и явиться къ воскресному богослуженію въ церковь пуебло.

Читатель, вѣроятно, помнитъ, что братья, разставаясь на

опушкѣ лѣса, назначили другъ другу свиданіе именно въ Пало-Мулатосѣ на воскресенье.

Это воскресеніе было какъ разъ праздникомъ Тѣла Христова, празднуемымъ очень торжественно и считающимся въ Мексикѣ чуть-ли не величайшимъ изъ всѣхъ праздниковъ.

Всѣ знали, что донъ Рафаель, назначенный капитаномъ либеральной арміи за тѣ нѣсколько дней, какъ онъ присталъ къ партіи инсургентовъ, не разъ уже успѣлъ отличиться беззавѣтной храбростью и смѣлостью въ схваткахъ съ испанскими войсками, и что ему было поручено командованіе тѣмъ отрядомъ либеральныхъ войскъ, который былъ испрошенъ священнослужителемъ церкви Пало-Мулатосъ у генерала, командующаго инсургентами, для экскортированія Святыхъ Даровъ во время процессіи, которою сопровождалась эта религіозная церемонія.

Вслѣдствіе всего этого общее любопытство было возбуждено до послѣдней крайности; всѣ ожидали, какого рода встрѣча должна будетъ произойти между двумя братьями. Многіе, зная съ давнихъ поръ смѣлость и гордый отважный нравъ дона Лопа, не сомнѣвались въ томъ, что онъ явится въ воскресенье въ Пало-Мулатосъ, чего-бы это ему ни стоило.

Наконецъ, поступилъ этотъ долго жданный день праздника Тѣла Христова. Солнце торжественно всплывало надъ надъ горизонтомъ; оба колокола маленькой церкви деревни Пало-Мулатосъ весело возвѣщали прихожанамъ о высокоторжественномъ праздничномъ днѣ. Женщины принялись убирать и украшать свои жилища, въ знакъ общаго веселія и праздничнаго настроенія. Нѣсколько временныхъ алтарей или жертвенниковъ устроены были тамъ и сямъ, на площади и улицахъ деревни, которые были усѣяны цвѣтами а въ отворенную дверь церкви виднѣлся разукрашенный и ярко освѣщенный сотнями свѣчей аналой, убранный вышивками и цвѣтами, и вынесенные на средину ковчежцы съ мощами святыхъ, серебрянныя изображенія святыхъ, за-

ранѣе приготовленныя для того, чтобы слѣдовать въ процессіи, равно какъ и роскошный, ярко-алый бархатный балдахинъ, богато расшитый золотыми блестками, подъ которымъ долженъ былъ шествовать каноникъ со Святыми Дарами, прибывшій вмѣстѣ съ двѣнадцатью или пятнадцатью священниками, викаріями и аббатами нарочно для этой высоко-торжественной церемоніи изъ кафедральнаго собора Гувадалахары. Хоръ дѣтей въ парадныхъ кафтанахъ ожидалъ момента идти впереди процессіи, а вновь купленный у командира французскаго комерческаго судна небольшой церковный органъ, доставленный, понятно, контрабандой, долженъ былъ сегодня впервые услаждать слухъ усердныхъ прихожанъ маленькой церкви.

Никогда еще этотъ великій день праздника Тѣла Христова не праздновался въ скромной общинѣ Пало-Мулатосъ съ такою роскошью и торжественностью.

Мы, кстати, замѣтимъ здѣсь, что мужчины, всѣ до единаго, по всегдашней своей привычкѣ имѣли при себѣ ружья, а за поясомъ мачете и навахи.

Это полное вооруженіе не только никого не тревожило, но даже не удивляло.

Часовъ около семи утра послышался веселый звукъ трубъ и отрядъ либеральныхъ солдатъ крупнымъ аллюромъ въѣхалъ въ пуебло въ строгомъ порядкѣ, такъ какъ за четыре года, что продолжалась война, инсургенты успѣли не только привыкнуть къ дисциплинѣ, но въ совершенствѣ изучили всѣ военные пріемы и маневры.

Этотъ отрядъ, воинственный и бодрый съ виду, производилъ прекрасное, отрадное впечатлѣніе. Онъ состоялъ изъ полутораста человѣкъ рядовыхъ при трехъ офицерахъ, капитанѣ, лейтенантѣ и вахмистрѣ.

Впереди всѣхъ со шпагою въ рукѣ ѣхалъ капитанъ—это былъ донъ Рафаель Кастилло. Отрядъ шелъ двумя эскадронами во главѣ перваго, по лѣвую руку капитана, ѣхалъ лейтенантъ (temente), а во главѣ второго вахмистръ (alferez).

Передъ отрядомъ выступали три трубача, три барабан-

щика и три флейтиста, предводительствуемые важнаго вида тамбурмажоромъ, Алькадъ пуебло въ своемъ торжественномъ, парадномъ нарядѣ съ высокой тростью, украшенной золотымъ набалдашникомъ, вышелъ на встрѣчу отряду и привѣтствовалъ его прибытіе, затѣмъ, предложивъ капитану размѣстить своихъ солдатъ по правую и по лѣвую сторону входа въ церковь, предоставилъ всѣ остальныя распоряженія начальнику отряда. Прибытіе дона Рафаеля было привѣтствовано всѣми мѣстными жителями съ большою радостью. Многіе изъ старыхъ охотниковъ и контрабандистовъ подходили къ нему и съ чувствомъ пожимали руку; молодые люди увѣряли его въ своемъ расположеніи, говоря, что, онъ, въ случаѣ надобности, всегда можетъ разсчитывать на нихъ, но всѣ въ одинъ голосъ сожалѣли о томъ, что у него такой братъ, какъ донъ Лопъ, и брались даже заставить его раскаяться въ своемъ поведеніи и въ нежеланіи отомстить за смерть отца.

Донъ Рафаель вмѣстѣ съ ними сожалѣлъ о поведеніи брата, но усиленно просилъ ихъ не вмѣшиваться въ это дѣло и предоставить дону Лопу поступать, какъ ему угодно. Онъ увѣрялъ ихъ, что донъ Лопъ не менѣе его возмущенъ насильственною смертью ихъ отца и не менѣе его сгораетъ жаждой мести, но что политическія убѣжденія Лопа иныя, чѣмъ его личныя, и что онѣ скорѣе клонятся на сторону испанцевъ, на что претендовать на него за это никто не вправѣ, потому что убѣжденія должны всегда быть свободны. Донъ Рафаель заключилъ свою рѣчь объявленіемъ, что любитъ брата больше всего на свѣтѣ и никому не дастъ его въ обиду, и что всякій, кто осмѣлится оскорбить его, будетъ имѣть дѣло лично съ нимъ самимъ, т. е. съ дономъ Рафаелемъ.

Вдругъ народъ на площади заволновался, толпа разступилась на двѣ стороны, оставляя широкій проходъ; при этомъ отовсюду послышались громкіе крики негодованія и гнѣва, посыпались угрозы. Донъ Рафаель обернулся и увидѣлъ, что причиною этого безпорядка являлся донъ Лопъ,

шедшій на нѣсколько шаговъ впереди донны Бениты и Асунты.

Донъ Лопъ былъ блѣденъ, но лицо его выражало твердую рѣшимость, а вся фигура дышала ледянымъ спокойствіемъ. Глаза его горѣли мрачнымъ огнемъ, а блѣдныя губы складывались въ ироническую улыбку.

Донъ Рафаель кинулся къ нему на встрѣчу, горячо пожимая его руки.

Легкая краска залила лицо дона Лопа, черты котораго на мгновеніе прояснились, и онъ отвѣчалъ на стратное рукопожатіе брата такимъ же горячимъ рукопожатіемъ.

Затѣмъ оба они пошли бокъ объ бокъ и никто не посмѣлъ воспрепятствовать имъ въ этомъ. Такимъ образомъ они проводили своихъ дамъ до дверей церкви, въ которую тѣ вошли однѣ, тогда какъ молодые люди снова вернулись на площадь, гдѣ ихъ тотчасъ же обступила густая толпа съ съ видомъ враждебности и недоброжелательства.

— Напрасно ты пришелъ сюда сегодня, братъ!—сказалъ донъ Рафаель.

— Можетъ быть!—надменно и небрежно отвѣтилъ молодой человѣкъ, окинувъ волнующуюся и ропщущую вокругъ него толпу презрительнымъ, холоднымъ взглядомъ,—можетъ быть, мнѣ-бы дѣйствительно слѣдовало оставаться спокойно въ нашемъ ранчо и допустить, чтобы передушили всѣхъ тѣхъ, которые замышляютъ теперь нанести мнѣ какую-нибудь кровную обиду и оскорбленіе, не сдѣлавъ ничего для предупрежденія грозящей имъ опасности!

— Что ты хочешь этимъ сказать, Лопъ?

— Я хочу сказать, что испанцы идутъ на васъ и въ данный моментъ всего въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ Пало-Мулатосъ — и что вмѣсто того, чтобы явиться сюда, рискуя на каждомъ шагу своей жизнью, для предупрежденія васъ, я, быть можетъ, сдѣлалъ-бы лучше, если-бы преспокойно остался дома и далъ передушить всѣхъ этихъ друзей, сосѣдей и односельчанъ, которые теперь отвергаютъ

меня и осыпаютъ незаслуженными оскорбленіями, тогда какъ я никогда не дѣлалъ имъ ничего кромѣ добра!

— Благодарю тебя, дорогой братъ! благодарю, ты поступилъ именно такъ, какъ я ожидалъ. Но вѣрны-ли эти вѣсти, дѣйствительно-ли подходятъ сюда испанцы?

— Клянусь честью! — воскликнулъ молодой человѣкъ громкимъ, дрожащимъ голосомъ,—я сказалъ правду; не пройдетъ часа, какъ они будутъ здѣсь; спѣшите къ нимъ на встрѣчу, если не хотите, чтобы они передушили и перебили вашихъ женъ и дѣтей!

— Вотъ тотъ человѣкъ, котораго вы оскорбляете и которому вы угрожаете!—воскликнулъ донъ Рафаель, указывая ошеломленной и пораженной неожиданностью толпѣ на дона Лопа,—онъ мститъ вамъ тѣмъ, что спасаетъ всѣхъ васъ отъ вѣрной смерти! А вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ его симпатіи на сторонѣ вашихъ враговъ!

— Да здравствуютъ братья Кастилло! — разомъ вырвался оглушительный крикъ изъ устъ всѣхъ присутствующихъ. Толпа заволновалась, зашумѣла, но на этотъ разъ была лишь шумная овація, а не угрозы.

— Вмѣсто того, чѣмъ такъ кричать,—сказалъ донъ Лопъ,— спѣшите встрѣтить врага!

— Къ оружію!—крикнулъ донъ Рафаель.

— Къ оружію!—стало раздаваться въ толпѣ.

— Заприте дѣтей, женщинъ и старцевъ въ церкви и баррикадируйте двери храма!—воскликнулъ донъ Лопъ.

Эта разумная мѣра предосторожности тотчасъ-же была приведена въ исполненіе и на площади мѣстечка не осталось никого, кромѣ большой толпы вооруженныхъ мужчинъ, полныхъ самой безумной рѣшимостью.

Братья крѣпко пожали другъ другу руки и обмѣнялись страннымъ, имъ однимъ понятнымъ взглядомъ, послѣ чего донъ Лопъ, считая, что онъ сдѣлалъ достаточно для людей, принадлежащихъ къ партіи, сторонникомъ которой онъ не былъ, завернулся въ свой зарапе и остался неподвижно стоять, прислонясь плечомъ къ входной двери церкви и оста-

ваясь, повидимому, безучастнымъ свидѣтелемъ того, что должно было сейчасъ произойти.

Донъ Рафаель, оказывается, обладалъ удивительными военными способностями и не смотря на то, что былъ еще почти новичекъ въ этомъ дѣлѣ, очень умно расположилъ свой отрядъ удачно съумѣлъ воспользоваться всякимъ удобнымъ пунктомъ, чтобы расположить людей подъ прикрытіемъ. Въ одну минуту площадь и прилежащія къ ней улицы совершенно опустѣли, но при входѣ въ каждую изъ нихъ были построены надежныя высокія баррикады съ многочисленными защитниками. Запасной или вѣрнѣе временный алтарь, воздвигнутый по срединѣ площади, былъ мгновенно превращенъ въ громадную баррикаду, переполненную защитниками и преграждавшую путь къ церкви. Мало того, всѣ крыши, чердаки и сѣновалы ближайшихъ ранчо, а также и крыша церкви, и колокольня служили теперь прикрытіемъ для охотниковъ, ожидавшихъ момента, когда донъ Рафаель подастъ знакъ начинать дѣйствовать.

Одинъ донъ Лонъ продолжалъ неподвижно стоять, прислонясь плечомъ къ дверямъ храма, не защищенный ничѣмъ отъ непріятельскихъ выстрѣловъ и, повидимому, всецѣло ушедшій въ свои мысли.

Едва всѣ эти мѣры къ оборонѣ были приняты, какъ послышались барабаны испанцевъ, бьющіе аттаку у самаго въѣзда въ селеніе.

Точно электрическій токъ прошелъ по рядамъ мексиканцевъ, но всѣ они оставались неподвижны на своихъ мѣстахъ.

Бой барабановъ быстро приближался и вскорѣ отрядъ испанскихъ войскъ, численностью приблизительно около шести сотъ человѣкъ, безпрепятственно вступилъ на площадь мѣстечка, соблюдая стройный порядокъ и подвигаясь сомкнутыми рядами. Во главѣ отряда было нѣсколько офицеровъ, ѣхавшихъ верхами.

Выѣхавъ на площадь и разсчитывая, что имъ придется имѣть дѣло съ малочисленнымъ, захваченнымъ врасплохъ

врагомъ, плохо вооруженнымъ, полковникъ, командовавшій испанскимъ отрядомъ, приказалъ своимъ людямъ сомкнуться въ одну колонну, чтобы идти въ аттаку, готовясь овладѣть баррикадой, воздвигнутой посрединѣ площади, гдѣ, какъ онъ полагалъ, укрылись инсургенты.

Полковникъ, размахивая своей шпагой, подскакалъ на пистолетный выстрѣлъ къ главной баррикадѣ и крикнулъ вызывающимъ голосомъ:

— Сдавайтесь бунтовщики! Не то я пропущу васъ сквозь штыки!

Въ этотъ моментъ на вершинѣ баррикады появился донъ Рафаель съ пистолетомъ въ каждой рукѣ и развивающимися по вѣтру волосами и крикнулъ громкимъ, звучнымъ, далеко раздающимся голосомъ.

— Умри, проклятый *gachupines*!

— Пли! пли! смерть испанцамъ!

И наведя свой пистолетъ на полковника, онъ первымъ выстрѣломъ убилъ его на поваль. Испуганная лошадь умчалась, волоча за собою своего всадника, правая нога котораго запуталась въ стремени.

По командѣ дона Рафаеля всѣ защитники Пуебло открыли страшный огонь по непріятелю, обстрѣливая его одновременно со всѣхъ сторонъ. Захваченные врасплохъ и сбитые съ толку испанцы, разсчитывавшіе сами захватить врасплохъ испуганное ихъ внезапнымъ появленіемъ населеніе Пуебло, введенные въ заблужденіе тѣмъ еще, что ихъ допустили безпрепятственно войти на самую площадь, принуждены были теперь отстрѣливаться сразу со всѣхъ сторонъ, не имѣя даже возможности видѣть своего непріятеля. притаившаго за баррикадами и всякаго рода прикрытіями. Охотники и контрабандисты вообще превосходные стрѣлки, а теперь, когда ихъ было такъ много и къ тому всѣ они были воодушевлены воинственнымъ духомъ, неизмѣнно присущимъ имъ, бой завязался ужасный.

Мексиканцы не выходили изъ-подъ прикрытія; и съ крышъ домовъ, и съ баррикадъ, даже изъ оконъ, спереди,

сзади, справа и слѣва они безпощадно обстрѣливали испанцевъ, не тратя даромъ ни единаго выстрѣла.

Подъ этимъ огнемъ испанскіе баталіоны положительно таяли, какъ воскъ подъ лучами солнца, но все-же продолжали держаться.

Они построились въ карре. Сознавая, что ихъ ожидаетъ неминуемая гибель, они дрались со всей силою, какую придаетъ иногда отчаяніе, но уже не съ тѣмъ, чтобъ побѣдить, а чтобы продать свою жизнь какъ можно дороже.

Тѣла убитыхъ испанцамъ мѣшали свободно дѣвствовать, они потеряли уже болѣе половины своихъ людей. Принужденные стрѣлять на угадъ, солдаты тратили свои выстрѣлы даромъ, между тѣмъ заряды ихъ истощались такъ, что съ минуты на минуту они должны были даже лишиться возможности защищаться.

Вдругъ, въ самый огонь перестрѣлки ворвался человѣкъ, держа въ рукѣ большое бѣлое знамя.

— Стой!—крикнулъ донъ Рафаель громовымъ голосомъ, который былъ слышенъ всѣмъ, не смотря на шумъ битвы. Съ перваго момента, какъ началось сраженіе, донъ Рафаель не сходилъ съ вершины баррикады, служа мишенью всѣмъ выстрѣламъ и уклоняясь отъ свиставшихъ вокругъ него пуль съ необычайнымъ счастіемъ.

По его слову разомъ прекратился огонь. Мертвая тишина мгновенно смѣнила шумъ битвы. Когда немного разсѣялся дымъ, всѣ увидѣли, что человѣкъ съ бѣлымъ знаменемъ въ рукѣ былъ никто иной, какъ донъ Лопъ Кастилло. Онъ подошелъ къ самой баррикадѣ и обратился къ брату и остальнымъ защитникамъ этого центральнаго пункта Пуебло со слѣдующими словами:

— Я васъ спасъ, предупредивъ о приближеніи испанцевъ. Безъ меня и вы, и дѣти и жены ваши—всѣ вы были-бы перебиты. Согласны-ли вы съ этимъ?

— Да, мы согласны!—отвѣтилъ донъ Рафаель.

— Это правда, мы ему обязаны нашимъ спасеніемъ!—послышалось отъ защитниковъ баррикады.

— И вотъ, теперь я, въ свою очередь, прошу васъ даровать мнѣ жизнь этихъ несчастныхъ; вы не пожалѣете объ условіяхъ, которыя я предложу имъ объ вашего имени. Вспомните только, что сегодня праздникъ Тѣла Христова и Пресвятой Богоматери Гвадолупской—и вотъ, во имя этихъ великихъ Святынь, умоляю васъ пощадить ихъ, и такъ уже пролито слишкомъ много крови! Скажите-же, согласны-ли вы даровать мнѣ жизнь этихъ людей?

Мексиканцы посовѣтовались между собою въ продолженіи нѣскольких минутъ, затѣмъ донъ Рафаель отвѣчалъ отъ имени всѣхъ:

— Мы согласны, братъ мой, даровать тебѣ то, о чемъ ты насъ просишь, не изъ сожалѣнія къ этимъ презрѣннымъ *гачупинамъ*, *(gachupines)*, которыхъ мы ненавидимъ отъ всей души, и которые сами не побоялись воспользоватся этимъ великимъ праздникомъ, чтобы предательскимъ образомъ напасть на насъ, когда, какъ имъ извѣстно, мы всѣ собираемся для молитвы и торжественной религіозной церемоніи. Еще разъ повторяю, не ради этихъ проклятыхъ гачупиновъ, но ради тебя, который, будучи иныхъ убѣжденій, чѣмъ мы, все-же честно предупредилъ насъ о готовящейся намъ западнѣ и сдѣлавъ это, спасъ жизнь нашимъ женамъ, сестрамъ и дѣтямъ, которые всѣ твои друзья и земляки. Такъ прими же нашу искреннюю благодарность! Тѣ условія, какія ты предложишь имъ отъ нашего имени, мы заранѣе утверждаемъ—вѣрь нашему слову, какъ мы вѣримъ твоему!

— Спасибо всѣмъ вамъ!—растроганнымъ голосомъ произнесъ молодой чѣловѣкъ.

Онъ удалился для переговоровъ съ испанцами. Эти послѣдніе переживали минуты страшнѣйшаго безпокойства и тревоги. Изъ числа шестисотъ человѣкъ ихъ оставалось теперь не болѣе двухсотъ, изъ коихъ многіе были болѣе или менѣе серіозно ранены; они потеряли четырнадцать человѣкъ офицеровъ, въ томъ числѣ и полковника, своего командира, убитаго пономъ Рафаелемъ въ самомъ началѣ дѣла.

Измученные, изнуренные солдаты, видя, что у нихъ на-

чинаетъ чувствоваться недостатокъ въ зарядахъ, не смотря на свою беззавѣтную храбрость, начинали падать духомъ и съ радостію привѣтствовали дона Лопа съ бѣлымъ флагомъ въ рукѣ.

Условія вскорѣ были приняты, и подписаны. Испанцы соглашались на все, что имъ было предложено. Они хотѣли только какъ можно скорѣе выбраться изъ омута, куда такъ неосторожно окунулись сами.

Условія, предложенныя имъ дономъ Лопомъ отъ имени мексиканцевъ, были слѣдующія:

Испанцамъ предоставлялось свободно удалиться, но все оружіе свое, за исключеніемъ пятидесяти ружей и четырехъ зарядовъ на каждое ружье, и всѣ патроны они обязались оставить на мѣстѣ въ пользу побѣдителей. Офицерамъ разрѣшалось оставить при себѣ шпаги, но за то они должны были разстаться со своими конями. Затѣмъ испанцамъ предоставлялось право увезти съ собою своихъ раненыхъ и тѣла офицеровъ, убитыхъ во время сраженія.

Кромѣ того испанцы должны были обязаться честью покинуть лѣса по берегу Тихаго Океана и не появляться въ этихъ мѣстахъ ранѣе, какъ по прошествіи года.

Кстати замѣтимъ здѣсь, что этотъ послѣдній пунктъ Мексиканцы сами отвергли, говоря, что они рѣшительно ничего ни имѣютъ противъ вторичнаго прихода испанцевъ, если только имъ придетъ охота опять явиться къ нимъ.

Мексиканцы-же обязались доставить испанцамъ носилки для перенесенія ихъ раненыхъ и не аттаковать ихъ во время отступленія.

Сверхъ всего этого испанцы должны были по уговору дефилировать вокругъ площади и затѣмъ сдать свое оружіе, знамена барабаны, флейты, трубы и снаряды.

Условія эти, конечно, были довольно тяжелыя, но положеніе испанскаго баталіона было столь отчаянное, что имъ не оставалось ничего иного, какъ на все согласиться и подписать условія.

— Прощайте!—сказалъ донъ Лопъ брату и его друзьямъ,

съ чувствомъ пожимая имъ руки,—не судите меня поверхностно, потому что всѣ мы легко можемъ ошибиться и, быть можетъ, и вы впослѣдствіи сознаете, что вашъ приговоръ мнѣ былъ слишкомъ поспѣшенъ и слишкомъ смѣлъ.

— Я ухожу съ испанцами, которымъ хочу служить. Прощайте, подождемъ лучшихъ дней и тогда многое, что теперь кажется страннымъ, вѣроятно, выяснится ко всеобщему удовольствію!

Послѣ того братья въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ говорили о чемъ то шепотомъ и затѣмъ горячо обнялись и разстались, видимо, растроганные, съ слезами на глазахъ.

Мексиканцы молча сняли шапки передъ этимъ страннымъ человѣкомъ, котораго они не понимали, и не имѣя болѣе права порицать, все-же не могли вполнѣ оправдать.

У мексиканцевъ убитыми и ранеными насчитывалось не болѣе десяти человѣкъ.

Благодаря распорядительности дона Рафаеля, по прошествіи не болѣе одного часа времени, тѣла убитыхъ испанцевъ были вывезены за околицу пуебло и схоронены въ одной общей могилѣ. И теперь вблизи пуебло показываютъ небольшой бугоръ, родъ кургана, который носитъ странное названіе: *Sueno de los Gavachos*, т. е. сонъ испанцевъ.

И дѣйствительно, какъ гласитъ преданіе, подъ этимъ бугромъ почили вѣчнымъ сномъ испанцы. Всѣ баррикады были сняты, всѣ дома опять разубраны и разукрашены и празднество Тѣла Христова было отпразднowано съ большимъ торжествомъ, чѣмъ когда-либо; кромѣ того былъ отслуженъ благодарственный молебенъ по случаю одержанной мексиканцами побѣды. Радость населенія была всеобщая, было пущено множество *cohetes*, ракетъ, среди бѣлаго дня, такъ какъ иначе мексиканцы и не понимаютъ никакого фейерверка.

По окончаніи религіозныхъ церемоній донъ Рафаель проводилъ своихъ дамъ до ранчо и провелъ тамъ около двухъ часовъ.

Эти два часа времени прошли какъ дивный сонъ для дона Рафаеля; донна Ассунта призналась во всемъ доннѣ Бенитѣ, которую она любила какъ родную мать, и радость всей семьи была-бы полной, еслибы только оба брата Кастилло не были участниками въ этой войнѣ—и не шли другъ противъ друга.

Главною темой разговора являлся предстоящій бракъ, но срокъ для него еще не былъ назначенъ. Донна Бенита представляла молодымъ людямъ поступать въ этомъ дѣлѣ вполнѣ по ихъ усмотрѣнію и назначить день свадьбы, когда они хотятъ.

Передъ тѣмъ какъ покинуть ранчо, донъ Рафаель посѣтилъ могилу отца, гдѣ долго и усердно молился, а затѣмъ простился съ донной Бенитой и со своей невѣстой, обѣщая имъ вернуться какъ можно скорѣе, но случайности войны закинули его слишкомъ далеко и онъ не могъ сдержать даннаго обѣщанія.

Догнавъ свой отрядъ, молодой капитанъ вернулся вмѣстѣ со своими людьми и тремя громоздкими повозками, запряженными волами, на которыхъ везли оружіе, снаряды и все остальное, забранное у испанцевъ послѣ утренней побѣды, въ мѣсто стоянки мексиканскихъ войскъ на Quemada del Buitre.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ со дня сраженія въ Пало-Мулатосъ, донъ Рафаель былъ уже произведенъ въ полковники и назначенъ командиромъ отряда (partida) кавалеріи численностью въ восемьсотъ человѣкъ, состоящаго почти исключительно изъ бывшихъ вакеро (vaqueros) и укротителей степныхъ коней, настоящихъ центавровъ, беззавѣтно смѣлыхъ и отважныхъ, привычныхъ къ тяжелой военной службѣ, какова она была въ ту пору,—прекрасно дисциплинированныхъ и боготворившихъ своего молодого начальника, свѣтлый умъ, сердечную доброту и безумную смѣлость котораго они давно успѣли оцѣнить.

Эта партида номинально числилась при одномъ изъ корпусовъ мексиканской арміи, который въ послѣднее время

маневрировалъ въ провинціи Дуранго противъ отдѣльнаго корпуса испанскихъ войскъ.

Мы сказали, что партида дона Рафаеля только номинально числилась при корпусѣ, потому что въ сущности донъ Рафаель располагалъ своими людьми, какъ хотѣлъ и дѣйствовалъ вполнѣ по своему усмотрѣнію. Командиръ корпуса всецѣло довѣрялъ ему и предоставилъ полную свободу дѣйствій.

Въ послѣднее время эта партида расположилась лагеремъ въ сіеррѣ Каденсѣ (Cadence), гдѣ поджидала транспорта провіанта, который долженъ былъ прибыть этимъ путемъ для прокормленія испанскихъ войскъ, осаждавшихъ маленькій городокъ Anco-Senores на ріо-Насесъ, не сдававшійся вотъ уже въ продолженіи болѣе мѣсяца и отчаянно сопротивлявшійся испанцамъ.

Донъ Рафаель задумалъ придти на помощь городу, не только отбивъ провіантъ, но, ввезя его въ городъ, снять съ него блокаду. Для осуществленія этого смѣлаго замысла ему необходима была помощь и содѣйствіе главнокомандующаго.

Онъ отправилъ эстафету и ожидалъ теперь отвѣта. Эстафета была отправлена имъ два дня тому назадъ и онъ положительно не находилъ себѣ мѣста отъ нетерпѣнія и ходилъ изъ угла въ уголъ убогаго хакаля, служившаго ему штабъ-квартирой.

Наконецъ, около восьми вечера онъ услыхалъ окликъ часовыхъ и конскій топотъ, а вслѣдъ затѣмъ появился на порогѣ хакаля и вѣстовой. Слѣдомъ за нимъ шелъ капитанъ, адъютантъ главнокомандующаго.

— Ну, что?—спросилъ вошедшаго полковникъ донъ Рафаель, не видя за спиной своего солдата пріѣзжаго офицера.

— Каковъ отвѣтъ?

— Я, ваше высокородіе, не имѣю отвѣта!

— Какъ, не имѣешь? — воскликнулъ полковникъ, сдвинувъ брови.

— Не имѣю, ваше высокородіе! Его превосходительство, нашъ главнокомандующій, поручилъ его высокоблагородію

капитану, своему личному адъютанту, передать вашему высокородію ихъ отвѣтъ.

— Почему-же ты не сказалъ мнѣ этого сразу, болванъ?— смѣясь, сказалъ полковникъ, здороваясь съ офицеромъ.

— Я такъ и доложилъ вашему высокородію!—сказалъ солдатъ.

— Ну, хорошо иди и отдохни теперь, да вотъ возьми себѣ это на чай и скажи, чтобы мнѣ сюда подали свѣту; вѣдь здѣсь зги не видать.—Солдатъ отдалъ поклонъ и поблагодаривъ полковника, повернулся на каблукахъ и вышелъ.

— Извините, что я васъ такъ принимаю, капитанъ!— любезно обратился къ нему полковникъ,—но мы здѣсь не въ главной квартирѣ, и, какъ вы видите, или вѣрнѣе не видите, потому что здѣсь темно, что лишены здѣсь всякаго рода удобствъ!—смѣясь сказалъ донъ Рафаель.

— Мы также лишены всякихъ удобствъ тамъ, въ главной квартирѣ, полковникъ.

— Тѣмъ хуже! ну, что-же поручилъ вамъ передать генералъ, господинъ капитанъ?

— Генералъ въ восторгѣ отъ вашего плана, полковникъ, онъ его одобрилъ и предоставляетъ въ ваше распоряженіе пятьсотъ человѣкъ пѣхоты, двѣсти человѣкъ конницы и четыре орудія, и просилъ передать вамъ, что его страстное желаніе, чтобы Анко-Сеноресъ — (Anco-Senóres) былъ какъ можно скорѣе освобожденъ отъ блокады.

— Онъ можетъ разсчитывать на меня въ этомъ дѣлѣ!— весело сказалъ полковникъ.

— Прекрасно! онъ и дѣйствительно сильно разсчитываетъ на васъ.

Въ этотъ моментъ имъ принесли свѣтъ; тогда гость и хозяинъ взглянули другъ на друга.

— Узнаете вы меня, полковникъ?

— Черты ваши, дѣйствительно, знакомы мнѣ, капитанъ, мнѣ помнится, что мы когда-то встрѣчались, но не могу припомнить, гдѣ и когда?

— Если позволитс, я осмѣлюсь напомнить вамъ, полков-

никъ. Я тотъ самый человѣкъ, которому вы спасли жизнь съ годъ тому назадъ у моста Ліанъ.

— Ахъ, помню, помню! — воскликнулъ весело полковникъ,—вы донъ Торрибіо Карвахаль!

— Да, полковникъ, я тотъ развратный кутила, котораго товарищи прозвали Калаверасъ за ту распутную жизнь, какую я велъ тогда.

— Vive Dios! капитанъ, я очень радъ, что вижу васъ, и что вы теперь на такой прекрасной дорогѣ!

— Этимъ я обязанъ вамъ, полковникъ; теперь я женатъ на той дѣвушкѣ, передъ которой я былъ виноватъ, и счастливъ болѣе, чѣмъ того заслуживаю; жена моя горячо любитъ меня, у насъ прелестный ребенокъ и главнокомандующій очень благосклонно относится ко мнѣ; такъ что, если Господь пошлетъ мнѣ жизни, я могу пойди и дальше по службѣ.

— О, несомнѣнно, и я отъ души буду радъ вашему благополучію!

— Я знаю о постигшемъ васъ несчастіи, донъ Рафаель,— сказалъ немного погодя донъ Торрибіо,—и былъ очень счастливъ, если-бы могъ сколько нибудь доказать вамъ свою признательность, наведя васъ на слѣдъ, если не самаго убійцы, то такого лица, которое можетъ помочь вамъ розыскать его. Именно съ этою цѣлью я и упросилъ генерала возложить на меня порученіе къ вамъ!

— Неужели вамъ что-либо извѣстно?

— Не смѣю васъ увѣрять ни въ чемъ, полковникъ, я даже не увѣренъ, будетъ-ли вамъ сколько нибудь полезно то, что имѣю сообщить вамъ.

— Я буду крайне благодаренъ вамъ, капитанъ, даже и за малѣйшій намекъ или указаніе!

— Извините, полковникъ, если мнѣ придется входить въ нѣкоторыя семейныя подробности для этого, но иначе я не съумѣю вполнѣ выяснить вамъ все дѣло: я былъ воспитанъ, какъ вамъ, быть можетъ, извѣстно, однимъ охотникомъ по имени донъ Хуанъ Педрозо.

— Да, знаю и слышалъ, сколько помню, весьма не лестные отзывы о немъ.

— Онъ, дѣйствительно, пользовался очень дурною репутаціей и, къ несчастью вполнѣ заслуженной!

— Я слышалъ, что онъ съ годъ какъ скрылся изъ нашихъ мѣстъ, и никто не знаетъ, что съ нимъ сталось.

— Я о томъ знаю, полковникъ, но объ этомъ послѣ. Дѣло въ томъ, что у него была дочь, рѣдкой красоты дѣвушка. Мы росли съ нею вмѣстѣ, какъ братъ и сестра и когда вышли изъ дѣтскаго возраста, то полюбили другъ друга и эта любовь не осталась безъ послѣдствій. Я имѣлъ подлость бросить ее, увлекаться другими женщинами и, наконецъ, совершенно покинулъ ранчо и подъ вліяніемъ дурныхъ совѣтовъ и примѣровъ сталъ положительнымъ негодяемъ. На слѣдующее утро послѣ того, какъ вы спасли мнѣ жизнь, старикъ Хуанъ Педрозо, найдя меня спящимъ на берегу рѣки, заманилъ въ ранчо, гдѣ я обѣдалъ въ его семьѣ, и затѣмъ, зная мою дурную славу, принялъ меня за бандита, потому что сталъ предлагать участіе въ грабежѣ и убійствѣ, но видя, что ошибся во мнѣ, притворился хмѣльнымъ такъ ловко, что я вполнѣ дался въ обманъ. Онъ сдѣлалъ видъ, что заснулъ и я собирался уѣхать, но дочь его, донья Леона, поджидала меня у дверей. Не стану говорить вамъ, что тутъ произошло между нами, но Леона сказала мнѣ, что готовится стать матерью; тогда, одумавшись, я вмѣсто того, чтобы отталкивать ее, какъ это дѣлалъ раньше, предложилъ ей загладить свою вину, женясь на ней.

— Вы поступили какъ благородный человѣкъ!

— Донъ Хуанъ, котораго мы считали спящимъ, подслушивалъ насъ. Не слушая того, что я говорилъ ему, онъ хотѣлъ убить свою дочь; дѣло дошло до того, что мнѣ пришлось связать его и увезти его дочь, съ которой мы въ ту-же ночь прибыли въ Тепикъ, гдѣ я и обвѣнчался съ нею. Донъ Хуанъ ужасно угрожалъ намъ, и зная его за человѣка способнаго осуществить эти угрозы, я рѣшилъ скрыться вмѣстѣ съ моей женой. Каково-же было мое удивленіе, когда мѣсяца

два тому назадъ я увидѣлъ своего тестя въ Ласъ-Норіосъ, (Las-Norios) гдѣ тогда стоялъ тотъ мексиканскій отрядъ, въ которомъ я состоялъ на службѣ. Онъ явился и высказалъ желаніе пристать къ нашей партіи, при чемъ объявилъ мнѣ, что все прощено и забыто, что онъ болѣе не держитъ на меня зла и въ доказательство протянулъ мнѣ руку и дружески пожалъ мою. Дѣйствительно, съ тѣхъ поръ между нами не было и помину о прежнемъ.

— До сихъ поръ я не вижу ничего, сколько-нибудь относящагося...—замѣтилъ полковникъ.

— Сейчасъ увидите, что будетъ дальше, и тогда ужъ рѣшите сами. Прошло около недѣли съ того времени, какъ донъ Хуанъ Педрозо состоялъ при нашемъ отрядѣ, когда ему понадобился зарапе и онъ обратился для этого къ одному изъ нашихъ многочисленныхъ разносчиковъ, которые доставляютъ намъ за невѣроятно высокія цѣны все, что намъ можетъ быть необходимо. Торгъ состоялся у нихъ въ вечернее время, когда едва можно было различить что-либо. Тесть мой купилъ у разносчика зарапе и уплатилъ ему стоимость серебряными піастрами, которыхъ у него было порядочное количество въ поясѣ, послѣ чего вмѣстѣ со мной вернулся въ лагерь. Проснувшись по утру, старикъ принялся считать и пересчитывать свои деньги, что онъ постоянно дѣлалъ утромъ. Вдругъ я увидѣлъ въ его лицѣ и жестахъ признаки несомнѣннаго отчаянія. Онъ сталъ охать, жаловаться на что-то и жалобно причитать. Я освѣдомился о томъ, что его такъ сильно огорчило, и онъ сообщилъ мнѣ, что будто одинъ изъ нашихъ товарищей, убитый нѣсколько дней тому назадъ, вручилъ ему при смерти піастръ, который онъ постоянно носилъ на шеѣ и умолялъ его передать эту завѣтную монету его старушкѣ матери, проживавшей въ пуебло Агуасъ Аллюнтесъ (Aguas Alluntes). Онъ далъ этому умирающему товарищу клятву исполнить его послѣднюю просьбу и, взявъ изъ его рукъ піастру въ ладонкѣ, надѣлъ ее себѣ на шею для большей сохранности. Но вчера, по какой-то случайности, цѣпочка, на которой висѣлъ піастръ,

оборвалась и онъ положилъ эту монету второпяхъ въ карманъ, затѣмъ по нечаянности отдалъ его вмѣстѣ съ другими разносчику.

— Ну, и что же дальше?—освѣдомился полковникъ, тщетно стараясь побороть овладѣвшее имъ волненіе.

— Зная прекрасно своего тестя, я былъ убѣжденъ, что вся эта исторія съ умирающимъ товарищемъ—ложь. Я посовѣтовалъ ему розыскать торговца и попросить его вернуть завѣтный піастръ. Едва успѣлъ я преподать ему этотъ разумный совѣтъ, какъ пробили сборъ и намъ пришлось, не теряя ни минуты, выступить въ походъ, чтобы уйти отъ сильнаго и многочисленнаго испанскаго отряда, преслѣдовавшаго насъ по пятамъ. Тутъ ужь, конечно, намъ некогда было думать о торговцѣ!

— Такъ что вамъ и не удалось ничего узнать?

— Врагъ наступалъ на насъ,—продолжалъ улыбаясь капитанъ,—пули, жужжа, пролетали надъ нашими головами, въ рядахъ нашихъ насчитывалось уже нѣсколько человѣкъ убитыхъ и раненыхъ. Я бѣжалъ бѣгомъ, стараясь догнать своихъ товарищей, какъ вдругъ, какой-то человѣкъ, также спасавшійся бѣгствомъ и, очевидно, раненый въ спину, повалился черезъ меня и сбивъ съ ногъ, заставилъ меня скатиться вмѣстѣ съ нимъ въ канаву. Человѣкъ этотъ, самъ того не зная, спасъ мнѣ жизнь, потому что испанцы, нагонявшіе насъ, считая насъ убитыми, не стали безпокоиться о насъ, и преслѣдуя нашихъ, перескакивали черезъ канаву и бѣжали дальше. Вскорѣ шумъ бѣгущихъ надъ нами сотенъ ногъ стихъ въ отдаленіи. Тогда я поднялся на ноги и оглядѣлъ человѣка, которому былъ обязанъ жизнью. Каково же было мое удивленіе, когда я въ немъ узналъ того самаго торговца разносчика, который продалъ моему тестю зарапе! Не помня себя отъ страха при вѣсти о приближеніи испанцевъ, онъ бѣжалъ вмѣстѣ съ нашимъ отрядомъ. Осмотрѣвъ его, я убѣдился, что рана его была пустячная, но вслѣдствіи паденія и потери крови онъ лишился сознанія. Любопытство снова заговорило во мнѣ; мы были одни

и я воспользовался его безсознательнымъ состояніемъ, чтобы пообшарить его карманы. Надо сказать, что они были биткомъ набиты деньгами и мнѣ пришлось употребить не мало времени, чтобы убѣдиться, что того піастра, котораго я искалъ, не находилось въ нихъ. Наконецъ, щупая и ощупывая его повсюду, я совершенно случайно нашелъ еще одинъ карманъ, остроумно устроенный въ спинѣ его доломана. Въ этомъ-то потайномъ карманѣ я нашелъ кожаный кошелекъ и въ немъ въ числѣ многихъ другихъ монетъ и пробитый піастръ, о которомъ мнѣ говорилъ донъ Хуанъ Педрозо! Я поспѣшилъ присвоить его себѣ, замѣнивъ его другимъ піастромъ, такъ какъ не желалъ обокрасть торговца; затѣмъ, вложивъ кожаный кошелекъ въ тотъ же потайной карманъ, выскочилъ изъ канавы, предоставивъ бѣднягѣ отлежаться и очнуться. Между тѣмъ положеніе дѣлъ успѣло измѣниться, теперь уже нападали и преслѣдовали наши, а испанцы бѣжали. Я успѣлъ пробраться въ ряды нашихъ войскъ, отыскать моего тестя и, какъ бы невзначай, привести его къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ все еще не пришедшій въ себя торговецъ. Увидавъ его, Педрозо радостно воскрикнулъ и соскочилъ въ канаву, тогда какъ я продолжалъ свой путь. Въ тотъ-же вечеръ я узналъ, что злополучный торговецъ былъ убитъ и ограбленъ испанцами во время первоначальной паники. Я зналъ, насколько это было вѣрно, но не сказалъ ни слова. Недѣлю спустя донъ Хуанъ Педрозо, покинулъ нашъ отрядъ и передался на сторону испанцевъ.

— Ну, а піастръ? — съ тревогой въ голосѣ спросилъ донъ Рафаэль.

— Піастръ—вотъ онъ, полковникъ! — отвѣчалъ донъ Торрибіо, доставая монету изъ кармана своего доломана и передавая ее дону Рафаелю.

Тотъ взялъ монету въ руки и съ перваго-же взгляда убѣдился, что это была та самая, которую онъ видѣлъ у покойнаго отца.

— Да, это она!—прошепталъ онъ и глубоко задумался.— Боже мой! неужели я въ самомъ дѣлѣ нападу на слѣдъ?

И онъ уставился на капитана глубокимъ, испытующимъ взглядомъ, тогда какъ этотъ послѣдній смотрѣлъ вполнѣ спокойно и улыбался.

— Этотъ піастръ, — сказалъ, наконецъ, донъ Рафаель глухимъ, подавленнымъ голосомъ — дѣйствительно принадлежитъ мнѣ, но какъ вы могли знать объ этомъ?

— Очень просто, мы, дѣти лѣса, всѣ знаемъ другъ друга, всякое болѣе или менѣе крупное событіе, случившееся въ одной изъ семей, тотчасъ-же узнается всѣми.

— Да, это правда!

— А въ данномъ случаѣ ничего не могло быть легче, потому что имя вашего дяди и его жены вырѣзаны на монетѣ также, какъ и день ихъ свадьбы, и день рожденія ихъ дочери, и смерть бѣдной матери ея, и затѣмъ имя ребенка.

— Да, понимаю и благодарю васъ, капитанъ, эта монета была, такъ сказать, брачнымъ документомъ моего покойнаго дяди дона Эстебана и убійца отца моего снялъ ее съ его шеи, потому что считалъ отца уже умершимъ.

— Я такъ и предполагалъ,—сказалъ донъ Торрибіо,—потому-то и хранилъ ее какъ зеницу ока до того момента, пока мнѣ не представился случай лично вручитъ ее вамъ, такъ какъ я ни за что на свѣтѣ не согласился-бы довѣрить третьему лицу!

— Я крайне признателенъ вамъ за это, донъ Торрибіо, и теперь въ долгу у васъ. Однако, скажите мнѣ, какого вы мнѣнія о томъ разсказѣ, который сочинилъ для васъ вашъ тесть. Знали вы того человѣка, о которомъ онъ вамъ говорилъ?

— Весьма мало, полковникъ. Онъ былъ еще новичкомъ въ нашемъ отрядѣ, и, повидимому, послѣдній изъ негодяевъ. О немъ поговаривали, будто онъ способенъ на самыя ужаснѣйшія преступленія и, разсказывали самыя чудовищныя вещи. Какъ вамъ извѣстно, наши волонтеры набираются откуда попало, безъ всякаго разбора. Что-же касается самаго вымысла моего тестя, то я право не знаю, что вамъ сказать. Думаю, что тесть мой не совсѣмъ изобрѣлъ его, потому что

вообще не отличается живостью воображенія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я никогда не зналъ, чтобъ у него могли быть друзья. Этотъ человѣкъ рѣшительно никого, кромѣ одного себя, не любилъ!

— Хмъ! — онъ передался на сторону испанцевъ, говорите вы?

— Да, полковникъ, и теперь командуетъ маленькой партидой самыхъ отъявленныхъ бандитовъ, столь справедливо презираемыхъ всѣми и извѣстныхъ подъ названіемъ Матадоровъ (Matadores).

— Аа... такъ это онъ теперь командуетъ этими негодяями!

— При чемъ онъ счелъ нужнымъ измѣнить свое имя.

— Я знаю, онъ заставляетъ теперь всѣхъ именовать себя Эль-Фрайль, (El Frayle)!

— Совершенно вѣрно, полковникъ!

— Ну, а теперь, донъ Торрибіо, вамъ сейчасъ подадутъ ужинать. Будьте, какъ дома, приказывайте и повелѣвайте, устраивайтесъ, какъ для васъ будетъ удобно, я оставляю васъ здѣсь полнымъ хозяиномъ всего.

— Вы уѣзжаете, полковникъ?

— Да, на часокъ не болѣе; я хочу поѣхать навести справки и вернувшись, вѣроятно, съумѣю вамъ сказать, въ какой день или вѣроятнѣе въ какую ночь мы попытаемся силою снять блокаду съ Анко-Сеноресъ.

— Такъ поѣзжайте съ Богомъ, полковникъ, желаю вамъ успѣха!

Донъ Рафаель призвалъ одного изъ своихъ людей и, отдавъ ему всѣ необходимыя приказанія, чтобы для капитана было все, что ему можетъ потребоваться, затѣмъ вскочилъ на коня и одинъ выѣхалъ изъ лагеря, какъ онъ часто это дѣлалъ.

X. Въ которой, наконецъ, является законъ Линча.

Ночь была прекрасная, но страшно холодная. Здѣсь, въ горахъ, гдѣ теперь укрывались партизаны, на самой гра-

ницѣ вѣчныхъ снѣговъ, гдѣ единственными товарищами ихъ были гордые горные орлы и кондоры, къ одиннадцати часовъ утра и часовъ до четырехъ по полудни жара была положительно нестерпима, но едва только солнце скрывалось за горизонтомъ, наступалъ такой холодъ, что дыханіе леденѣло въ воздухѣ.

Надо было обладать желѣзнымъ здоровьемъ, чтобы безнаказанно выносить такія рѣзкія перемѣны температуры.

Темное голубое небо было усѣяно безчисленными звѣздами, сверкавшими, какъ алмазы, а блѣдный мѣсяцъ плылъ, лѣниво разливая свои холодные лучи на весь окрестный пейзажъ, своевольно измѣняя всѣ очертанія. Рѣдкій воздухъ былъ до того чистъ и прозраченъ, что на громадномъ разстояніи можно было различить даже самые мелкіе предметы.

Плотно завернувшись въ свой широкій военный плащъ, молодой полковникъ крупною рысью спускался съ горы по едва замѣтной тропинкѣ, и добрый, сильный конь его шелъ подъ нимъ твердой, увѣренной поступью, ни мало не смущаясь открывавшимися по бокамъ бездонной пропасти ущельями и обрывами.

Время отъ времени полковникъ издавалъ громкое „Хмъ!“, повторяемое на далекое разстояніе горнымъ эхо.

По временамъ слышались глухіе, отдаленные раскаты грома, доносившіеся изъ глубины ущелій,—и совы, притаившись въ самыхъ верхнихъ вѣтвяхъ гигантскихъ кедровъ, оглашали воздухъ своимъ меланхолическимъ крикомъ,—порою раздавался рѣзкій зовъ мексиканской перепелочки, а изъ долины доносился вой краснаго мексиканскаго волка.

Полковникъ ѣхалъ, не убавляя и не прибавляя шагу. Вотъ уже нѣсколько минутъ, какъ онъ въѣхалъ въ густой лѣсъ, гдѣ было почти совершенно темно. Вдругъ, онъ выѣхалъ на совершенно обнаженную горную вершину; здѣсь, среди каменныхъ громадъ и гигантскихъ обломковъ скалъ, нагроможденныхъ повсюду въ полномъ безпорядкѣ и производящимъ впечатлѣніе страшной картины хаоса, можно

было хорошо укрыться отъ вѣтра, который свирѣпствовалъ на этой высотѣ.

Съ вершины этой голой горы видна была вся мѣстность до самыхъ крайнихъ предѣловъ горизонта.

Смѣло слѣдуя по узкой тропинкѣ, извивавшейся между громадными обломками камней и скалъ, въ продолженiи цѣлой четверти часа, донъ Рафаель увидѣлъ, наконецъ, въ одной изъ скалъ громадную пещеру, передъ входомъ въ которую горѣлъ огонекъ потухавшаго костра, а у костра, вытянувъ къ огню ноги, сидѣлъ какой-то человѣкъ, покуривавшiй прекрасную сигару.

Услыхавъ звукъ копытъ коня, человѣкъ этотъ обернулся и поспѣшно схватился за ружье лежавшее тутъ-же на землѣ но когда разглядѣлъ всадника, то лицо его вдругъ освѣтилось улыбкой. Человѣкъ этотъ былъ донъ Лопъ.

— Добро пожаловать, братъ!—крикнулъ онъ дону Рафаелю,—ты сильно запоздалъ сегодня, я уже около двухъ часовъ жду тебя и почти потерялъ надежду видѣть сегодня, а между тѣмъ я имѣю кое что сообщить.

— И я тоже; что новенькаго?—спросилъ новоприбывшiй, соскочивъ съ сѣдла и покрывъ своего коня толстой попоной.

Съ этими словами онъ подошелъ и присѣлъ къ костру рядомъ съ братомъ.

— Сагаї!—воскликнулъ онъ,—какой собачiй холодъ, право, я едва не замерзъ; вѣришь-ли, у меня на каждомъ волоскѣ усовъ по ледяной сосулькѣ. Завидую тебѣ, ты куришь прекраснѣйшiя гаванны.

— Я привезъ для тебя цѣлыхъ четыре пачки!

— Спасибо, а пока дай мнѣ одну изъ твоихъ.

Онъ взялъ изъ рукъ брата сигару, зажегъ ее и съ наслажденiемъ затянулся.

— Ты не можешь себѣ представить, какой омерзительный табакъ мы вынуждены курить. Вотъ это сигара, такъ сигара! Я вѣдь чуть было не остался у себя. Скажи-ка, когда прослѣдуетъ здѣсь провiантскiй транспортъ, въ какое время?

— Сегодня въ ночь, часа въ четыре утра!

— Прекрасно! Значитъ время есть,—а кто будетъ сопровождать его?

— Я и матадоры!

— Ага! эти мерзавцы тоже участвуютъ въ сегодняшней потѣхѣ? Отлично! Знаешь ты ихъ начальника?

— Нѣтъ! я видѣлъ его только мелькомъ и при томъ онъ такъ искусно окутанъ своимъ монашескимъ балахономъ, что едва можно видѣть кончикъ его носа. —- Признаюсь тебѣ, братъ, что этотъ образъ жизни, который я вынужденъ вести теперь, является для меня невыносимой пыткой, онъ прямо свыше моихъ силъ! Служить людямъ и интересамъ, которые мнѣ ненавистны, сражаться противъ того, за кого готовъ съ радостью пролить послѣднюю каплю крови—это такая пытка, которой я болѣе не въ силахъ выносить!

— Сколько у тебя человѣкъ команды въ твоей партидѣ?—спросилъ донъ-Рафаэль, дѣлая видъ, что не слышалъ послѣднихъ словъ брата.

—- Шестьсотъ!—отвѣтилъ донъ Лопъ, подавляя вздохъ.

— Всѣ они хорошо извѣстны тебѣ?

— Да, очень хорошо. Я набиралъ ихъ съ большимъ разборомъ и осторожностью, и всѣ тѣ, которыхъ ты прислалъ ко мнѣ, завербованы мной безъ исключенія.

— Значитъ, ты во всѣхъ ихъ увѣренъ?

— Да, какъ въ тебѣ и въ себѣ! Всѣ они безусловно преданы нашему дому и ждутъ только моего сигнала, чтобы открыто примкнуть къ либераламъ.

— Прекрасно! А Фрейль (Frayl) тебя знаетъ?

— Да, какъ и всѣ, подъ моимъ военнымъ именемъ—Эль Мучачо (El Muchacho).

— Тѣмъ лучше! А сколько у этого дуралея теплыхъ ребятъ находится подъ командой?

— Человѣкъ триста, настоящихъ чертей!

— Отлично! Теперь слушай меня внимательно: сейчасъ я сдѣлалъ видъ, что пропустилъ мимо ушей твой горькій

ропотъ на свою судьбу, хотя твои слова меня точно ножемъ полоснули по сердцу, но прежде, чѣмъ мы станемъ говорить о нашихъ личныхъ дѣлахъ, я хотѣлъ-бы получить отъ тебя кое-какія свѣдѣнія. О нашихъ-же дѣлахъ не безпокойся, мы сегодня наговоримся вволю. И такъ, скажи, много-ли испанскихъ войскъ стоитъ теперь около Анко Сеноресъ?

— Въ общей сложности свыше двухъ съ половиной тысячъ, но пригодныхъ для боя военныхъ силъ не болѣе тысячи девятисотъ человѣкъ. Все это плохіе солдаты съ плохимъ начальствомъ. Главный ихъ начальникъ, полковникъ Итурбидъ (Iturbide), на плохомъ счету у испанцевъ; полагаютъ, что онъ ужъ слишкомъ явно считаетъ государственные доходы своей законной собственностью, кромѣ того онъ только съ мѣсяцъ командуетъ этими войсками.

— А есть у него какія нибудь орудія?

— Да, у него имѣется восемь орудій, а нашъ провіантскій обозъ доставляетъ ему еще десять крупныхъ орудій.

— Прекрасно! Слѣдовательно твоей команды 600 человѣкъ, моихъ 800; главнокомандующій дастъ мнѣ 500 человѣкъ пѣхоты, 200 человѣкъ кавалеріи и два орудія, что составитъ, если не ошибаюсь...

— Двѣ тысячи сто человѣкъ войска и два орудія; людей у насъ больше, но орудій меньше, чѣмъ у нихъ.

— Нѣтъ и орудій у насъ больше!—сказалъ донъ Рафаэль,—ты забываешь десять пушекъ обоза.

— Да, правда!—сказалъ улыбаясь донъ Лопъ.

— Я даже не принимаю въ разсчетъ неожиданности нашего нападенія. Черезъ часъ комендантъ Анко Сеноресъ будетъ предупрежденъ о нашемъ намѣреніи, въ его распоряженіи находится до шести сотъ человѣкъ, способныхъ сдѣлать вылазку. Изъ этого ты видишь, что успѣхъ намъ почти обезпеченъ, Да, кстати, обозъ долженъ быть отбитъ безъ единаго выстрѣла. Все-ли у тебя готово?

— Все, будь покоенъ на этотъ счетъ!

— Ну, и прекрасно! А не знаешь-ли ты, знакомъ-ли полковникъ Итурбидъ съ Фрейлемъ?

— Не думаю, вѣдь, Фрейль недавно только прибылъ изъ провинціи Валльядолидъ, гдѣ онъ формировалъ свою партиду бандитовъ. Онъ здѣсь не болѣе мѣсяца и теперь въ первый разъ ему поручено экскортировать обозъ.

— А, впрочемъ, это не важно. Ты подъищи человѣка изъ числа твоихъ людей, который-бы до нѣкоторой степени походилъ на него; ему придется всего въ теченіи нѣсколькихъ минутъ разыгрывать достопочтеннаго Фрейля.

— Слѣдовательно, намъ придется дѣйствовать по тому плану, который мы обдумывали вмѣстѣ съ тобою?

— Да, генералъ вполнѣ одобрилъ его и находитъ прекраснымъ.

— Такъ, значитъ, все рѣшено?

— Да! А теперь, покончивъ съ дѣлами конгресса, поговоримъ о нашихъ собственныхъ дѣлахъ.—И, доставъ изъ кармана недавно полученный имъ отъ дона Торрибіо піастръ, донъ Рафаель подалъ его брату.

— Ахъ!—едва внятнымъ отъ волненія голосомъ воскликнулъ донъ Лопъ,—это піастръ покойнаго дяди.—Ты его нашелъ? какимъ образомъ?

— Успокойся, братъ! Если мои предчувствія не обманываютъ, то, вѣроятно, завтра твои мученія окончатся и убійца нашего отца будетъ въ нашихъ рукахъ!

— О, я хочу все знать! хочу, чтобы ты все разсказалъ мнѣ!

— Слушай-же, потому что намъ нельзя тратить даромъ много времени, намъ предстоитъ сегодня не шуточное дѣло!

И донъ Рафаель разсказалъ подробно брату обо всемъ, что было между имъ и докомъ Торрибіо Карвахаль съ часъ тому назадъ.

— Ну, что ты, братъ, на это скажешь?

— Я полагаю, что Господь за насъ!—сказалъ донъ Лопъ,—и что человѣкъ этотъ и есть убійца нашего отца, который теперь будетъ отомщенъ!

— Главное, обрати вниманіе на его руки!

— О, будь покоенъ! Это я сдѣлаю прежде всего!

— А главное, помни еще, что мы съ тобою судьи-каратели, а не убійцы. Надо, чтобъ человѣкъ этотъ принялъ возмездіе за свое преступленіе, а не былъ просто убитъ, какъ можетъ быть убитъ каждый изъ насъ,—ты меня понимаешь, надѣюсь?

— Я не дотронусь до волоса на его головѣ.

— Ты обѣщаешь мнѣ это?

— Клянусь, братъ! О, наконецъ-то, отецъ нашъ будетъ отомщенъ!

— Ну, а теперь, когда все уже сказано между нами, разстанемся, дорогой братъ, и разойдемся каждый въ свою сторону. Въ четыре часа утра мы снова встрѣтимся съ тобой, такъ что тебѣ остается потерпѣть всего нѣсколько часовъ.

— О, это уже все равно! я буду терпѣливъ; не забудь свои пачки сигаръ, вотъ онѣ!

— Не безпокойся, не забуду, большое тебѣ спасибо за нихъ!

Въ продолженіи этого послѣдняго несвязнаго разговора, братья взнуздали своихъ коней, вывели ихъ изъ грота, сѣли на коней, и пожавъ еще разъ другъ другу руки, разъѣхались каждый въ свою сторону.

На этотъ разъ донъ Рафаель галопомъ вернулся въ свой лагерь, куда прибылъ немного ранѣе десяти часовъ.

Онъ пробылъ въ отсутствіи часа полтора; донъ Торрибіо Карвахаль ожидалъ его. Послѣ непродолжительнаго но серіезнаго разговора съ полковникомъ, капитанъ поспѣшно вскочилъ въ сѣдло и, не медля ни минуты, поскакалъ по направленію къ главной квартирѣ.

По отъѣздѣ адъютанта главнокомандующаго, полковникъ собралъ всѣхъ своихъ офицеровъ, разъяснилъ имъ свой планъ, входя даже въ мельчайшія подробности, и, приказавъ имъ соблюдать величайшую осторожность и осмотрительность, распустилъ ихъ.

Нечаянное нападеніе отважнаго партизана превосходило всякія ожиданія. Какъ самъ донъ Рафаель выразился, за-

дача была не легкая, но онъ не унывалъ и надѣялся на удачу.

Онъ не сказалъ имъ только, что разсчитывалъ сегодня убить двухъ зайцевъ однимъ выстрѣломъ. Служа дѣлу либеральной партіи, онъ въ то-же время служилъ и своимъ личнымъ интересамъ. И трудно утверждать, чтобы общее дѣло было важнѣе для него, чѣмъ его личное, потому что дѣло мести у населенія лѣсовъ прибрежья Тихаго океана играетъ чуть-ли не важнѣйшую роль въ жизни.

Въ два часа ночи вся партида, разбуженная поодиночкѣ своими офицерами и унтеръ-офицерами, выстроилась безъ шума въ боевой порядокъ и была готова къ выступленію.

Ноги лошадей были изъ предосторожности обмотаны тряпками, а всадники получили приказаніе подхватить свои сабли подъ лѣвую руку, чтобы избѣжать лязга оружія на ходу.

Когда все это было сдѣлано, полковникъ проворно проѣхалъ по рядамъ своихъ солдатъ частію для того, чтобы убѣдиться, что ни одна изъ мѣръ предосторожности, предписанныхъ имъ, не упущена, частію для того, чтобы сказать мимоѣздомъ солдатамъ нѣсколько словъ, которыми онъ всегда умѣлъ точно наэлектризовать ихъ.

Наконецъ, шепотомъ было отдано приказаніе выступать, и партида тронулась крупной рысью съ мѣста своей стоянки, точно легіонъ ночныхъ привидѣній.

Человѣкъ шестьдесятъ солдатъ, прибывшихъ въ ихъ лагерь за какихъ нибудь полчаса до выступленія, слѣдовали за взводами кавалеристовъ тѣсною, молчаливой группой, подъ начальствомъ трехъ офицеровъ.

Солдаты эти были артиллеристы, присланные главнокомандующимъ для того, чтобы замѣнить прислугу у орудій, отбитыхъ у непріятеля.

Конный авангардъ, человѣкъ въ тридцать, предшествовалъ отряду на разстояніи двухъ сотъ шаговъ, а молодой полковникъ ѣхалъ еще на такомъ-же разстояніи впереди авангарда съ заряженными пистолетами на-готовѣ, принявъ на себя опасную и отвѣтственную обязанность развѣдчика.

На колокольнѣ какой-то, затерявшейся въ долинѣ деревеньки пробило четыре часа ночи, когда по рядамъ отряда пробѣжала шепотомъ сказанная команда „Стой!“.

Колонна остановилась, какъ вкопанная, только командиръ ея, полковникъ донъ Рафаель Кастилло, продолжалъ осторожно подвигаться впередъ.

Достигнувъ поворота дороги, онъ тоже придержалъ коня и доставъ изъ кармана своихъ calzoneros mechero, сталъ усиленно выбивать искры.

Почти въ тотъ-же моментъ въ ста шагахъ впереди него, взвилась къ небу тонкой струйкой ракета и тотчасъ-же упала на землю.

То былъ отвѣтный сигналъ на сигналъ полковника.

Колонна снова двинулась впередъ.

Десять минутъ спустя, миновавъ крупной рысью частый лѣсъ, всадники выѣхали на большую полянку, гдѣ ихъ глазамъ представилось необычайное зрѣлище.

На срединѣ поляны стоялъ обозъ, готовый, очевидно, продолжать свой путь; многочисленная конная команда въ стройномъ, боевомъ порядкѣ какъ будто ожидала прибытія отряда дона Рафаеля. Эти всадники, числомъ около шести сотъ человѣкъ, представляли собою партиду Мучачо (Muchaho), т. е. дона Лопа Кастилло.

Въ тѣни деревьевъ виднѣлась какая-то темная масса, выдѣляясь чернымъ пятномъ на землѣ. То были солдаты партиды Эль-Фрейля. Они казались мертвыми: они спали!

— Имъ хватитъ на цѣлые сутки!—насмѣшливо сказалъ донъ Лопъ, указывая на нихъ презрительнымъ жестомъ.

— Ты смѣешься, братъ. Значитъ, есть что-нибудь новое?

— Да, поди сюда!—нервнымъ, дрогнувшимъ голосомъ вымолвилъ онъ.

— Подожди минуту!

Полковникъ сдѣлалъ кое-какія распоряженія, отдалъ нѣсколько приказаній своимъ офицерамъ и, соскочивъ съ коня, пѣшкомъ послѣдовалъ за братомъ.

Донъ Лопъ отвелъ его на самый край полянки и тамъ

немного поодаль отъ другихъ указалъ ему на человѣка, крѣпко спящаго и связаннаго, какъ и всѣ остальные.

Донъ Лопъ взялъ факелъ и оба молодые человѣка низко склонились надъ нимъ.

— Смотри на него хорошенко!—сказалъ донъ Лопъ и голосъ его вырывался какимъ-то свистомъ сквозь плотно стиснутые зубы.

— Это вѣдь донъ Хуанъ Педрозо!—сказалъ донъ Рафаель,—донъ Торрибіо такъ и говорилъ мнѣ!

— Лицо не важно!—воскликнулъ донъ Лопъ нетерпѣливо,—смотри на его лѣвую руку.

— Тысяча демоновъ!—воскликнулъ молодой человѣкъ, голосомъ, который трудно передать словами,—вѣдь это онъ! Это убійца!

Дѣйствительно, лѣвая рука этого негодяя, лежавшая на виду на груди, не имѣла двухъ крайнихъ пальцевъ.

— Да, это онъ!—съ глухою яростью подтвердилъ донъ Лопъ,—наконецъ-то, онъ въ нашихъ рукахъ!

— И теперь онъ уже не уйдетъ отъ насъ!—продолжалъ донъ Рафаель, нервно пожимая руку брата.

— Что-же намъ теперь дѣлать?—спросилъ донъ Лопъ.

— Не безпокойся болѣе о немъ, это ужъ теперь мое дѣло! Его бросятъ теперь такъ, какъ онъ есть, связаннаго, въ одну изъ артиллерійскихъ повозокъ, а затѣмъ, послѣ сраженія, мы съ тобой посмотримъ, что намъ дѣлать. Двое изъ моихъ людей, въ которыхъ я вполнѣ увѣренъ, не отойдутъ отъ него ни на шагъ.

— Смотри, чтобы онъ не бѣжалъ! А давно-ли онъ спитъ?

— Не болѣе, какъ съ полчаса!

— А когда долженъ будетъ проснуться?

— Черезъ двадцать четыре часа!

— Ну, въ такомъ случаѣ тебѣ нечего безпокоиться. Часа черезъ четыре, много пять, мы будемъ полными хозяевами своего времени, а теперь намъ слѣдуетъ спѣшить, потому что насъ ждутъ!

Взглянувъ еще разъ на убійцу ихъ отца, оба брата крупными шагами вернулись къ своимъ отрядамъ.

Пока командиры занимались своимъ частнымъ дѣломъ, офицеры того и другого отряда не теряли времени. Артиллеристы приводили въ порядокъ и заряжали орудія; послѣднія были совершенно новыя и прекрасныя во всѣхъ отношеніяхъ, и только что прибыли вмѣстѣ съ послѣднимъ подкрѣпленіемъ, присланнымъ изъ Испаніи, такъ что ни разу еще не употреблялись въ дѣло.

Триста человѣкъ изъ партиды дона Рафаеля обмѣнили свои кивера на шляпы матадоровъ, припрятавъ свои въ переметныя сумки, чтобы въ извѣстный моментъ имѣть возможность опять надѣть свои, сбросивъ чужія.

Спящихъ бандитовъ Эль-Фрейля побросали въ пустыя артиллерійскія повозки и крѣпко на крѣпко замкнули надъ ними крышки этихъ фургоновъ. Arrieros, т. е. арьергардъ готовился препроводить ихъ въ лагерь мексиканцевъ.

Одинъ изъ офицеровъ дона Лопа, человѣкъ очень преданный и весьма смышленый, имѣвшій кое-какое сходство съ дономъ Хуаномъ Педрозо, облекся въ монашескую рясу мнимаго Эль Фрейля и готовился принять командованіе надъ переряженной въ шляпы матадоровъ партидой.

Оставалось еще лишь позаботиться о самомъ убійцѣ.

Двое солдатъ подняли его на руки, бросили въ одинъ изъ фургоновъ, и согласно строжайшему приказу своего начальника, ставъ на обѣ стороны этого фургона, должны были ни на шагъ не отступать отъ него.

Убѣдившись, что все въ надлежащемъ порядкѣ, донъ Рафаель обратился съ нѣсколькими теплыми, прочувствованными словами къ своимъ офицерамъ и солдатамъ, затѣмъ, пожавъ еще разъ руку брата, сталъ во главѣ остальныхъ пятисотъ человѣкъ своей партиды и, повернувъ коня, покинулъ поляну.

Первая часть задуманнаго имъ плана была уже выполнена, теперь оставалась вторая,—несравненно болѣе трудная.

Аттака должна была начаться въ пять часовъ утра, т. е. за часъ до восхода солнца.

Теперь молодому полковнику оставалось лишь присоединиться со своими людьми къ подкрѣпленію, присланному ему главнокомандующимъ, и выждавъ сигналъ орудій дона Лопа, аттаковать врага разомъ съ трехъ сторонъ. А донъ Лопъ взялся произвести переполохъ въ испанскомъ лагерѣ.

Мы оставимъ на время дона Рафаеля съ его людьми, а прослѣдимъ за дономъ Лопомъ, на котораго возлагалась труднѣйшая, важнѣйшая и вмѣстѣ съ тѣмъ опаснѣйшая часть задуманнаго плана.

Отъ него требовалась въ этомъ дѣлѣ неслыханная смѣлость и ловкость.

Когда фургоны, увозившіе жандармовъ, скрылись во мракѣ лѣса, донъ Лопъ сталъ готовиться къ дальнѣйшему движенію впередъ.

Войска, которыми онъ располагалъ, были раздѣлены имъ на двѣ отдѣльныя партиды и размѣщены такимъ образомъ, какъ будто обозъ все еще находился въ рукахъ испанцевъ; въ этомъ заключалось самое главное. Надо было, чтобы испанцы, вообще по природѣ своей крайне недовѣрчивые и давно успѣвшіе свыкнуться съ этою войной, главнымъ образомъ основанной на хитростяхъ, засадахъ и захватахъ въ расплохъ непріятеля, въ чемъ сами они были близки къ совершенству, надо было, повторяемъ мы, чтобы у нихъ не явилось ни малѣйшаго подозрѣнія относительно того, что имъ готовилось.

Обозъ двинулся дальше въ стройномъ порядкѣ съ авангардомъ и развѣдчиками впереди и на обоихъ флангахъ, но все было расположено такимъ образомъ, чтобы люди, по первому слову команды, могли соединиться въ одну сплошную стѣну и идти въ аттаку въ случаѣ надобности.

Немного ранѣе пяти часовъ утра, обозъ былъ уже въ виду непріятельскихъ аванпостовъ.

Обоза ожидали; но надо отдать справедливость, испанцы плохо охраняли свой лагерь; по небрежности ли, или же

потому, что они полагали, что имъ нечего опасаться нападенія мексиканцевъ, или по какимъ либо инымъ соображеніямъ, но только весь лагерь поголовно спалъ крѣпкимъ сномъ. Часовые сторожевыхъ пикетовъ едва слышно окликнули и были захвачены въ плѣнъ безъ боя, тоже самое случилось и на аванпостахъ, которые также, будучи захвачены въ расплохъ, сдались безъ выстрѣла.

Въ этотъ моментъ изъ цитадели города плавно взвилась ракета и въ отвѣтъ ей взвились другія двѣ ракеты съ разныхъ сторонъ. Тогда раскрылись одни изъ городскихъ воротъ и изъ нихъ кинулись въ траншеи войска, отважные защитники города, и открыли по непріятелю страшный огонь.

Донъ Лопъ приказалъ навести свои орудія и далъ залпъ картечью.

Одновременно съ этимъ мексиканцы открыли пальбу и ружейный огонь съ двухъ другихъ сторонъ; отовсюду стали раздаваться торжествующіе крики.

— Побѣда! Они во власти нашей! Мексико! Мексико! Нѣтъ пощады!

Оставивъ триста человѣкъ команды для охраны орудій донъ Лопъ влетѣлъ бѣшенымъ аллюромъ во главѣ своей партиды прямо въ центръ непріятельскаго лагеря.

Испуганные такою внезапной неожиданностью испанцы повскакали второпяхъ отъ сна, схватились за оружіе и пытались сплотниться. Всюду завязались отдѣльныя схватки, испанцы бились, какъ черти; бой кипѣлъ на всемъ протяженіи лагеря, дрались повсюду. Мексиканцы, чтобы усилить смятеніе и безпорядокъ въ непріятельскомъ лагерѣ, подбрасывали тамъ и сямъ на палатки на крыши саклей и шалашей зажженные смоляные факелы, и менѣе чѣмъ въ полчаса весь лагерь былъ объятъ пламенемъ.

Вскорѣ сраженіе превратилось въ настоящую бойню; мексиканцы никому не давали пощады, они рѣзали и убивали бѣгущихъ, обезумѣвшихъ отъ страха испанцевъ. Крики и стоны раненыхъ и умирающихъ заглушали собою шумъ

сраженія. Испанскія орудія, направленныя на городъ были повернуты мексиканцами и направлены на лагерь; теперь они палили во всю по несчастнымъ испанцамъ, бѣжавшимъ подъ этимъ градомъ пуль, ядеръ и картечи.

Однако полковникъ Итурбидъ, проснувшійся однимъ изъ первыхъ, успѣлъ собрать около себя отъ семи до восьми сотъ человѣкъ и пытался возстановить порядокъ сраженія.

Все это были старые, бывалые солдаты, отважные въ бою и прекрасно дисциплинированные, готовые пасть до послѣдняго скорѣе, чѣмъ сдаться. Они проявили положительно чудеса храбрости и нѣсколько разъ имъ удавалось даже останавливать и оттѣснять нападающихъ, но было уже слишкомъ поздно, чтобы спасти лагерь; сраженіе было проиграно.

Весь этотъ героизмъ не могъ привести ни къ чему иному, какъ только продлить еще на нѣкоторое время отчаянную битву безъ всякой пользы и дать перебить до послѣдняго этихъ героевъ.

Полковникъ Итурбидъ понялъ это и скомандовалъ отступленіе. Испанцы стали отступать медленно, отбиваясь со всѣхъ сторонъ отъ непріятеля и размыкая ряды, чтобы укрывать въ нихъ бѣгущихъ товарищей, кидавшихся туда, какъ безумные.

Такъ они отступали подъ непріятельскимъ огнемъ гордые, надменные и неустрашимые. Проложить себѣ путь испанцамъ было не особенно трудно, такъ какъ мексиканцы только обстрѣливали ихъ, но не преслѣдовали серіозно: имъ не было причины опасаться вторичнаго возвращенія испанцевъ подъ стѣны Анко Сенoресъ, такъ какъ у тѣхъ не было ни пушекъ, ни оружія, ни зарядовъ, ни провіанта, все было отбито у нихъ непріятелемъ, въ томъ числѣ пять знаменъ.

Оставивъ на мѣстѣ пятьсотъ человѣкъ раненыхъ, которыхъ они не имѣли возможности убрать, мексиканцы забрали въ плѣнъ восемьсотъ человѣкъ солдатъ, не считая разносчиковъ торговцевъ и маркитантовъ, не участвовавшихъ въ сраженіи. Кромѣ того они захватили еще

до 400 копій. Такимъ образомъ была снята осада съ маленькаго городка Анко Сенココесъ, стратегическое положеніе котораго играло чрезвычайно важную роль для обѣихъ воюющихъ сторонъ.

Теперь исторія объ освобожденіи отъ осады этого маленькаго городка перешла въ область легенды, не столько вслѣдствіе необычайной смѣлости плана, сколько благодаря тому, что это событіе связано съ именемъ полковника Итурбида, ставшимъ впослѣдствіи столь громкимъ и столь трагически извѣстнымъ въ исторіи мексиканской революціи.

Когда испанцы окончательно покинули окрестности города Анко Сенересъ, а преслѣдовавшіе ихъ отряды вернулись въ городъ и объявили, что непріятель ушелъ въ горы сіеры де ла Каденса, направляясь къ маленькому городку Мапими, донъ Рафаель ввелъ обозъ въ городъ, затѣмъ, соединивъ свою партиду съ партидой брата, ускореннымъ маршемъ направился въ главную квартиру мексиканскихъ войскъ, поручивъ отряду дона Торрибіо экскортировать плѣнныхъ, раненыхъ и фургоны съ оружіемъ и снарядами, непріятельскія знамена и орудія. Донъ Хуанъ Педрозо, крѣпко связанный, и подъ конвоемъ двухъ конныхъ солдатъ, запертый на ключъ въ одномъ изъ фургоновъ также слѣдовалъ въ обозѣ. Донъ Лопъ изъ предосторожности захватилъ ключъ отъ фургона съ собою, опасаясь, чтобы движимый любопытствомъ донъ Торрибіо не вздумалъ открыть крышки фургона и, увидавъ своего тестя, не былъ удивленъ такого рода страннымъ съ нимъ обращеніемъ. Такой случайности слѣдовало избѣжать, во что бы то ни стало.

Главнокомандующій принялъ обоихъ братьевъ чрезвычайно благосклонно и горячо поздравлялъ ихъ съ успѣхомъ ихъ труднаго предпріятія и быстроты, съ которой ихъ рискованный планъ былъ приведенъ въ исполненіе.

Дѣйствительно, сраженіе продолжалось не болѣе часа, такъ что къ восходу солнца все уже было кончено.

На слѣдующій день прибылъ въ главную квартиру по-

сланный отъ конгресса, чтобы вручить тремъ командирамъ отрядовъ назначенныя имъ отъ конгресса награды.

Донъ Рафаель былъ произведенъ въ генералы, донъ Лопъ—въ полковники, а донъ Торрибіо Карвахаль—въ баталіонные командиры.

Это было весьма справедливо, въ особенности по отношенію къ дону Лопу, на долю котораго выпала столь тягостная и рискованная роль, и который теперь, присоединясь къ либеральной арміи, доставлялъ ей отрядъ въ шестьсотъ человѣкъ лихихъ, удалыхъ кавалеристовъ, также горячо преданныхъ дѣлу освобожденія, какъ и самъ онъ.

Вся армія одобряла и относилась сочувственно къ отличію, коимъ былъ удостоенъ этотъ молодой человѣкъ.

. . . .

. . . .

Спустя нѣсколько дней послѣ бѣгства своей дочери, увезенной дономъ Торрибіо Карвахаль, какъ мы о томъ разсказывали въ одной изъ предыдущихъ главъ, донъ Хуанъ Педрозо самъ покинулъ свой ранчо, оставивъ въ немъ одну свою жену, и не сказавъ ей ни слова ни о причинахъ, побуждавшихъ его къ столь внезапному удаленію, ни о томъ, когда онъ намѣренъ вернуться.

Прошло болѣе года со дня его внезапнаго ухода, который донна Мартина положительно не знала чему приписать. Это кроткое доброе существо всегда безропотно сносила звѣрское обращеніе съ нею мужа, и не могла придумать, чѣмъ она могла провиниться передъ нимъ на столько, чтобы онъ въ теченіи всего этого времени не далъ ей никакой вѣсти о себѣ; она даже не знала, живъ онъ или умеръ.

Дочь писала ей уже два раза, сообщая о своемъ бракѣ съ дономъ Торрибіо и увѣряя ее въ своемъ счастіи, а въ другой разъ донна Мартина случайно узнала о томъ, что дочь ея благополучно родила ребенка, котораго боготворитъ и что мужъ ее поступилъ въ ряды дѣйствующей мексиканской арміи, оставивъ жену въ маленькомъ горномъ городишкѣ Зимапанъ (Zimapan) въ провинціи Мексико. Ника-

кихъ другихъ свѣдѣній о близкихъ и дорогихъ ей существахъ бѣдная старушка не имѣла.

Она влачила очень печальное существованіе; особенно тяготило ее это одиночество; не желая оставаться совершенно одна въ ранчо, она пригласила жить съ собой двоихъ своихъ дальнихъ родственниковъ, людей чрезвычайно бѣдныхъ, для которыхъ это предложеніе ея было чистымъ благодѣяніемъ.

Съ этого времени жизнь ея потекла покойно, однообразно, но скучно, потому что ничто не веселило и не развлекало этихъ людей, не имѣвшихъ въ жизни никакой цѣли и никакой отрады. Однажды вечеромъ, оставшись одна въ общей комнатѣ ранчо, донья Мартина печально размышляла о своей жизни, какъ вдругъ, кто-то постучалъ въ дверь довольно сильно и рѣзко.

Это было около десяти часовъ вечера, а столь позднее время считается въ лѣсу совершенно не удобнымъ для посѣщеній, такъ какъ здѣсь всѣ ложатся спать вскорѣ послѣ заката солнца. Бѣдная женщина перетрусила въ первую минуту, но затѣмъ успокоилась, подумавъ, что она никогда въ своей жизни не дѣлала никому зла, и что у нея были одни друзья, а враговъ не было никогда; быть можетъ, въ сердцѣ ея шевельнулася смутная надежда, что къ ней вернулся ея мужъ.

Она встала со стула и пошла отворить дверь.

Въ комнату вошли нѣсколько человѣкъ мужчинъ, а въ полуоткрытую дверь она увидѣла при свѣтѣ полной луны еще много другихъ, верхами неподвижно и безмолвно стоявшими вокругъ чернаго мула, на спинѣ котораго былъ привязанъ какой-то громадный тюкъ, неясныя очертанія котораго смутно напоминали человѣческую фигуру.

Сердце бѣдной женщины, столько выстрадавшей въ послѣднее время, невольно сжалось отъ страха; крикъ ужаса вырвался изъ ея груди, когда она увидѣла, что лица всѣхъ вошедшихъ въ комнату людей были скрыты подъ черными масками.

— Успокойтесь, сеньора! — сказалъ одинъ изъ замаскированныхъ, — вамъ не грозитъ никакой опасности, мы не бандиты, не убійцы и не воры!

— Но кто же вы такіе, Бога ради? — воскликнула бѣдная женщина, съ умоляющимъ видомъ сложивъ руки.

— Мы судьи! — отвѣтилъ глухо замаскированный, — но съ васъ не требуемъ никакого отчета, мы хотимъ только попросить васъ отвѣчать намъ на нѣкоторые вопросы, которые намѣрены сдѣлать вамъ, но прежде всего, прошу васъ сѣсть и успокоиться: повторяю, вамъ нечего насъ опасаться!

Дрожа всѣмъ тѣломъ бѣдная женщина скорѣе упала, чѣмъ сѣла на стулъ, который ей подвинулъ замаскированный незнакомецъ.

Наступило непродолжительное молчаніе.

— Ну-съ, можете вы теперь отвѣчать, сеньора? — вѣжливо освѣдомился незнакомецъ.

— Да, сеньоръ, я полагаю, что могу!

— Какъ васъ зовутъ?

— Мартина Долоресъ Пачеко Терраль.

— Вы законная супруга дона Хуана Педрозо?

— Да, сеньоръ!

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что замужнія женщины въ Мексикѣ и Испаніи сохраняютъ свое дѣвичье имя и фамилію.

— Мужъ вашъ покинулъ васъ?

— Да, сеньоръ, вотъ уже пятнадцать мѣсяцевъ и семнадцать дней! — отвѣтила бѣдная женщина.

— А по какой причинѣ онъ это сдѣлалъ?

— Я и сама не знаю, сеньоръ!

— Вы не знаете?

— Клянусь вамъ Пресвятой Богоматерью Гвадулупской, моей святой покровительницей!

— Я вѣрю вамъ; а послѣ своего ухода давалъ онъ вамъ какія нибудь вѣсти о себѣ?

— Никогда! — отвѣчала она, подавляя тяжелый вздохъ,

— Вы однѣ живете?

— Нѣтъ, со мной живутъ двое моихъ родственниковъ, мужъ и жена; я просила ихъ поселиться вмѣстѣ со мною послѣ того, какъ мужъ мой оставилъ меня, потому что полное одиночество страшило моня.

— А это ранчо ваша собственность?

— Нѣтъ, сеньоръ, этотъ ранчо и все, что въ немъ есть, принадлежитъ мужу, моего здѣсь нѣтъ ничего!

— Но чѣмъ-же вы живете?

— Тѣми крохами, которыя достались мнѣ отъ моей семьи; мужъ мой, уходя, унесъ съ собой все, что только могъ захватить, даже и коней!

— Однако у васъ на конюшнѣ есть животныя!

— Да, у меня ихъ три—сеньоръ, одна дойная корова и коза, которыя снабжаютъ меня молокомъ.

— Извѣстно-ли вамъ, гдѣ теперь проживаетъ ваша дочь?

— Мнѣ говорили, что она живетъ въ Зимапанѣ—въ провинціи Мексико.

— Да, она живетъ тамъ; скажите были-бы вы рады увидѣть вашу дочь?

— О, да сеньоръ! это было бы величайшей радостью для меня; я такъ люблю ее!.. но, къ несчастію...

— Вы скоро увидите ее! — прервалъ старушку незнакомецъ,—подите разбудите вашихъ родственниковъ.

Въ этотъ моментъ они, какъ-будто ихъ звалъ кто, сами вошли въ комнату; шумъ голосовъ разбудилъ и они поспѣшили одѣться и выдти, чтобы посмотрѣть въ чемъ дѣло.

— Сеньора,—продолжалъ тогда незнакомецъ, тономъ, не допускающимъ возраженій, — надо, чтобы не далѣе какъ черезъ часъ вы покинули этотъ ранчо, куда вы никогда болѣе не вернетесь; двое изъ моихъ людей благополучно доставятъ васъ въ Гуано-хуанто (Guanojonante) а оттуда вамъ уже будетъ не трудно добраться до Замапана, гдѣ живетъ ваша дочь и гдѣ она ожидаетъ васъ. Ваши родственники могутъ сопровождать васъ въ вашемъ путешествіи и по прибытіи въ Зимапанъ вы найдете тамъ вашу корову и козу. Спѣшите-же со своими сборами въ дальній путь и глав-

ное не оставляйте здѣсь ничего изъ принадлежащаго вамъ Мы привели съ собою сильнаго молодаго мула, который повезетъ на себѣ вашу кладь и пожитки, чтобы не обременять ими лошадей. Мы-же всѣ удалимся отсюда и будемъ ожидать тамъ, на полянѣ, пока вы окончите сборы. И такъ, до скораго свиданія, сеньора!

По знаку незнакомца всѣ замаскированные люди вышли за порогъ ранчо, а онъ самъ вышелъ послѣднимъ, но прежде чѣмъ запереть за собою дверь, еще повторилъ.

— Такъ черезъ часъ вы должны быть готовы!

— Боже мой, Боже мой! что это значитъ?—воскликнула недоумѣвающая женщина, горестно воздѣвая руки къ небу, какъ только она осталась одна со своими родственниками.

— Это значитъ, сестра, что намъ слѣдуетъ повиноваться!— проговорилъ послѣдніе. Мы въ рукахъ карателей за преступленіе этого демона Хуана. Вашъ мужъ совершилъ, вѣроятно, какое нибудь страшное преступленіе и здѣсь разыграется страшная драма. Будемъ спѣшить, если не хотимъ, чтобы и съ нами случилась какая нибудь бѣда.

— Это убьетъ меня! — воскликнула въ отчаяніи, ломая руки, донна Мартина.

— Нѣтъ дорогая сестра,—ласково сказала жена ея родственника,—къ чему вамъ приходить въ отчаяніе, вѣдь, вамъ предстоитъ увидѣть вашу дочь, и вы будете счастливы какъ того заслуживаете.

— Да, да! дочь моя, дорогая моя Леона, я хочу видѣть ее!

Не прошло и получаса, какъ всѣ сборы были окончены, всѣ три лошади осѣдланы, мулъ нагруженъ, корова и коза уложены на мягкую подстилку изъ соломы на телѣгѣ, запряженной парой добрыхъ коней и были отправлены впередъ.

— Мы готовы исполнить ваше приказаніе!—сказала донья Мартина, пріотворяя дверь ранчо.

Незнакомецъ неподвижно стоялъ противъ этой двери. Услыхавъ голосъ доньи Мартины, онъ подалъ ей руку, под-

велъ ее къ одной изъ лошадей, самъ помогъ сѣсть въ сѣдло и почтительно поклонившись сказалъ:

— Прощайте, сеньора, вы хорошая женщина, будьте счастливы и Господь съ вами!

Затѣмъ поклонился и двумъ ея родственникамъ и пожелалъ всѣмъ имъ счастливаго пути.

— Прощайте, сеньоръ!—печально отозвалась донья Мартина, — Богъ да проститъ вамъ то, что вы, если я только не ошибаюсь, намѣрены сдѣлать.

Пять минутъ спустя одни замаскированные люди оставались на полянкѣ.

Прошло около получаса; они не шевелились и не проронили ни слова. Они, очевидно, хотѣли дать изгнанникамъ удалиться настолько, чтобы тѣ не могли ни видѣть, ни слышать того что, здѣсь должно было произойти.

— Приведите ко мнѣ этого человѣка!—сказалъ незнакомецъ.

И онъ вошелъ въ домъ, куда за нимъ послѣдовала добрая половина его товарищей.

Остальные остались на полянѣ караулить всѣ пути, выходящіе на полянку.

Въ комнату внесены были двѣ свѣчи и поставлены на столъ, передъ которымъ сидѣлъ незнакомецъ, отдававшій приказанія остальнымъ.

Затѣмъ въ комнату привели дона Хуанито Педрозо; по знаку незнакомца ему развязали руки и сняли со рта повязку.

Онъ оглядѣлъ недоумѣвающимъ, любопытнымъ взглядомъ всю комнату.

— Кто вы такіе и чего вы хотите?—спросилъ онъ рѣзкимъ злобнымъ голосомъ, — зачѣмъ привезли вы меня въ этотъ ранчо, который принадлежитъ мнѣ?

— Мы привезли васъ сюда, чтобы произвести надъ вами судъ и какъ только приговоръ будетъ произнесенъ, каковъ бы онъ ни былъ, тотчасъ же привести его въ исполненіе на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ было задумано вами ваше гнусное преступленіе!

Партизанъ презрительно пожалъ плечами.

— Я положительно не понимаю, что вы хотите сказать. Если вы хотите меня зарѣзать, то зачѣмъ же дѣло стало? Вы сильнѣе меня! но зачѣмъ, спрашиваю васъ, вамъ понадобилось убить меня на глазахъ моей жены?

— Вашей жены нѣтъ уже здѣсь!—отвѣчалъ незнакомецъ ледянымъ тономъ, — она уѣхала уже съ часъ тому назадъ, увозя все, что ей принадлежало!

Несмотря на всю свою наглость, донъ Хуанъ былъ пораженъ точно громомъ этимъ отвѣтомъ незнакомца, однако очень скоро оправился и снова продолжалъ все тѣмъ же насмѣшливымъ тономъ.

— Въ чемъ же собственно обвиняютъ меня?

— Васъ обвиняютъ въ томъ, что вы убили съ цѣлью ограбленія дона Сальватора Кастилло и затѣмъ подожгли его ранчо!

— Это нелѣпо!—пожавъ плечами, воскликнулъ партизанъ, — я почти не зналъ дона Сальватора Костилло и не имѣлъ ни малѣйшей причины ненавидѣть его.

— Все это правда, но вы знали, что онъ богатъ и хотѣли отнять у него тѣ три тысячи піастровъ, которыя онъ въ тотъ же день получилъ при васъ въ Санъ-Блазѣ!

— Все это еще ничего не значитъ и не имѣетъ ни малѣйшаго смысла. Кто осмѣливается обвинять меня въ этомъ гнусномъ претупленіи?

— Именно гнусномъ! Обвинителемъ въ этомъ дѣлѣ является прежде всего самъ покойный донъ Сальваторъ, который передъ смертью успѣлъ все сказать своему старшему сыну, затѣмъ священникъ, который дѣлалъ вамъ перевязку, и наконецъ, вотъ этотъ піастръ, сорванный съ шеи убитаго вами человѣка. Вотъ она, эта монета, этотъ пробитый піастръ! Смотрите, тотъ-ли это?

И незнакомецъ протянулъ къ нему руку съ монетой.

— Напрасно! Это лишнее! — воскликнулъ убійца, сдѣлавъ при этомъ невольное движеніе, въ которомъ сказался и суевѣрный страхъ, и отвращеніе, и отвернулся въ сторону.

— Возьмите эту монету, спрячьте ее, я не хочу ее видѣть!— съ нервнымъ возбужденіемъ заговорилъ онъ.

— Значитъ, вы признаетесь въ вашихъ злодѣяніяхъ?

— Къ чему тутъ признаваться? вамъ все извѣстно!.. дѣлайте со мной что хотите!.. затѣмъ, подумавъ немного! онъ прибавилъ, — а вѣдь я былъ увѣренъ, что убилъ его!

Незнакомецъ обратился къ стоявшимъ по правую и левую сторону его, такъ же какъ и онъ замаскированнымъ людямъ, и сказалъ:

— Признаете ли вы, что этотъ человѣкъ по собственному своему сознанію призналъ себя убійцей, воромъ и поджигателемъ!

— Да!—отвѣчали почти въ одинъ голосъ всѣ присутствующіе.

— Каковъ же будетъ вашъ приговоръ ему?

— Законъ возмездія: око за око и зубъ за зубъ!—отвѣтили мрачные судьи.

— Такъ убейте меня и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше — съ ироническимъ смѣхомъ воскликнулъ партизанъ.

— Хуанъ де Діосъ Педрозо, — продолжалъ незнакомецъ все тѣмъ-же невозмутимо холоднымъ, ледянымъ тономъ.— Убійца, воръ и поджигатель, по приговору суда Линча, ты долженъ умереть!

— Благодарю!—наслѣшливо отозвался приговоренный къ смерти, презрительно пожавъ плечами.

— Вы приговариваетесь, — продолжалъ незнакомецъ, — быть сожженнымъ живьемъ въ стѣнахъ вашего ранчо, точно также какъ вы намѣревались поступить съ вашей несчастной жервой въ ранчо, подожженномъ вами!

— О, вы не сдѣлаете это!—воскликнулъ онъ съ нескрываемымъ ужасомъ.

Незнакомецъ сдѣлалъ знакъ.

Нѣсколько человѣкъ накинулись на злодѣя, который вылъ отъ ярости и отчаянія и сопротивлялся, но не смотря

на его бѣшенныя усилія вырваться и избѣжать своей страшной участи, въ одну минуту повалили на полъ и связали не веревками, а желѣзными цѣпями, затѣмъ заткнули ему ротъ, чтобы онъ не могъ кричать.

Въ такомъ видѣ его положили на столъ въ общей комнатѣ ранчо и оставили тамъ, а судьи медленно вышли, оставивъ дверь открытой, послѣ чего домъ подожгли въ нѣсколькихъ мѣстахъ сразу и оцѣпили его со всѣхъ сторонъ, молча и угрюмо слѣдя за ходомъ пожара, быстро обхватившаго все зданіе.

По прошествіи не болѣе десяти минутъ ранчо представлялъ собою одинъ громадный пылающій костеръ и среди этого пламени можно было различить несчастнаго злодѣя, корчившагося и извивавшагося въ страшныхъ мукахъ.

Пожаръ продолжался около часа, послѣ чего отъ ранчо не осталось ничего, кромѣ кучки пепла.

Судьи прождали еще часъ на полянкѣ передъ сгорѣвшимъ ранчо, затѣмъ водрузили посреди все еще курившихся развалинъ высокій столбъ, привезенный ими нарочно для этой цѣли, а къ столбу прибили большую доску, на которой было написано крупными четкими буквами:

„По суду Линча Хуанъ де Діосъ Педрозо, убійца, воръ, поджигатель и измѣнникъ, былъ сожженъ живымъ въ этомъ ранчо; таковъ законъ возмездія, око за око и зубъ за зубъ!“

Затѣмъ, такъ какъ судьямъ не оставалось ничего болѣе дѣлать здѣсь, всѣ они сѣли на коней и мгновенно скрылись въ темной чащѣ лѣса.

Эта страшная казнь навела страхъ и ужасъ на всю страну.

Никто не могъ прямо указать на тѣхъ, кто привелъ ее въ исполненіе, но всѣ догадывались, кто были эти люди, только никто не осмѣливался назвать ихъ по имени.

Донья Мартина, поселившаяся у своей дочери, такъ и не узнала о страшной участи, постигшей ея мужа, и умерла

много лѣтъ спустя, счастливая и довольная, окруженная своими внуками.

Мѣсяцевъ шесть или семь спустя послѣ той страшной казни генералъ донъ Рафаель Кастилло, серьезно раненый во время одного изъ своихъ смѣлыхъ предпріятій, которыя были ему особенно по душѣ, пріѣхалъ на поправку въ свой ранчо у моста ліанъ. Братъ его, полковникъ донъ Лопъ, пріѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ; въ это время была отпразднована свадьба доньи Ассунты съ griffonомъ...

Церковь селенія Пало-Мулатосъ оказалася слишкомъ тѣсной, чтобы вмѣстить все населеніе не только этого пуебло, но и всѣхъ окрестныхъ дальнихъ и ближнихъ деревень и селеній, такъ какъ каждый считалъ своимъ священнымъ долгомъ присутствовать при бракосочетаніи столь прославленнаго генерала, желая доказать этимъ ему и всей его семьѣ, въ какой чести и почетѣ онъ былъ у нихъ у всѣхъ.

Теперь скажу еще нѣсколько словъ. Донъ Лопъ, произведенный также въ генералы и избранный въ члены конгреса республики, по прежнему упорно отказывался отъ брака и умеръ холостымъ, пронянчивъ въ продолженіи многихъ лѣтъ, какъ самъ онъ себѣ напророчилъ когда-то, дѣтей и внучатъ брата, съ которымъ онъ никогда не разставался въ теченіе всей своей жизни.

Братья никогда болѣе не встрѣчались съ дономъ Торрибіо Карвахаль; причины этого окончательнаго разрыва остались для всѣхъ неразгаданными.

Въ настоящее время семья Кастилло одна изъ самыхъ вліятельныхъ и уважаемыхъ въ Мексикѣ. Она давно переселилась изъ лѣсовъ Тихо-океанскаго прибрежья въ окрестности Мексико, и даже самые потомки этой семьи забыли, что ихъ славный родъ ведетъ свое начало отъ скромнаго контрабандиста, проведшаго всю свою жизнь въ глухомъ дѣвственномъ лѣсу близъ Санъ-Блазъ.

Теперь они и знатны, и богаты. Какое имъ дѣло до всего остального?!..

Мы хотѣли описать здѣсь жестокіе, звѣрскіе нравы этой полудикой страны, которые теперь, благодареніе Богу, начинаютъ, мало по малу, выводиться даже и въ этой отдаленной глухой странѣ. Не знаю, насколько намъ это удалось.

КОНЕЦЪ.